

Народный быт Великого Севера

Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Иванушко дурачок

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был старик со старухою; у них было три сына: двое — умные, третий — Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурачок ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха Аржаных клецок и говорит дураку: «Ну-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полной горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечной; только вышел Иванушко за околицу, увидал свою тень с боку, и думает: «Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает; верно клецок захотел!» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотри, а тень все с боку идет: «Эка ненасытная утроба!» — сказал дурачок с сердцем, и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разныя стороны. Вот приходит он с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем? — Вам обед принес. — Где же обед? Давай живее. — Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо-какой человек, да и все поел! — Какой-такой человек? — Вот он! И теперь рядом стоит!». Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать. Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдириать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле: «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое? — Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать; глаза выдириать; во как умаялся! — Постой еще не так умаешься!» — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком таки досталось дураку на орехи.

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушко: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целой воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет! «А что, — думает себе Иванушко, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре; так стол-от и сам добежит!» Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают. «Знать сестрицам поесть покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюдо с ествами наземь и начал подчивать: «Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье». А сам все вперед да вперед подвигается. Едет Иванушко перелеском; по дороге все пни обгорелые. «Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что же ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил на повал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко дурак!» — бросил их, и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушко-дурак! Вот вам Иванушко-дурак! Еще вздумали дразнить негодных!» Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики! — Спасибо, дурак, да где же у тебя закупки-то? — А стол-от бежит, да знать отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул. — Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге». Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших, и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака остались домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди! Дурака не дразни!» — говорит Иванушко. Нет, пиво не слушает, взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка — зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушко и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею! — Постой, дурак! — сказал барин, — я умею и судить, и рядить; вылезай из куля!» Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед, и слушают, а в воде так и буркает. «Знать бурка ловит!» — проговорили братья и побрали домой. На встречу им,

откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихваствывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сиво — такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушко-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

Записано в Кадниковой М. Перавиной.

Про волдянку биляночку

Жил-был старик да старуха, а детей у них не было. Пошли старик да старуха в лес по грибы и нашли там волдянку билянку, принесли домой, положили в горшочек и закрыли волошком. Через час вдруг в горшочке под волохом заговорило: «Дедушка да бабушка, откройте!» Открыли, а там — девушка — Аннушка.

Вототка живет Аннушка и растет не по годам, а по часам, в сутки, в двои уже большая выросла. Пошли девки в лес по грибы и стали упрашивать, чтобы отпустили с ними и Аннушку. А дедушка да бабушка говорят: «Куды! Как да заблудитесь! — Нет, не заблудимсё, отпустите». И отпустили Аннушку. Шли они да и заблудились эти девицы и пришли к еги-бабиной избушке. Еги-баба и закричала: «Фу, фу, фу! Русский дух: слыхом не слыхано, видом не видано, сам на дом пришел, съем вас теперь!» А девки и говорят: «Ой ты баушенька! Ты бы накормила да напоила, втожно-бы и ела!» Еги-баба затопила печь, заварила завару и давай девок кормить. Иныя девки едят да в пазушку кладут, а Анна все ела спроста дочиста. Отъели, еги-баба и говорит: «Подайте мою завару!» Все подали завару, а Аннушке нечего отдать. Еги-баба отпустила девок домой, а Анну оставила у себя. Пришли девицы домой и сказали, что еги-баба не отпускает Аннушку. Затужили старик да старуха, да делать нечего, не воротишь.

А еги-баба подала Аннушке копыто да и говорит: «Ищи в голове да приговаривай». Та и стала искать в голове да приговаривать: «Спи глазок, спи другой, спи ушко, спи другое, спи ручка, спи другая, спи ножка, спи другая!» Еги-баба и уснула, а девица вышла на крыльцо да и плачет.

Вдруг бежит стадо коней: «О чём, красная девица, плачешь? — Да вот еги-баба домой не отпускает. — Садись на меня да держиши за уши, так я тебя домой довезу».

Девица только села, а еги-баба и завозилась. Видит, что дело не ладно, села в ступу и погналась за Аннушкой. Только бы схватить, а лошадь и сунулась к старику на повить. А старики был тут и с ружьем; сбирался идти в лес искать Аннушку. Увидел он сперва коня с девицей, потом еги-бабу в ступе с помелом и выстрелил в нее из ружья. Тут еги-баба и ноги протянула.

Закопали ее на задворье и палку на могиле поставили, а коня повели в анбар к овсу к цельному сусеку. Аннушка и старики и топере живут по-прежнему, всего наживают да Анну наряжают, да взамуж обещают.

Коток золотой лобок

Не в которой большой деревне жил старики со старухой близ лесу в худой избенке. Раз старуха и посыпает старику в лес: ступай, говорит, старики, нарости дров, я хоть печку истоплю да каши наварю. Взял старики топор и пошел на лес дрова рубить. Подходит к пню, только ударил по нем топором, как выскоцил коток золотой лобок и крикнул: «Меня, кота, будиши, мне спать не даешь! Что тебе, старики, надо?» Старики не знал, что сказать, думал, думал, наконец и придумал: «Избенку надо бы, избенка у нас плоха стала...» «Ступай домой, — говорит коток, — будет у вас новая изба...»

Приходит старики домой и видит: стоит большая новая изба. Вышла к нему навстречу старуха и говорит: «Дом-то у нас богатый, да дровец нет, поди, нарости дров». Пошел опять старики в лес, стукнул топором в пень, выскоцил коток и говорит: «Меня, кота, будиши, мне спать не даешь! Чего тебе, старики, надо?» «Старуха дровец просит», — сказал старики. «Хорошо, иди домой, будут у вас дровца». Приходит старики домой и видит: около его дома целые костры дров навалены. А старуха вышла из дома и говорит: «Всего-то у нас много,

только хлебы нет, поесть нечего».

Взял опять старик топор и пошел в лес. Стукнул топором о пень... и т. д. «Чего тебе надо?» «Муки старуха просит, есть, говорит, нечего». «Хорошо, ступай домой, будет у вас мука». Приходит старик домой и видит: хлеба полные амбары навалены. Вышла старуха и говорит старику: «Всего-то у нас много, только сидеть не на чем». Взял старики... и т. д. «Чего тебе надо?» «Мебели просит старуха, сидеть, говорит, не на чем». «Ступай, с богом, домой, будет у вас мебель». Приходит старик домой и видит: мебелью весь дом установлен. Старуха опять и говорит: «Всего-то у нас много, только одёжи нет, надеть нечего».

(Кот дает старику и старухе одежду. Тогда старуха заявляет желание сделаться царицей, а чтобы старики был царем. И это исполняется. Наконец старуха посыпает мужа к коту, чтобы тот сделал ее Богородицей. На это кот ничего не ответил и ушел в пень. Старики вернулся домой и вместо дворца нашел прежнюю ветхую избенку и жену свою в прежнем виде).

Записано мною лично в Кадникове.

Иванов цвет

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил в одном городе богатый трактирщик, у которого было много служащих, или как их зовут — половых. Однажды половые разговорились между собою о том, как можно сделаться богатым и знатным. Один и говорит: я знаю средство сделаться богатым. — Что же ты не испытаешь его, коли знаешь? — спрашивают другие. — Боюсь, опасно. — По крайней мере расскажи нам, в чем это дело заключается. — Нужно, говорит, достать Иванов цвет, т. е. цветок папоротника, который расцветает только в ночь на Иванов день. Кто этот цветок добудет, от того никакой клад не укроется и он может все сделать, что захочет. — Ладно, попробуем! — сказал один из половых по имени Сидорка.

И вот, когда настал канун Иванова дня, поздно вечером, Сидорка отправился в лес к знакомому кусту папоротника. В полночь он увидел, что на папоротнике расцвел цветок. Сидорка сорвал его и побежал домой. И вдруг он видит большой огненный шар катится ему прямо под ноги. Сидорка понял, что это дьявольское наваждение и закричал: чур, меня! Шар тотчас же пропал. Пошел он дальше. Долго шел, наконец, увидел вдали огонек. Пошел на огонек и подошел к избушке. Заглянул в нее и видит на печи лежит старый-престарый старики. И говорит ему старики: тебе одному не справится с Ивановым цветком, я тебе помогу в этом. Слез старики с печки, взял ножик и разрезал у Сидорки на ладони кожу, всунул под нее цветок и в ту же минуту заростил рану. Потом взял со стены сумочку, подал ему и сказал: город, в котором ты живешь, окружен врагами и тебе, чтобы освободить его, стоит только сказать: ранец, ранец, задай врагам танец! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята в сумку!

Только что это вымолвил старики, как Сидорка очутился у города. Город действительно был окружен неприятелем. Увидавши врагов, Сидорка закричал: ранец, ранец, задай врагам танец! И вылезло из ранца войска видимо-невидимо, напало оно на врагов и прогнало их от города. После этого Сидорка был встречен царем с большим почетом, произведен в фельдмаршалы и находился при царе до самой его смерти.

Записано в Вельске.

Степан Богатый

В некотором царстве-государстве жил был Степан Богатый; не имел ни двора, ни кола, ни куриного пера. Только и знал, что шатался в лес за грибами. Наварит, поест и опять пойдет в лес. Вот его лисичка признала и говорит: «что ты, Степан Богатый, не женишься?» — Да на ком мне, Лиса Васильевна, жениться? За меня никто не пойдет. — «Да женись; я тебе царскую дочь выскатаю». — За меня и крестьянская не пойдет. А хочешь, так посватай! — Через долгое время нашла Лиса Васильевна копеечку и побежала к царю. «Ваше величество, пожалуйте мерки!» На что тебе? — Степану Богатому медь мерять. Царь дал мерку. Мерка была с

щербинкой. Лиса Васильевна положила в щербинку копеечку, приносит царю мерку обратно. Царь посмотрел, увидел в щербинке копеечку: «и в правду он медь мерял».

Пошло много времени; нашла Лиса Васильевна серебреный; прибегает к царю! «Ваше величество! Пожалуйте мерки!» На что тебе? «Степану Богатому серебро мерять». Царь дал. В мерке была щербинка; она опять в щербинку положила пятак; отнесла царю. «И в правду он серебро мерял». — Через долгое время нашла Лиса Васильевна золотой, прибегает к царю. «Ваше величество, пожалуйте мерки!» На что тебе? «Степану Богатому золото мерять!» Взяла мерку, положила в щербинку золотой.

Приходит к царю, приносит мерку, благодарит. Царь берет мерку в руки, стукнул, вылетает золотой... «Сколь ваш Степан Богатый богат?» Скоро с вами поровняется: Приказал Степан Богатый дождаться: не отдадите ли вы свою дочку за него? Царь согласился. Лиса Васильевна назначила в какой день свадьба. Там собираются, а она Степану Богатому сказала, чтоб он последнюю лошаденку утопил в болоте, выпачкался бы и пришел на свадьбу. А сама пошла к царю.

Приходит день свадьбы. Лиса Васильевна все места избегала. «Ах, как он долго не едет! Как он долго не едет!» И сама побежала ему на встречу. Он идет весь в грязи, шут шутом. Сама бежит к царю и говорит: «ваше величество! Несчастье случилось». — Какое? — «Степана Богатого все десять карет, все лошади потонули в болоте, а Степана Богатого как-то Бог спас. Дайте ему во что одеться!» Вот его умыли, одели и привели, посадили. Ему царь дал самое лучшее платье. Он все и глядит сам на себя. Царь и отвечает (говорит): «ах, что это, Лисанька, он сам на себя глядит!» «Он, говорит, такого дрянного платья никогда не навивал!» «Ну, говорит, у меня нет лучше». Так и повенчали их в этот день. Ну, вот они гуляют. Царь и говорит: «ну, говорит, зятюшка, нынче у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Степан Богатый молчит. Вот царь опять говорит: «ну, любезный зятюшка, нынче у меня и завтра у меня; когда же у тебя?» Степан Богатый все молчит.

Вот Степан Богатый и говорит своей Лисе Васильевне: как мне быть? — Ну, говорит, как скажет он тебе еще раз, ты его и попроси: «милости просим, батюшка, ко мне!» Вот через несколько времени царь опять говорит Степану Богатому: «ну, любезный зятюшка! Ныне у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Он ему отвечает: «милости просим, батюшка, ко мне!» Собрались они, Лисица и говорит Степану Богатому: «куда я, говорит, пойду, туда и ты поезжай!» Вот они и едут за ней.

Вот Лисица подходит. Пасут стадо коров. Она и спрашивает: пастушки, чьи вы? — Пастухи отвечают: «барина Цыгарины». Лисица им говорит: не говорите, что вы барина Цыгарины, а скажите, что Степана Богатого. А то едет царь Гром и царица Молонья; царь Гром громом побьет; царица Молонья молоньей пожжет!» вот подъезжает царь, спрашивает: чьи вы, пастухи? — «Степана Богатаго».

Подходит лисица: пасут стадо овец. Она и спрашивает: «пастушки, чьи вы?» — Барина Цыгарины! Не говорите, что вы барина Цыгарины; а то едут царь Гром и царица Молонья; царь Гром громом побьет; царица Молонья молоньей пожжет. Скажите, что вы Степана Богатаго». Вот подъезжает царь, спрашивает: пастухи, чьи вы? «Степана Богатаго».

Подходит лисица: стерегут стадо лошадей. «Пастухи, чьи вы?» Барина Цыгарины. «Не говорите, что вы барина Цыгарины; скажите, что вы Степана Богатаго. А то едет царь Гром и царица Молонья; царь Гром громом побьет, царица Молонья молоньей пожжет!» — Вот подъезжает царь, спрашивает: пастухи, чьи вы? — «Степана Богатаго».

Вот приходит она (лисичка) в дом к барину Цыгарину. А у барина Цыгарины все было парадно: жена была имянинница. Эта барыня Цыгарыня сидит у себя в комнате. Вот она (лисичка) вбежала к ней в комнату. «Ах, говорит, — барыня Цыгарыня! Что же, говорит. — Едет царь Гром и царица Молонья». — Куда же, говорит, нам деться? «Да подите, говорит, я вас в дупло спрячу; покамест царь проедет». Они спрятались в дупло. Она (лисичка) и людям сказала, чтобы они не говорили, что они барина Цыгарины.

Приезжает царь, спрашивает: чьи вы, люди? «Степана Богатаго». Взошли в комнаты; лисица распорядилась: накрыто на стол и поданы всякия закуски, закусили. Лисица предложила царю прогуляться по Степана Богатого зеленому саду. Сад был так пространством велик на 120 десятин. Вот они ходили, ходили и пришли к этому дуплу. Барин Цыгарин и боярыня Цыгарыня сидят в дупле; им и душно стало; они и кричат. Царь и спрашивает: «что, говорит, здесь за люди кричат?» А лисица и говорит: это, говорит, у нас тут черти живут. Прикажите, ваше величество, огня принести и это дупло сжечь. — Принесли огня, сгорело это дупло. И остался Степан Богатый при все этом богатстве.

Змея

В одной деревне был женатый мужики с ним жила его мать старуха. Сын и невестка не взлюбили старуху и часто ее ругали и брали. Однажды в самый Христов день пришли они от обедни и сели за стол разговаривать. Сын за что-то осердился на мать и сказал: лучше бы я змею видел за столом, чем тебя!

Через несколько времени жена его пошла в погреб за молоком и видит — на кадушке сидит огромная змея. Как только змея увидела бабу, тотчас же вспрыгнула на нее и обвилась вокруг ея шеи. Никакими усилиями не могли оторвать змеи от шеи бабы. Так змея и жила на ней, питаясь молоком из ея грудей. Если баба придет в баню мыться, змея сползет с нея и сядет на потолок у дверей, а как только баба пойдет, она тотчас же опять вспрыгнет ей на шею. Так баба и умерла со змеей.

Записано мною лично в Вологодском уезде, деревня Оларево.

Иван глиняный

В некотором селе жил стариk со старухою. Однажды стариk сказал старухе: старуха, принеса-ка мне глины, я слеплю мальчика, так он будет нам заместо сына. Старуха принесла глины, размочила ее и они стали лепить, слепили и положили в печку сохнуть, а старуха села у печки прядь. Прядет она, вздрегнула и уронила клубок с веретенцем в голбец. Встала и хотела было идти за ним, как вдруг слышит из печки: мама, отвори! Старуха отворила печку и оттуда вышел Иван, по прозванию глиняный и сказал: я схожу, мама, за клубком, и пошел. Старуха села и дожидает. Выходит из голбца Иван глиняный и говорит: мама, мама, какую я тебе сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце и тебя съем с пряслицем!

Съел свою мать и пошел на улицу. Видит — отец дрова рубит, подошел и говорит: тятя, тятя, какую я тебе сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, мать с пряслицем и тебя съем с топором. Съел отца и пошел по улице. На встречу ему идут девки с ведрами. — Девки, девки, какую я вам сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, мать с пряслицем, отца с топором и вас съем с ведрами! Съел девок и пошел дальше. Попадаются ему бабы с граблями. (Следует та же сказка; затем он съедает мужиков с косами, мужика с дровами в лесу и, наконец, натыкается на медведя). Как тут быть? Слынал он, что медведь очень силен. Начал он было сказку свою, но медведь не испугался и заворчал. Иван глиняный струсил и спрятался за толстое дерево. Но медведь поймал его и стал мять; мял, мял да и раздавил. И выкатились из него: клубок да веретенце, старуха с пряслицем, стариk с топором, девки с ведрами, бабы с граблями, мужики с косами и мужик с дровами. Увидевши медведя, и все начали бить его чем попало. Медведь испугался и убежал, а они возвратились всяк к своему месту, покатился и клубок с веретенцем за своей старухой.

Страшный ребенок

В некотором царстве-государстве жили-были мужик да баба. Жили они богато, только детей у них не было, а детей иметь им очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну и рассказала про свое горе и просила помочь ей чем-нибудь. Колдун и дал ей два корешка и сказал: съешь эти корешки в полночь с мягким хлебом и станешь беременна. Баба съела корешки и вскоре действительно забеременела.

Как-то мужику понадобилось ехать в город и баба осталась в доме одна. Наступил вечер. Бабе стало страшно одной, она и пошла к соседям, чтобы позвать кого-нибудь ночевать к себе, но никого не могла найти. Делать было нечего, вернулась домой и легла на печь. В полночь у нее родился ребенок. Она сплела его и положила к себе на колени. И видит: ребенок смотрит на нее так, словно съесть хочет. Испугалась она, положила ребенка в зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдруг слышит, кто-то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашивает: кто там? — Странник. Баба побежала отпирать. Странник вошел в избу и улез на печь. За ним улезла и баба и спряталась за него. И видит она: выскочил ребенок из зыбки и тоже лезет на печь и говорит: я тебя съем! Но стариk перекрестил его и ударил по голове. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка. Стариk взял корешки, сжег их на огне и пошел вон из избы.

Колдун

Неизвестно в какой стране, далеко за синим морем, в одном захолустном селе сторож при церкви был колдун. Церковь и сторожка, в которой он жил с женой и двумя детьми, мальчиком и девочкой, стояли на отставу от селения. Жена прожила с ним много лет, а не знала, что муж ей был колдун и чернокнижник. И вот, когда он почувствовал приближение смерти, то сказал жене: я чувствую, что скоро помру и тогда ты не оставайся при мне дома ночевать, а иди в деревню. — Действительно, вскоре он умер. Но жена не послушалась и осталась дома с покойником.

В полночь мальчик проснулся и говорит матери: мама! Тятя глаза открыл! — Полнота, дитятко, спи! отвечала мать. Но мальчик опять говорит: мама! Тятя встает! — Полнота, дитятко, перекрестись да спи! — Наконец, мальчик закричал: ой, мама! Тятя идет к нам.

Мать открыла глаза и видит: покойник действительно встал и, скрестивши руки на груди, с оскаленными зубами, идет к ним. Не зная, что делать, женщина обратилась с молитвою о помощи к Алексею, человеку Божию, во имя которого была построена ихняя церковь. И вдруг явился старец в светлом одеянии с жезлом в руках и сказал: не бойся, раба божия! Покойник же при появлении старца тотчас упал на пол. И до самого утра старец стоял между покойником и постелью женщины и ея детей. Утром колдуна похоронили и в могилу ему вбили три осиновых кола.

Записано в Кадниковском уезде.

Три покупки

Не в котором царстве, не в котором государстве жил был царь, а у царя были три сына. Раз и говорит своим сыновьям государь: даю я вам по сту рублей, подите и купите все по штуке, кому что нужно. И отправились братья в путь дорожку и дошли до столба. И написано на столбе и показывают на все три стороны, в которые стороны все были дороги. И пошли братья по разным дорогам: старший прямо, средний вправо, а младший влево.

И приходит старший брат в город, подходит к рынку и видит: сидит мужчина, а у него стоят три коляски. И спрашивает старший брат: сколько стоят три коляски? Мужчина отвечает: эти две тридцать рублей, эта одна сто рублей. — Почему же эта дороже? Потому, что эта коляска может в час обогнать весь белый свет. Пожал старший брат деньги и отправился домой со своей покупкой.

Средний брат входит в город и видит: сидит векошница^[1], а у нея лежат три зеркала. И спрашивает: сколько стоят эти зеркала? — Эти два сорок рублей, а это зеркало одно сто рублей. — Что за особенность в этом зеркале? — А в него посмотришь и увидишь, что где делается на белом свете. Подал деньги за зеркало и отправился домой.

Третий брат тоже входит в город и видит: лежат на лавочке яблоки. И спрашивает он: много ли стоят эти яблоки? Отвечает торговец: эти яблоки по двадцать рублей, а это одно сто рублей. — Почему же это дороже? Потому, что кто бы не был у вас в семье или где на белом свете нездоров какой-либо болью, можешь вылечить одной частью от этого яблока. Подал деньги торговцу за яблоко и отправился домой.

И встретились все три брата и приходят домой и кажут своему отцу покупки и рассказали у кого для чего существует.

Через несколько времени вышли афишки по всем направлениям, не токма по городам, что не в котором царстве, не в котором государстве жил был царь, у него была больная дочь, которая несколько годов лежит в постеле, и государь объясняет, что, кто может вылечить мою дочь, за того отдаю ее замуж.

Вот и стали собираться наши три брата. Посмотрел средний брат в зеркало и увидел, в каком государстве больная, сели в коляску и отправились в это государство! И въехали в город и сейчас донесли государю, что приехали лекаря из иных земель. Государь велел допустить их до своей больной дочери. Младший брат

вырезал из своего яблока часть и подал больной. Она съела эту выточку[2] и сейчас почувствовала легче, через трое сутки выздоровела и отгадайте: за которого следует ее отдать? За Меньшова, потому что у меньшака[3] яблоко убыло, у тех не убыло.

Три копеечки

В некотором царстве, в некотором государстве, в одном небольшом городе жил-был купец именитый (богатый); в одно время приходит к нему неведомый человек и наймывается в работники. Проработал год и просит у купца расчету; тот ему дает заслуженное жалованье, а работник берет за свою работу только одну копеечку, идет с ней к реке и бросает в воду. «Если, говорит, я служил верой и правдой, то моя копейка не утонет!» Копеечка утонула. Он опять пошел к тому же купцу работать; проработал год, купец дает ему денег, сколько надо, а работник опять берет одну копеечку, идет с ней к реке на старое место и бросает в воду. Копеечка утонула. Пошел в третий раз к купцу работать; проработал год, купец дает ему денег еще больше прежняго за усердную его службу, а работник берет опять одну копеечку, идет с нею к реке, и бросает ее в воду: глядь — все три копеечки поверх воды! Он взял их и пошел вдоль по дороге в свое место. Вдруг ему попадается купец — к обедне едет; он дает тому копеечку и просит свечу образам поставить. Купец взошел в церковь, дает из кармана своего денег на свечи, и как-то обронил ту копеечку на пол. Вдруг от той копеечки огонь возгорел; люди в церкви изумились, спрашивают: кто копеечку обронил? Купец говорит: «я обронил, а мне ее дал на свечу какой-то работник». Люди взяли по свече и зажгли от той копеечки. А работник тем временем продолжал свой путь вперед. На дороге попадается ему другой купец — на ярмарку едет; работник вынимает из кармана копеечку, отдает купцу и говорит: «купи мне на эту копеечку на ярмарке товару». Купец взял, накупил себе товару, думает: чего бы еще искупить? И вспомнил про копеечку. Вспомнил и не знает, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчик, продаёт кота и просит за него ни больше, ни меньше, как одну копеечку; купец не нашел другого товару и купил кота. Поплыл он на кораблях в иное государство торговать; а на то государство напал великий гнус. Стали корабли в пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про то царь, спрашивает купца: «дорог ли этот зверь?» Купец говорит: «не мой этот зверь; мне велел его купить один молодец» — и нарочно молвил, что стоит трех кораблей. Царь отдал три корабля купцу, а котика себе взял. Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашел его и говорит: «купил ли ты мне на копеечку товару?» Купец отвечает: «нельзя потаить — купил три корабля!» Работник взял три корабля и поплыл по морю. Долго ли, коротко ли — приплыл к острову: на том острове стоит дуб; он влез на него ночевать и слышит: внизу под дубом хвастается Ерахта своим товарищам, что вот завтра среди бела дня украдет он у царя дочь. Товарищи ему говорят: «если ты не утаишься, то мы тебя всего железными прутьями изхлещем!» После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идет к царю; пришел в палаты, вынул из кармана последнюю копеечку и зажег ее. Ерахта прибежал к царю и никак не сможет украсть его дочери; воротился ни с чем к братьям, а они давай его хлестать железными прутьями; хлестали-хлестали и бросили в неведомо место! А работник женился на царевне и стал себе жить подивать, добра наживать.

Работник

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил мужик с женой и дожили они до глубочайшей бедности: больше стало жить нечем. И говорит мужик бабе: ну, баба, я пойду поряжусь к богатому мужику в работники. Пошел и порядился, взял задатку 15 рублей и скоро прожил эти деньги, пошел порядился к другому и у другого взял 15 рублей, и эти прожил, пошел к третьему и у третьего порядился, взял 15 рублей и эти прожил.

И пришлось мужику сходить к обедне. Пришли и те мужики богатые в церковь. Жили они между собою дружно и завели разговор; один другому начал сказывать: вот что, братцы, я этта[4] порядил работника какого, да вон он стоит! — Да как же, и я его порядил! Третий: и у меня порядился! Поговорили мужики промеж себя, работнику ничего не сказали, а он слышал ихние разговоры, приходит домой и говорит своей жене: ну, баба, я теперь пойду и порядусь работать к черту.

Пошел в лес и попадается ему чорт на встречу, спрашивает: куда мужик пошел? Отвечает ему мужик: в лес дрова рубить. — Так вот что: порядись ко мне в работники. Мужик отвечает ему: с удовольствием, очень

рад. — Так приходи завтра в такое-то место, об цене нечего разговаривать, я ценой не обижу.

Пришел мужик к черту работать. Чорт напоил его водой. — Ну, ступай, ложись спать, у меня ни один работник до трех суток не работает. — Вот прожил мужик три сутки; на четвертый встал его хозяин по утру рано, разбудил работника: ну-ка, работник, пойдем в лес, нужно срубить три осины, толщиною вершков в 16-ть, длиною шести сотен и сделать через реку лавы.

Вот взяли по топору и пошли в лес; у черта топор был весом фунтов в 30-ть. Пришли в лес и начали рубить осину; черт как начал хвастать — сразу половину пересек, а мужик не может и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Чорт и говорит своему работнику: ну, брат, давай, потащим осину на реку; взял под комель, а мужик не дает ему, говорит: отойди, чахотный, прочь, где тебе унести, ступай берись под вершину. — Делать нечего, черт пошел к вершине, поднял вершину и давай подбираться. Мужик кричит: молодец хозяин, давай еще маленько! — Чорт поднадал[5], осину всю и поднял. Мужик влепил топор в осину, сам сел на комель. — Ну, хозяин, пошел! — Чорт попер осину до того, что пристал[6]. Ну, мужик, давай, отдохнем! — Ну, какой тебе отдых, давай, тащи, урод! Делать нечего, не хочется черту поддаться мужику, пошли опять вперед. Притащили осину на реку. Чорт и говорит работнику: ну, мужик, давай, кидай! — Нет, хозяин, стой, дай перебраться, у нас с тобой не на одном плече. И свернулся мужик с комля. — Ну, хозяин, кидай! Чорт бросил осину и сам свалился. — Что же ты, хозяин? — Я пристал, ступай ты обедай, а я отдохну здесь.

Мужик приходит обедать и спрашивает его чертовка: что, брат, где оставил хозяина? — Он, чахотный, притащил бревно, свалился, на реке лежит, поди только не оклеет.

Работник пообедал и лег спать на повети в сани. Чорт пришел домой и жалуется своей хозяйке: ну, баба, вот так работник! Я то ли не едрён, он меня втрое едрёнее, надо его ужо ночью убить, а то жить нам будет плохо.

Мужик выслушал чертовы разговоры, дожил до вечера, поужинал, пошел спать. В сани положил ступу и окутал тулупом, а сам лег на сено. Вот черт встал ночью, взял сорок пудов палицу и пошел бить мужика. Подошел к саням и брякнул по ступе так сильно, что ступа прискоила, ударилась в верх стропила. Чорт с радостью пошел к себе в избу и говорит своей жене: ну, баба, так треснул мужика; нани он вверх вылетел. А мужик, вставши утром рано, пошел преспокойно в избу. Чорт увидел мужика, очень испугался и говорит ему: что, мужик, не знаешь, что так шибко треснуло вечер во дворе? А мужик отвечает: тебе надавало с хорошей-то постройкой, — должно быть лопнула стропила.

И говорит черт жене: ну, жена, давай уедем из дома вон, пускай здесь живет работник один. Забрали они все деньги — он в один мешок, а чертовка в другой. А мужик к черту в мешок и залез. Потащил черт мешок; мужик разрезал мешок и видит, что тащит ихним полем и стал говорить: стой, брат, хозяин, тебе от меня не уйти! — В испуге черт не понял того, что мужик сидит в мешке и бросил мешок. — Давай, баба, кидай и ты! И чертовка бросила свой мешок и побежали неизвестно куда. Мужик, взявши мешки с деньгами, притащил домой и первое его было дело — заплатил долг богатым мужикам, потом завелся хозяйством и стал жить в лучшем виде, а черт к мужику не показался ногой.

Про черта и пастуха

В одной деревне черт все воровал скотину. Вот и порядился такой пастух, что уж не даст черту украсть что-нибудь, порядился на три дня по сту рублей на день. — Выгоняет он в первый раз скотину, черт и выходит из озерка. — Пастух! Давай, говорит, мне самолучшую корову! — А пастух говорит: нет еще, погоди, не дам! — А ты что делаешь? спрашивает черт пастуха. Пастух говорит: вью веревки. — На что веревки? — А морщить, да вас чертей в одно место корчить. Чорт сейчас и бросился в озерко, там пересказал своему дедушке: ох, говорит, какой теперь стал пастух, не дает мне и скотино-то! Он веревки вьет, хочет морщить, да нас чертей в одно место корчить. — Дедушка подумал да и говорит: видно удалый пастух! Иди-ка с ним врядки побегай.

Вышел черт из озерка и говорит пастуху: давай на рядки бегать! — А пастух отвечает: охота мне врядки бегать! У меня есть младен двух дён, и тот тебя обгонит. А где же он? — А вот пойдем, так укажу. — А пастух знал заячье лежище на одном кусте и привел черта к лежищу. — Вот лезь под куст, он выскочит так и бегай с ним врядки! — Чорт сунулся в куст, выгнал зайца и зачал бегать. — Только заяц бегает как попало, туды да

сюды, а чорт кричит: врядки, врядки!

Опять чорт пошел к своему дедушку и стал рассказывать: ой, дедушка, говорит, у него есть младён двух дён, и тот меня обогнал, а сам он со мной еще и не бегал. Нам бы такого порядить в работники, так чтобы он нам и наделал! — Так иди, поряжай, не порядится ли?

Вышел чорт на берег, а пастух тут и стоит. — Пастух, порядись к нам в работники, говорит чорт. — Порядите. — И порядился к чорту за 200 рублей на год. Оставалось емпу еще два дня в пастухах прожить, и уговорились они с чортом заранее, что чорт вы дет на берег встретить.

На четвертый день приходит пастух, чорт его и встретил и повел лесом. Привел на место и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли к толстущей осине. Стал чорт рубить осину и живо срубил. И спрашивает чорт: всю ли вдруг нести или мелким потащим? — Всю вдруг унесем, говорит пастух. Навалил он на чорта комель, а сам держится сзади за пруточки. Тащит да тащит чорт, так что в поту весь. Оглянется на работника и спрашивает: что, не устал? — Нет, не устал. — А я так сильно устал. — Иди под комель, а я стану под вершину. — А я не знаю здесь дороги, так давай повернемся, ты иди под вершиной вперед. Навалил на чорта всю осину, а сам сел на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говорит чорт своему дедушке: ой, дедушка, это нам не работник, он меня замает: я в поту тащу, а он все идет в леготе; надо его рассчитать, а нет, так зарезать.

Пастух это слышал, положил на свою кровать корыто и закрыл его, а сам лег под кровать. Чорт ножик наточил, бежит и начал корыто резать, а пастух под кроватью хрюпит, будто он зарезан.

Ушел чорт в избу, а работник идет к нему. Старый чорт и говорит: нам тебя не надо, рассчитаем тебя. Рассчитали его, отдали деньги за весь год, пастух и пошел. Пошел, только не знает, как из лесу выйти, заблудился совсем. Трои сутки блудился, увидел дуплю, влез на нее, чтобы посмотреть, не видно ли где жила и провалился в дуплю. — Просидел он тут трое суток, не евши, и думает, что уже смерть.

Вдруг слышит: народ круг дупли заговорил. Какой-то мужик подошел да и колонул по дупле обухом. А пастух и забучал, будто что улей. Мужик и давай рубить дупло, подрубил дуплю, а пастух как закричит: ох ты! Мой дом рубить! Я тебе дам, постой-ка! Мужик испугался и — унеси Господи! А коней тройку тут и оставил. Пастух вылез, сел на коней и поехал домой.

Записано в Вологодской губернии.

Диво-дивное, чудо-чудное

Жил-был богатый купец с купчишою; торговал дорогими и знатными товарами и каждой год ездил с ними по чужим государствам. В некое время снарядил он корабль, стал собираться в дорогу и спрашивает жену: «скажи, радость моя, что тебе из иных земель в гостинец привезти?» Отвечает купчиха: «я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне «диво-дивное, чудо-чудное». — Хорошо; коли найду — куплю». Поплыл купец за тридевять земель в тридесятное царство, пристал к великому богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил; идет по городу и думает: где бы найти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его: «что так призадумался, раскручинился, добрый молодец? — Как мне не кручиниться! отвечает купец; ищу я купить своей жене диво-дивное, чудо-чудное, да не ведаю — где». «Эх, ты давно бы мне сказал! Пойдем со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное — так и быть, продам». Пошли вместе; старичок привел купца в свой дом и говорит: «видишь ли — вон на дворе у меня гусь ходит?» — Вижу. «Так смотри же, что с ним будет... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лег на сковороду, старичок поставил ее в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол. «Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай». Вот они за стол сели, да вдвоем целаго гуся и съели. Старичок взял оглоданныя кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил: «гусь! Встань, встрепенись и поди на двор». Гусь встал, встрепенулся и пошел на двор, словно в печи и не бывал! «Подлинно, хозяин, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!» — сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогоя деньги. Взял с собой гуся на корабль и поплыл в свою землю. Приехал домой,

поздоровался с женой, отдает ей гуся и сказывает, что с той птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь ее — она опять оживет! На другой день купец пошел в лавки, а к купчихе полюбовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куды как рада! Вздумала угостить его жареным гусем, всунулась в окно и закричала: «гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушает, не идет на сковороду, купчиха осердилась и ударила его сковородником — и в ту же минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим к купецкой жене, и так плотно прильнул, что никак оторваться нельзя! «Ах, миленький дружок! закричала купчиха, оторви меня от сковородника; видно, этот проклятый гусь заворожен!» Полюбовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул... Гусь выбежал на двор, на улицу, и потащил их к лавкам. Увидали прикащики, бросились разнимать; только кто до них дотронется — как и прилипнет! Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит: дело-то не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся говорит во всем; не то на век так — сольнувшись — останешься!» Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда — рознял их, полюбовнику шею накостилял, а жену домой отвел да изрядно поучил, приговаривая: вот тебе диво-дивное; вот тебе чудо-чудное.

С лубочного издания 1785 года.

Про солдата

Вышел солдат со службы, идет и думает: служил я царю 25 лет, а не выслужил и двадцати пяти реп и никакой на рукаве нашивки нет! — Видит — идет ему на встречу стариk. Поровнялся с ним стариk и спрашивает: о чем, служивый, думаешь? — Думаю о том, что служил царю 25 лет, а не выслужил и двадцати пяти реп и никакой на рукаве нашивке нет! — Так чего же тебе надо? — Хоть бы научиться в карты всех обыгрывать, да никто бы меня не обидел. — Хорошо, я дам тебе карты и сумочку: тебя никто не обыграет и не обидит.

Взял солдат от старика карты и сумочку и пошел. Приходит он в деревню и просится ночевать. Ему и говорят: здесь у нас тесно, а вон в том новом дому ночевать нельзя. — Отчего нельзя? — Да так. — Пустите меня в тот дом? — Иди. — Купил солдат свечку да и полууштоф водки, вошел в дом и уселся. Сидит, карты перебирает; рюмочку выпьет и карточку положит. В самую полночь вдруг двери отворились и бесенок за бесенком полезли в комнату; набралось их пропасть и стали плясать. Солдат смотрит и дивится. Но вот один бесенок подскочил к солдату и ударил его хвостом по щеке. Встал солдат и спрашивает: ты что это в шутку или вправду? — Какия шутки! отвечает бесенок. — Тогда солдат крикнул: в сумку! И все черти полезли в сумку, ни одного не осталось.

На утро солдат видит: хозяева дома несут гроб. Вошли в комнату, хозяин и говорит: во имя Отца и Сына и Св. Духа? — Аминь! ответил солдат. — Да ты разве жив? спрашивают его. — Как вишишь.

Солдат так полюбился хозяевам, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажил солдат богато и с женой согласно. Через год родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нет, — никто к солдату нейдет. Вышел он на большую дорогу и думает: какая женщина встретится первая, та и пусть будет крестною матерью. Только что успел он это подумать, видит, идет старая старуха и худая-преходящая, кости да кожа. Солдат и говорит ей: бабушка! У меня дочь родилась, а крестить никто не идет. — Так что же, я окрещу, идите в церковь, я сейчас приду.

Принес солдат младенца в церковь и кума пришла, сняла с плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдат и говорит ей: кума! Зайди поздравить крестницу! — Хорошо, вы идите и приготовляйтесь, а я сейчас приду.

Пришел солдат домой, приготовил все, скоро пришла и кума. Опять сняла с плеча косу, положила у порога и села за стол. Когда отпировали, она встала и говорит: кум, проводи меня! Солдат оделся и пошел провожать куму. Вышли они в сени, она и говорит: кум! Хочешь ли научиться ворожить? — Как бы не хотеть! — А ты знаешь ли, кто я? Я — смерть. Если тебя позовут к больному и ты увидишь, что я стою у него в головах, не берись лечить, а когда буду стоять в ногах, то берись; спрысни больного раз холодной водой, он и выздоровеет. Прощай!

В этот год в той деревне сделалось столько больных разными болезнями, что наш солдат, прославивший за

знахаря, едва успевал переходить из одной избы в другую и всех вылечивал. Случилось, что заболел царь, а слух о солдате, что он хорошо лечит, разнесся уже по всему государству. Вот его и призывают к царю. Входит солдат к царю, поглядел и видит: его кума стоит в головах. — Плохо дело! говорит солдат. Однако велел принести скамейку и положил на нее царя. Когда это сделали, солдат и давай вертеть скамейку с царем, кума же его стала бегать кругом, стараясь быть в головах у царя и до того добегала, что устала и остановилась. Тогда солдат повернулся к ней царя ногами, вспрыснул его водой и царь сделался здоров.

Пошла смерть от царя, а солдат за ней, схватил ее и говорит: не уйдешь! — Ох, кум, кум! Я тебе сказала, что когда стою в головах, то не берись лечить, а ты по-своему делаешь. Ну, я тебе за это припомню! — Ты это, кума, в шутку или в правду говоришь? — Какая тут шутки! — Так в сумку! крикнул солдат и смерть залезла в сумку. пришел солдат домой и бросил сумку на чердак.

Через год времени приходит к солдату Микола милостивый и говорит: служивый, отпусти смерть! Народу старого на земле много, он просит смерти, а смерти нет. — Пусть пролежит еще два года, тогда и отпущу, сказал солдат.

Прошло два года. Солдат выпустил смерть из сумки и говорит: каково, кума, в сумке? — Ну, кум, будешь ты просить смерти, я не приду к тебе. — Обо мне, кума, не беспокойся, я и сам на тот свет приду!

Вот солдат живет да поживает; в карточки играет да водочку попивает; жена и дочь у него уж умерли, а он все жив. Однажды, играя в одном доме в карты, он услышал, что скоро придет антихрист и станет людей мучить. Солдат испугался и отправился на тот свет. Шел, шел, шел, наконец, приходит к лестнице, которая тянулась до неба и сел отдохнуть; потом, собравшись с силами, полез по лестнице. Лез, лез, лез и прилез как есть к самому раю. — А у дверей рая стоят апостолы Петр и Павел. Солдат и говорит им: святые апостолы Петр и Павел, пустите меня в рай! — А ты кто такой? спрашивают его. — Я солдат. — Нет, тебя не пустим, ты сам отказался от рая: иди туда, вон тебе рай! — И указали ему на ад. Солдат пошел к ад, у ада стоят два бесенка. Солдат и говорит: святые апостолы Петр и Павел в рай меня непускают; пустите ли вы меня в ад? — Иди, говорят ему бесенки и пропустили его в ад.

Приходит солдат в ад; отвели ему там особую комнату. Он настругал спичек, наколотил их в стену, развесил свою амуницию и лег отдыхать. Отдохнувши, насбирал толстых палок и понаделал из них ружей, наловил чертей, составил их в роту и начал их обучать военному искусству. Если который из чертей заленится, то его и палкой и подзатыльником надает и всех чертей в ад изуродовал.

Узнал сатана, что солдат, который должен быть в раю, живет у него в ад, и захотел его душою завладеть. Приходит к солдату и говорит: давай играть в карты! — Давай, говорит солдат. — Только с таким условием: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебе отдам грешную душу. Солдат согласился и они уселись играть. Играют, играют и все солдат выигрывает. — Нет, говорит сатана, больше играть с тобой не буду, ты, пожалуй, у меня все души выиграешь.

Узнали и бесы, что это тот самый солдат, у которого они сидели в сумке, и решились его выгнать из ада. Наговорили на него сатане, что он мучит чертей и никому спокою не дает своим солдатским ученьем, и сатана дал приказание по аду, чтобы выгнали тотчас же солдата. Окружили черти комнату солдата и объявили ему приказ сатаны. Делать было нечего. Взял солдат свою амуницию и две выигранные им у сатаны души (это были души его жены и дочери) и пошел. Только вышел он из своей комнаты, видит, все черти выстроились в ряд, заиграла музыка и запалили из ружей. — Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошел, и всех их выругал.

Приходит он опять к раю и говорит: святые апостолы Петр и Павел, пустите меня в рай! — Да ведь ты отказался от рая, — говорят ему, — ступай в ад. — Да я там был! — Так еще сходи. — Да пропустите вот хоть эти две грешны души. — Ну, пусть оне идут, сказали апостолы и отворили ворота. Солдат поставил впереди душу жены, сам встал за нею, а позади себя поставил душу дочери. Так все трое и вошли в рай. И до сих пор живут они да поживают в раю, ни нужды, ни горя не знают.

Кузьма скоробогатый

Не известно, в какой стране, далеко за синим морем, жил старик со старухой, а у них был сын по имени Кузьма, по прозванию Скоробогатый! Когда старик и старуха померли, не захотелось Кузьме сидеть дома, а

захотелось по земле походить, света Белого посмотреть. Вот собрался он в путь-дорогу, взял краюшку хлеба, косарь, да ножик, сел на лошадь задом наперед и поехал странствовать. Едет он день, едет два, а все версты не может отъехать. Наскучило ему и устал он сидеть, слез с лошади и лег на землю отдохнуть. Видит, на лошадь его село несколько мух и пауков. Рассердился на них Кузьма, хватил ножом по лошади и убил восемь пауков и несколько мух, только ножик его переломился на две части: одна часть прилипла к языку лошади, другая попала ей в рот, да там и пропала.

Отдохнув, Кузьма поехал дальше. Видит, среди дороги стоит столб, а на нем написано: «всякий проезжающий, какой бы ни был богатырь, должен подписать здесь свое имя и прописать свою храбрость». Кузьма пожелал подписьаться на столбе и вот как он написал: «слушайте и читайте, что я вам расскажу: здесь проезжал богатырь Кузьма по прозванию Скоробогатый, который одним взмахом по восьми пауков побивает, а маленькой сошки, мух и счету нет». Написал и поехал дальше.

Через несколько времени подъезжают к этому столбу два богатыря: Еруслан Лазаревич и Алеша Попович. Прочитавши надпись, они подивились, что существует на свете такой богатырь и захотели его догнать. Догнали его скоро, и видят: лошадь у него не богатырская, а простая кляча, сам он не вооруженный ничем и сидит не по-русски, но когда вспомнили его храбрость, то, подъехав к нему, поклонились ему до земли и просили принять их в число меньших братьев. Кузьма с нежностью отвечал им на это, что согласен считать их меньшими братьями и поехали они вместе.

Едут и видят на пути город. Не доехав до него, остановились и отпустили лошадей своих в зеленый луг. Царь этого города, узнавши о приезде богатырей, выслал против их войско в 50 человек. Еруслан Лазаревич подошел к старшему названному своему брату и спрашивает: кому идти против них? Кузьма сказал: о такое пустое войско мне рук не стоит махать, иди ты и приколи их. Еруслан Лазаревич выехал и побил все войско. Царь выслал вдвое больше, но и это войско побил Алеша Попович. Царь, видя, что с богатырями трудно справиться, вздумал помириться и послал князей своих и бояр к Кузьме, как к старшему богатырю, с подарками и с просьбою пожаловать к нему во дворец.

Пришли к Кузьме князья и бояре и сказали: сильный и храбрый богатырь Кузьма Скоробогатый! Не вели нас казнить, а позволь слово выговорить. — Говорите, отвечал Кузьма. Тогда они сказали: царь наш, узнав, что вы богатыри сильные, храбрые и воинственные, просит у вас прощения и приглашает к себе во дворец. Тогда Кузьма вместе с братьями поехал к царю во дворец. Царь встретил их с низкими поклонами и повел в свои хоромы, а потом сделал для них большой пир. Кузьма с братьями так были довольны приемом и угощением царя, что согласились остаться жить у него при дворце.

У царя этого была дочь красавица из красавиц, первая во всем свете. Пан китайский посватал ее за своего сына, а царь не хотел отдать и отказал. Пан китайский, рассердившись за это на царя, объявил ему войну. Царь послал сказать Пану китайскому, что он нисколько не боится его, потому что у него при дворе есть такие богатыри, что одним взмахом восьми побивают. Пан китайский послал войско в триста тысяч человек, а царь против него выслал одного Кузьму Скоробогатого, который выехал на своей худой лошаденке и ничем не вооруженный, только один косарь был воткнут за поясом. Увидав такое огромное войско, Кузьма сначала было струсил, но потом оправился. Войско Пана китайского расположилось на широком зеленом лугу. Подъехав к войску, Кузьма сошел с лошади, привязал ее к березе, а сам сел на камень и стал натачивать свой косарь. Пан китайский выслал против Кузьмы одного китайца, который был похрабрее всех, и велел ему делать то же, что станет делать Кузьма. Выехал китаец, сел на другой камень против Кузьмы и также стал натачивать свой нож. Потом Кузьма подошел к китайцу и поклонился ему до земли. Тоже сделал и китаец. Кузьма в это время ударил его косарем по шее и китаец упал мертвый. Когда увидели это китайцы, то бросились на него. Кузьма вскочил на лошадь, но позабыл ее отвязать от березы и давай хлестать что было силы. Где взялась и сила у лошади: поднялась на добы, вырвала березу с корнем и понеслась на китайцев. Китайцы под нею падали как снопы, давили друг друга, а береза их хлестала и била. И так было побито все войско.

Пан китайский, узнав о разбитии своего войска, поскорее заключил с царем мир и заплатил ему большую дань. Кузьму царь встретил с почетом и в благодарность за победу женил на своей дочери. Когда же царь умер, Кузьма сделался наследником его царства и стал жить да поживать и меньших своих братьев не забывать.

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил в одной деревне бедный крестьянин. У него родился сын и пошел он по своим соседям звать кого-нибудь в кумовья. Вышел на дорогу и встретился с разбойником; пригласил его к себе в кумовья и тот согласился. Когда окрестили младенца, кум подарил ему много денег, так что отец из бедняка стал богатым человеком и открыл на эти деньги лавку и постоянный двор. Когда мальчик вырос и начал выбегать на улицу, ребятишки и стали дразнить его, что отец крестный у него разбойник и даже отца попрекли, что он разжился на разбойничьи деньги. Мужику не полюбилось это, он вошел в суд и объявил, что кум его — разбойник. Судьи приехали в дом крестьянина с солдатами и велели крестьянину пригласить кума к себе в гости. Разбойник и его товарищи, предвидя опасность, напоили солдат пьяными и заперли их в сеновал. Когда же судьи захотели схватить кума за столом, он выстрелил три раза из пистолета в потолок. Комната наполнилась дымом и он в это время выбежал на двор и затем скрылся со своими товарищами в лесу. Долго их искали, но не могли найти, между тем они подожгли постоянный двор и лавку и мужик стал таким же бедняком, как и раньше.

Через год после этого разбойник приходит к мужику и спрашивает: как тот проживает и каково живет его крестник? И попросил, чтобы привели и показали ему мальчика. Когда мальчик пришел, разбойник сказал, что принес ему в подарок красный колпак и стал примерять колпак на голову своего крестника. — Как раз впору! сказал он, и разрубил мальчику топором голову.

Калекин сын

Жил один богатый купец по имени Марко. Он был знаком и гостился со всеми знатными вельможами и даже с самим царем. Когда у него родилась дочь, он созвал к себе гостей и во время пиры сказал им: я со всеми знаком и ко мне ходят в гости все, не бывал только Иисус Христос. Гости на это сказали ему: постели бархатные ковры при входах в комнаты, так он и придет. — Марко тотчас же приказал постлать бархатные ковры при входе в каждую комнату. Вскоре по этим коврам пришел бедно одетый странник (это был Иисус Христос) и попросился переночевать. Увидев его, Марко сказал: как ты смеешь входить сюда, когда у меня гости? И велел ему идти на задний двор.

Ночью к страннику явился ангел и сказал, что у калеки убогого родился сын. Странник на это ответил, что этот сын жениться на дочери купца Марко. — Разговор этот подслушала служанка и передала Марку. — Не будет этого никогда! сказал Марко, — енприлично знатной купеческой дочери выходить за калекина сына! И приказал взять у калеки родившегося ребенка и бросить в снег. Но ребенок не умер от холода: снег вокруг его растаял и выросли цветы.

Случилось, что мимо этого места, где лежал ребенок, проезжали купцы; услыхав плач, они подняли ребенка, взяли его и привезли в город. А так как они были знакомы с Марком, то остановились у него и рассказали о своей находке. Марко упросил их продать ему ребенка и, когда купцы уехали, велел слугам своим, засмолов бочку, положить в нее ребенка и бросить в море. Бочка долго плавала в море и, наконец, ее прибило волнами к одному очень бедному монастырю. Из монастыря в это время пришел за водой монах. Увидев бочку и услыхав в ней плач ребенка, он созвал прочих монахов. Вытащили на берег бочку, разбили, вынули ребенка и взяли его в монастырь.

С этого времени монастырь стал богатеть. Когда мальчик вырос, его поставили петь на клиросе. Голос у него был так приятен, что не только из ближайших окрестностей, но и из дальних мест приезжали послушать его пения и помолиться в монастыре. В числе богомольцев приехал однажды в этот монастырь и купец Марко. Увидев мальчика, он узнал его и стал просить настоятеля монастыря продать ему этого мальчика. Настоятель долго не соглашался, но, наконец, продал его за большие деньги. Купив мальчика, Марко послал его с письмом к своей жене с приказанием убить посланного. Дорогою мальчика встретил странник и, расспросив его обо всем подробно, взял от него письмо, положил сначала на одну руку, потом на другую и возвратил. — Придя в дом Марка, мальчик подал письмо жене Марка, которая, прочитав его, велела немедленно обвенчать посланного на своей дочери. Когда Марко приехал и спросил жену: убили ли того молодого человека, с которым было послано письмо, жена, изумленная, сказала, что в письме было написано, напротив, как можно скорее обвенчать его на нашей дочери, а не убить. Марко попросил письмо и в нем действительно оказалось, что было написано так, как говорила жена. Делать было нечего. Но Марко, желая во что бы то ни стало погубить калекина сына, приказал своим рабочим на фабрике вскипятить большой котел воды и наказал при этом, что когда ночью придет человек, бросить его в этот котел, несмотря ни на что, даже если бы он стал называть себя хозяином. Затем он позвал своего зятя и сказал ему, чтобы он сходил ночью на фабрику посмотреть за рабочими, не ленятся ли они. Но дочь Маркова уговорила своего мужа неходить до утра, и он,

послушавшись ее, не пошел. Марко, желая посмотреть, как бросят в котел ненавистного зятя, сам отправился на фабрику. Рабочие, увидев его, схватили и, несмотря на то, что он кричал, называя себя хозяином, бросили его в котел с кипящей водой, где он и умер. А калекин сын сделался наследником своего тестя и обладателем всего богатства.

Баба и волк

Поехала баба в лес за дровами, а навстречу ей волк. И хочет волк съесть лошадь. — Не тронь лошади! Говорит, я за это тебе потоубауку скажу. Любопытно стало волку узнать потоубауку и он не тронул лошади. Баба благополучно привезла домой дрова. На другой день опять поехала за дровами. Волк опять вышел и хотел съесть лошадь. Баба обещала сказать волку теплушку, только бы он не тронул лошади. Волк опять оставил. На третий день снова тоже. Баба обещала сказать волку крепушку. Таким образом, баба навозила дров, натопила жарко свою избушку и лежит на печи. Пришел волк и требует лошади или же объяснения потаубауки. Потом баба в лес не поедет, вот что значит потоубаука, сказала баба, лежа на печи. Очень осердился волк и убежал в лес, но вспомнил, что баба обещала объяснить ему теплушку, воротился и требует лошади или же объяснения теплушки. — Тепло бабе на печать лежать — вот что значит теплушка, ответила баба, продолжая лежать на печи. Осердился волк более прежнего и убежал в лес, но голод скоро заставил вернуться за лошадью. Снова постучался он у ворот и требует у бабы лошади или же объяснения крепушки. Крепко у бабы ворота заперты — вот что значит крепушка, отвечала баба.

Воротился волк в свой лес голодным и с досады заплакал. Так баба запаслась дровами на целую зиму, а волку жаловаться на бабу было нельзя; она ему все три слова объяснила.

Немыя дочки

Жил старик со старухой, а у них были три дочки и все три немыя, да и умом то их Бог обидел. Вот старуха захворала и умерла. Остался один старик и думает: что я буду делать с немыми? Разве жениться мне? По крайней мере когда умру, так у моих дочерей будет мать, авось она их как-нибудь пристроит.

Женился старик на молодой и хитрой бабе, но недолго пожил и умер. Осталась мачиха с немыми падчерицами и стала думать, как бы их с хлеба долой сбыть. Подумала и порешила отдать их замуж. Стала она женихов приискивать, да дочек наряжать. Приискала жениха и говорит дочкам: сегодня придет жених, так вы при нем ничего не говорите, а то он как узнает, что вы немыя, ни которую из вас не возьмет: сидите и молчите.

Пришел жених. Мать посадила его за стол, а рядом с ним ту дочку, которая была всех некрасивее; другая села на лаку, а третья на полати. Стала баба угождать жениха; подала на стол щей, а говядину в блюде оставила на шестке и сама села с ним за стол. В его время вскочила на шесток кошка и стала есть говядину. Увидела это с палатей третья дочка и закричала: мачиха, мачиха! Коха-то мясо ест! Вторая, которая сидела на лавке, и говорит ей: мохи ты, мохи! А третья перекрестилась да и сказала: слава тебе Боги, что я-то промохала! Жених как услыхал это, вышел из-за стола и бегом домой, а к девкам больше ни один жених и не посватался.

Ванька-дурак

Жил старик со старухой, у них был сын — Ванька-дурак. Пошел дурак в лес и попалась ему на встречу маленькая собачка. И захотелось дураку ее поймать, и давай за нею бегать. Собачка от него в лес и он за нею: собачка и залезла под корень одного дерева, и дурак полез за нею и увидел там котел с деньгами, запомнил это место и пошел домой. Приходит и говорит своему отцу: вот что, батюшка, пойдем-ка в лес: я там нашел котел с деньгами. Старик послушал дурака, взял запряг лошадь и поехали. Приехали в лес — верно нашли котел, навалили на телегу и поехали домой. Старик и заказывает своему сыну: Ванька, никому не сказывай, что нашли деньги. — Дураку где утерпеть, чтобы не сказывать! Пошел на улицу гулять и увидел его поп. —

Ванюха, поди-ка сюда! — Дурак подошел к попу, поп и стал спрашивать: Ванька, скажи, куда давеча ездили с отцом? — Куда? В лес за деньгам. — Полно врать, дурак! — Ну право не вру. — Поп этому все-таки не поверил. — Дурак пришел домой и говорит ему отец: Ванька, поди уж сказал кому-нибудь про деньги! — Сказал попу. — Давай его бранить отец. — Ну, не браница, батька, поп не скажет, я пойду оторву ему голову. И пошел дурак к попу. Поп в то время возил навоз, рабочих у него не было. Пришел дурак и оторвал попу голову; туловище успрятал под солому: был воз привезен, а голову принес домой и бросил на вышку. И сказывает своему отцу: ну, батька, топерече поп не скажет, я ему оторвал голову. — Ой, Ванька, дурак, дурак! Куда ж девал голову-то? — Принес домой и бросил на вышку...

Взявши, старики зарезали козла и положили на то место козлячью голову, а попову голову обрал. Вот через несколько часов хватились попа, а его и след простыл. Это всем на удивление: куды девался поп?

И пошел Ванюха мимо попову дому и увидела его попадья; начала спрашивать: — Ванька, не видал ли моего попа? — Как не видал! Давеча оторвал ему голову. — Ой, Ванька, перестань тебе врать! — Не вру! Поди, посмотри: на назму лежит в соломе.

Пошли развалили солому и нашли тут попа без головы и начали спрашивать у дурака: куды девал голову! — Куда девал? Снес домой и бросил на вышку.

И пошли к Ваньке в дом искать попову голову, долго искали, не нашли, а нашли козлячью и кажут Ваньке: эта Ванька? — Нет, не эта. — Так мы не можем другой найти, ступай, ищи сам. — Ванька влез на вышку и давай ходить, взял козлячью голову и бросил на поветь: на вот, обирайте! — Те посмотрели, покачали головой. — Нет, Ванька, не эта, этот не нашего приходу.

Записано мною лично в Кадниковском уезде.

Иванушка дурачок

Жили были старики со старухой; у них был один сын Иванушка-дурачок. Старики померли, а старуха раз и послала Иванушку в лес за грибами. Поди, Ваня, сходи за грибами, наберешь грибов, — наварим да поминки сделаем. — Ну, ладно, я пойду, мама. Взял пестерку большую и пошел в лес, набрал не грибов, а поганок-дехтерников, да мухоморов полную пестерку и пошел домой. Идет он дорогой, а мужик сеет горох. Ваня и сказал ему: дядя! Вырос бы у тя горох не более моих грибов! Мужик на это осердился и давай дурака теребить.

Пришел он домой и плачет. Мать спрашивает его: об чем ты, Ваня, плачешь? Он и рассказал. Мать ему говорит: дурак! Ты не так сказал! Ты бы сказал: дядюшка! Носить тебе — не выносить, возить тебе — не вывозить, вот бы он тебя похвалил. — Ну ладно, мама, — пошел опять, а ему на встречу несут покойника. Поровнялся с ним да и говорит: дядюшки, носить бы вам — не выносить, возить бы вам — не вывозить! — И опять дурака оттеребили.

Пошел домой, плачет. Мать спрашивает: об чем ты, Ваня, плачешь? Он и рассказал. Дурак! Ты не ладно сказал! Ты бы пел: святый Боже, вот бы тебя и похвалили. — Ну ладно, я пойду, мама, спою. Идет, а ему на встречу свадебный поезд. Он и запел: святый Боже! Дружка выскочил и давай теребить дурака. Опять пошел домой дурак и плачет. Мать и спрашивает его: о чём, Ваня, плачешь? — Мама, я иду, едет свадьба, я и запел святый Боже, а они ну меня теребить! — Ой ты, дурак! Ты бы взял гармонию, играл бы да плясал бы, вот тебя и похвалили. — Ну, ладно. Идет, а у мужика горит овин, он и начал играть в гармонию и плясать. Увидел его мужик и давай теребить.

(Потом он заливает свинью, которую начали палить. Мать говорит: ты бы сказал: этим-то кусочком о Христове дне не стыдно разговеться. Дурак пошел и натолкнулся на человека, отправлявшего естественную надобность, сказал, что велела мать, и был опять побит. Мать говорит: ты бы плонул да отошел. Дурак встречает попа с крестом и плюет. Мать говорит: ты бы сказал: батюшка, благослови меня! Наконец, он попадает на медведя, просит у него благословения и медведь его разрывает).

Кошечей безсмертной[7]

Жил царь и царица, у них родился сын Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца: «царь-великой государь! Поди, сам качай своего сына». Царь начал качать: «спи, сынок! Спи, возлюбленной! Выrostиши большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и проспал трое суток, пробудился — пуще прежняго расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут; зовут отца: «царь-великой государь! Поди, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «спи, сынок! Спи, возлюбленной! Выrostиши большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: «поди, великой государь! Качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «спи, сынок! Спи, возлюбленной! Выrostиши большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток. Пробудился и говорит: «давай, батюшка, свое благословение — поеду, и не дашь — поеду!» — Ну, поезжай! Господь с тобой! Иван-царевич срядился и пошел коня доставать; отшел немало от дому и встретил старого человека. «Куда, молодец, пошел? Волей, али неволей?» — Я с тобой и говорить не хочу! отвечал царевич, отшел немного и одумался: «что же я старику ничего не сказал. Стары люди на ум наводят». Тотчас настиг старика: «постой, дедушка? Про что ты меня спрашивал?» — Спрашивал: куда идешь, молодец? Волей, али неволей? «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке. Сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». — Хорошо, молодец, учливо говоришь! Только пешему тебе не дойти — Ненаглядная Красотка далеко живет. «Сколь далеко?» — «В золотом царстве, поконец свету Белаго, где солнышко восходит». «Как же быть-то мне? Нет мне молодцу по плечу коня неезжалого, ни плеточки шелковой-недержалой». — Как нет! У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперед выдвинется, забредет в воду по самую шею и как станет пить — на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, ту и бери! «Спасибо на добром слове, дедушка!» Как стариик научил, так царевич и сделал; выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком: «Иван-царевич! Припади к земле; я тя (тебя) трижды пихну». Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал: «ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесет!» Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом — только и видел царь своего сына! Едет далеким-далеко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор, что город, изба, что терем. Приехал на двор — прямо к крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, доброй молодец! говорит ему старуха; куды тя Господь понес?» — Ах ты, старая сука! Неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, втепор и вестей спрашивай. Она его напоила-накормила, на постелю повалила и стала вестей выспрашивать. «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». — Хорош молодец! учливо говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может — она знает; поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее! Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал раненько, умылся беленько, вывел коня, оседлал, в стремено ногу клал — только его и видела бабушка! Едет он далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор что город, изба что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебреному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха: «фу-фу! Доселева было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а поне русская коска сама на двор приехала. Откуль, Иван-царевич, взялся?» — Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала. Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила; села в головы и спрашивает: «куды тя Бог понес?» — Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. «Хорош молодец! учливо говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может — она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — птица воздушная, третьи ответчики — рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете — все ей покоряется. Поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее!» Иван-царевич ночь переночевал, встал раненько, умылся беленько, сел на коня — и был таков! Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор что город, изба что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «ах ты, такой-сякой! Железного кольца недостоин, а к золотому коня привязал». — Хорошо, бабушка! Не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать. «Что, доброй молодец, задала тебе страху! А ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?» — Эх, бабушка! Ты бы

прежде накормила-напоила, втепор вестей поспрошала; видиши — человек с дороги, весь день не ел! В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан, и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам ей разсказывает: «был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внуучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка! Скажи: где живет Ненаглядная Красота и как до нея дойти?» — Я и сама, царевич, не ведаю; вот уж девятой десяток доживаю, а про красоту еще не слыхивала. Ну, да усни в Богом; заутро сберу моих ответчиков — может, из них кто знает. На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко, и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: «рыбы и гад водяной! Идите сюда». Тотчас мине море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гад, к берегу идет — воду укрывает. Спрашивает старуха: где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внуучка, девяти братьев сестра? Отвечают все рыбы и гады в один голос: «видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по земле: «собирайся зверь лесной!» Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает: «видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «собирайся, птица воздушная!» Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» — Больше некого спрашивать! говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Могол-птица, пала на землю — в окнах свету не стало. «Ах ты, птица-Могол! Где была, где летала, отчего запоздала?» — Ненаглядную Красоту к обедне сряжалась. «Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича». — Рада бы — сослужила, много пропитанья надоть! «Сколь много?» — Три сороковки говядины да щ(ч)ан воды. Иван-царевич налил щан воды, накупил быков, набил и наклал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копье длинное, железное. Воротился и стал со старухой прощаться: «прощай, говорит, бабушка! Корми моего доброго коня съто — я тебе за все заплачу». Сел на Могол-птицу — в ту же минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама безперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копье говядины. Вот летела-летела не мало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: «ой, птица Могол! Пади на сырую землю, мало пропитанья стало». — Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучия — нам с тобой поконец века не выбраться. Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихнул, а Могол-Птица летит, оборачивается. Что делать? думает царевич, вырезал из своих ног икры, дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые, и пала на земль. Иван-царевич встал, идет по лугу — разминается, на обе ноги прихрамывает. «Что ты, царевич! Али хромаешь?» — Хромаю, Могол-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил. Могол-птица выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плонула, икры приросли — и пошел царевич и крепко и бодро.

Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: «спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу». Лег царевич и тотчас уснул; день спит и ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадет в руки — тем и бьет, нет, не могла сбудить. Отшла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьет его чем ни попадя, насилиу-насилиу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; стоят они рядом да Богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней. Вышел на рундук, глянул на сине море — идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмехаться: «ах ты, деревенская зобенка! По тебе ли такая красавица? Не стоишь ты ея мизинного пальчика!» Раз говорят, и в другой говорят, а в третий сказали — ему бедно стало: рукой махнул — улица, другой махнул — чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке. Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту? — Видел, Во век не забуду. «Ну, ложись спать; завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбужу». Лег царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадет под руки — тем и бьет его; нет, не смогла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула — покраснела. Стоят они рядышком да Богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней. Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плавают корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: «ах ты, деревенская зобенка! По тебе ли такая красавица? Не стоишь ты ея мизинного пальчика!» От тех речей ему бедно показалось; махнул рукой — стала улица, махнул другой — чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел. «Видел ли Ненаглядную Красоту?» — спрашивает бабушка-задворенка. «Видал, во век не забуду». — Ну, спи; заутро я тебя опять разбужу. Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьет его не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилы добудилась его! Иван-царевич вскочил быстрехонько, снарядился в церковь.

Пришел, образом помолился, на все на четыре стороны поклонился, ненаглядной Красоте наособицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по левую. Стоят они да Богу молятся; на исходе обедни он первой под крест, она вторая за ним. Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться: «ах ты, деревенская зобенка! По тебе ли такая красавица? Ты не стоишь ея мизинного пальчика!» стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич нестерпел: махнул рукой — улица, махнул другой — гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браныя, угощала его — подчивала, своим женихом называла. Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали-ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич ея сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич: «Ненаглядная Красота! Похрани моего тела Белаго, я спать лягу». — А долго ль спать будешь? «Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время прийдет — сам проснусь». — Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет. — «Скучно-нескучно, а делать нечего!» Лег спать, и проспал как раз девять суток. В то время приехал Кошечей Безсмертной и увез Ненаглядную Красоту в свое государство.

Пробудился Иван-царевич, смотрит — нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошел ни путем, ни дорогою. Долго ли, коротко ли — приходит в государство Кошечея Безсмертного и просится на постой к одной старухе. «Что, Иван-царевич, печален ходишь?» — Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем. «Худо твое дело, Иван-царевич! Тебе Кошечея не потребить (истребить)». — Я хоть посмотрю на мою невесту! «Ну, ложись — спи до утра; завтра Кошечей на войну уйдет». Лег Иван-царевич, а сон и на ум неидет; поутру Кошечей со двора, а царевич во двор — стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать. Научает ее Иван-царевич: «спроси у Кошечея Безсмертного, где его смерть?» — Хорошо, спрошу. Только успел он со двора уйти, а Кошечей во двор: «а! говорит, русской косткой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — Что ты, Кошечей Безсмертной! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели! Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает: «скажи мне, Кошечей Безсмертной: где твоя смерть?» — На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана. Рано утром уезжает Кошечей на войну. Иван-царевич пришел к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кошечей во двор: «а! говорит, русской косткой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — Что ты, Кошечей Безсмертной! Сам по Руси летал, русского духу нахватался — от тебя русским духом пахнет. А мне где видеть Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели! Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порог — лежит веник позолоченной. «Это что?» — Ах, Кошечей Безсмертной! Сам видишь, как я тебя почитаю: коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога. «Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вон в дубовом тыну заделана». На другой день Кошечей уехал, а Иван-царевич пришел, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кошечей Безсмертной; «а! говорит, русской косткой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — Что ты, Кошечей Безсмертной! Кажется, я тебе не раз говорила: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул посадила. Кошечей взглянул в окно, стоит тын позолоченной, словно жар горит! «Это что?» — Сам видишь, Кошечей Безсмертной! Как я тебя почитаю: коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога. Полюбилась эта речь Кошечею Безсмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: «ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, так утка в кокоре, та кокора в море плавает». Как только уехал Кошечей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и рассказала, где искать смерть Кошечееву. Иван-царевич пошел ни путем-ни дорогою, пришел к окиан-морю широкому, и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился: «ну, ястреб! Я тебя застрелю да сырком съем». Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь. Бежит медведь; «ах Мишка косолапый! Я тебя убью да сырком съем». — Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь. Глядь — на берегу щука трепещется: «а, щука зубастая, попалася! Я тебя сырком съем». — Не ешь меня, Иван-царевич! Лучше в море брось; в нужное время я тебе пригожусь. Стоит царевич и думает: когда же наступит нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдруг сине море всколыхалось, взволновалось, стало берег заливать; Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит; взбежал на самое высокое место и взлез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, на берегу очутилась большая кокора. Прибежал медведь, поднял кокору, да как хватит оземь — кокора развалилася, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся — летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо, да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кошечею Безсмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кошечей Безсмертной сидит у окна да ругается: «а, Иван-царевич! Хочешь отнять у меня

Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть». — ты сам у меня ее отнял! отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: «а это что?» — У Кощя свет в глазах помутился, тотчас он присмирел, покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кощя Безсмернаго из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на руку перекладывать; перекладывал-перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер. Иван-царевич запрёг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки серебра и золота и поехал вместе со своею невестою к родному батюшке. Долго ли, коротко ли — приезжает он к то самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, увидав своего коня: «слава Богу, говорит, воронко жив!» — и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас срядил царевич легкаго гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет: «батюшка! Встречай сына; еду с невестою Ненаглядною Красотою». Отец получил письмо, прочитал и веры неймет: «как тому быть! Вить Иван-царевич уехал отсель девятисуточной». Вслед за гонцом и сам царевич приехал; царь увидал, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльце встречать и приказал в барабаны бить, музыку играть. «Батюшка! Благослови жениться». У царей не пиво варить, ни вино курить — всего много; в тот же день веселым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с ненаглядной Красотою, и выставили по всем улицам большие щаны с разными напитками; всякой приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

Емельян-дурачок

В некоторой деревне жил мужик, и у него было три сына: два были умные, а третий — дурак, котораго звали Емельяном, и как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость и правзав к себе всех сыновей, говорил им:

— Любезныя дети, я чувствую, что мне не долго жить, то и оставляю вам дом и скот, которые вы разделите на равныя части; также оставляю вам денег на каждого по сту рублей.

После того вскоре отец их умер, и дети похоронили его честно, жили благополучно; потом вздумали Емельяновы братья ехать в город и торговаться на те триста рублей, которые им отказаны были их отцом, то и говорили они дураку Емельяну:

— Послушай, дурак! Мы поедем в город, возьмем с собою и твои сто рублей и когда приторгуем барыш, то купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, а ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены (ибо они были женаты), а твои невестки, то ты сделай.

Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям своим, что он делать будет все, что только его невестки заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом, спустя несколько времени, в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою, но дурак лежа на печи, сказал:

— Да, а вы что?

Невестки закричали на него:

— Как, дурак, мы-то что, ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти.

Но он говорит:

— Я ленюсь.

Невестки опять на него закричали:

— Как, ты ленишься, ведь ты же захочешь есть; а когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя. — притом сказали: — Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя они и купили тебе красный кафтан и все, чтоб они ничего не давали.

Что слыша, дурак, желая получить красный кафтан и шапку, принужден был идти, слез с печи и начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся и взял с собой ведры и топор, пошел на реку, ибо и деревня их

была подле самой реки. И как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую, потом почерпнул в ведры воды и поставил их на лед, а сам стоял подле проруби и смотрел на воду; в то время увидел дурак, что плавала в той проруби преображеная щука. Емеля, сколько ни был глуп, однако пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить и подошел к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, вытащил из воды и положив ее за пазуху, хотел идти домой, но щука говорила ему:

— Что ты, дурак, на что ты меня поймал?

— Как на что? — говорил он. — Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить.

— нет, дурак, не носи ты меня домой, а пусти ты меня опять в воду, я тебя за то сделаю богатым человеком.

Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ея не отпускает, говорила:

— Слушай, дурак, пусти же ты меня в воду: я тебе сделаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится.

Дурак, слыша сие, весьма обрадовался; ибо как он был чрезвычайно ленив, то и думал сам себе: «Когда щука сделает то, чего я ни пожелаю, то все будет готово, и я уже работать ничего не буду». Потом говорил он щуке.

— Я тебя отпущу, только ты сделай то, что ты обещаешь.

На что отвечала щука:

— Ты преждепусти меня в воду, я обещание свое исполню.

Но дурак говорил ей, чтобы она прежде свое обещание исполнила, а потом уж он ее пустит; щука, видя, что он ея не хочетпустить в воду, говорила:

— Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как делать то, чего ты пожелаешь, то надобно, чтоб ты теперь сказал, что ты хочешь.

Дурак говорил ей:

— Я хочу, чтоб мои ведры с водой сами пошли на гору (ибо деревня та была на горе), но чтоб вода из них не расплескалась.

Щука тотчас ему говорила:

— Помни же, Емельян, те слова, которыя я стану тебе сказывать.

И вот в чем те слова состояли: «По щучьему велению, а по моему прошенью, ступайте ведры сами в гору».

Дурак после нея говорит: «По щучьему велению, а по моему прошенью, ступайте, ведры, сами на гору!» И в тот час ведры и с коромыслом пошли сами на гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке:

— Все ли так будет?

На что щука отвечала:

— все то будет, чего только пожелаешь, но не забудь только те слова, которые я тебе сказывала.

После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя чудо, удивлялись и говорили, между собою:

— Что это дурак делает? Ведры с водой идут сами, а он идет за ними.

Но Емеля, не говоря ничего с ними, пошел домой, и ведры сами вошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь. Потом спустя несколько времени, говорили ему опять невестки:

— Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел да дров нарубил.

Но дурак говорил:

— Да, а вы-то что?

— Как мы? — вскричали на него невестки. — Ведь теперь зима, а ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно.

— Я ленюсь, — говорит дурак.

— Как ленишься? — говорили ему невестки: — ведь ты же озябнешь. — Притом они говорили: — Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки и сапог.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; а как был он чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезать с печки, то он и говорит тихонько, на печи лежа, сии слова:

— По щучьему велению, а по моему прошенью, ну-ка, топор, поди и наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь!

Топор, откуда ни взялся, выскочил на двор и начал рубить, а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивлялись Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дурак велит нарубить дров, то топор и нарубит; и жил он с невестками несколько времени. Потом говорили ему невестки:

— Емеля, теперича у нас нет дров, то съезди в лес и наруби.

Дурак им говорил:

— Я ленюсь.

— Как ленишься? — говорили ему невестки. — Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не поедешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим тебе давать ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и встал с печи, начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под сарая сани, взял с собою топор и сел в сани, и говорил своим невесткам:

— Отворите ворота.

Невестки, видя, что он едет в санях да без лошади, ибо дурак лошадь не запрягал, говорили ему:

— Что ты, Емеля, сел в сани, а лошади для чего не запряг?

Но он говорил, что лошади ему не надобно, а только чтоб отворили ворота. Невестки ему отворили, а дурак, сидя в санях, говорил:

— По щучьему велению, а по моему прошенью, ну-ка, сани, ступайте в лес!

После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко, что хотя бы пара запряжена лошадей, то нельзя бы шибче ехать.

И как надобно дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как он не знал того, что надобно кричать для того, чтоб не передавить народ, то он ехал по городу, а не кричал, чтоб посторонились, и передавил народу множество; и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли; и Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановил свои сани.

Дурак вылез из саней и говорил:

— По щучьему велению, а по моему прошенью, ну-ка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами в сани кладитесь и вяжитесь!

Лишь только дурак сказал сии речи, то топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и

веревкой вязались. После того как нарубил он дров, то велел еще топору рубить одну дубинку, и как топор вырубил, то он сел на воз и говорил:

— Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, поезжайте, сани, домой!

Сани тотчас и поехали весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народа, то и дождались его люди, чтоб поймать. И как въехал он в город, то они его и поймали и стали тащить его с воза долой; притом начали бить. Дурак, видя, что его тащут и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай им руки и ноги». В тот час выскошила дубинка и начала всех бить, и как народ бросился бежать, дурак поехал из города в свою деревню, и дубинка, когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь; и после того, как он уехал из города, то и стали об нем везде говорить, не столько о том, что он передавил множество народа, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях и без лошади. И мало-помалу сии речи дошли до дворца, а потом и до самого короля; и как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть, и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтобы его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему:

— Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезть к королю.

Староста тотчас показал ему тот двор, где жил Емеля, и офицер взошел в избу, спрашивал, где дурак, а он, лежа на печи, отвечал:

— На что тебе?

— Как на что? Одевайся скорее я повезу тебя к королю.

Но Емеля говорил:

— А что мне там делать?

Так он и не поехал во дворец.

Выбрал король одного умного человека, котораго и послал с тем, чтоб как возможно привезть дурака, хотя обманом. Посланный от короля поехал, и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему:

— Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его взять; а то призови мне тех, с кем он живет.

Староста тотчас побежал и привел его невесток, и посланный от короля спрашивает их, что дурак любит, а невестки ему отвечали:

— Милостивый государь! Наш дурак любит, что ежели станешь его просить неотступно о чем, и он откажет раз-другой, а в третий уже не откажет и сделает; а не любит он того, когда с ним грубо поступают.

Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе; после того, накупя изюму, черносливу и винных ягод, пошел к дураку и как пришел в избу, то подошел к печи и говорил:

— Что ты, Емеля, лежишь на печке?

И дал ему изюму, черносливу и винных ягод и говорил:

— Поедем, Емеля, со мною, я тебя отвезу к королю.

Но дурак говорил:

— Мне и тут тепло. — Ибо ничего, кроме тепла, не любил.

А посланный начал его просить:

— Пожалуйста, Емеля, поедем, там тебе будет хорошо.

— Да, — говорил дурак, — я ленюсь.

Но посланный стал его еще просить:

— Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги.

Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели пойдет, говорит:

— Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду.

Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток:

— Не обманывает ли меня дурак?

Но оне уверяли, что он уже не обманет.

Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорит:

— Ах, как мне не хочется к королю ехать, но так уже и быть!

Потом говорил:

— Нут-ка, по щучьему велению, а по моему прошенью, поезжай-ка, печь, прямо в город.

Тотчас изба затрещала, и печь пошла вон из избы, и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что догнать нельзя. И он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а с ним приехал и во дворец. И как король увидел, что приехал дурак, то вышел со всеми своими министрами его смотреть, и, видя, что Емеля приехал на печи, весьма король удивлялся, но дурак лежал и ничего не говорил. Потом спрашивал его король, для чего он столько передавил народу, как ездил за дровами в лес? Но Емеля говорил:

— Я чем виноват, для чего они не посторонились?

И в это время подошла к окошку королевская дочь и посмотрела на дурака; а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя ее весьма прекрасною, дурак тихонько говорил:

— Кабы по щучьему велению, а по моему прошенью, влюбилась эдакая красавица в меня!

И лишь только сии слова выговорил, то королевна, смотря на него, и влюбилась; а дурак после того сказал:

— Ну-ка, по щучьему велению, а по моему прошенью, ступай-ка, печь, домой!

В тот час печь и поехала из дворца; и въехав за город, поехала на прежнее место. И Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое. Ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить своего отца, чтоб выдал ее за дурака в замужество. Король за то весьма разсердился на нее и на дурака и не знал, как его взять; в то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который и прежде ездил за Емелей и не умел его взять, то за вину, что он его не взял, король по их совету приказал представить того офицера, и как офицер пред ним предстал, тогда король говорил ему:

— Слушай, друг мой, я тебя прежде послал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю я тебя в другой раз, и чтоб ты привез его непременно. Ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан.

Офицер выслушал короля, поехал немедленно за дураком, и как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему:

— Вот деньги, искупи все то, что надобно завтра к обеду, и позови Емеля; и как будет он у тебя обедать, то пой его до тех пор, когда ляжет здесь спать.

Староста, зная, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и, искупив все то, позвал и дурака. И как Емеля сказал, что будет, то и дожидался его офицер с великою радостию; а на другой день пришел дурак, то и начал его староста поить и напоил его так, что Емеля лег спать; офицер, видя, что он спит, в тот час связал и приказал подать кибитку; и как подали, то положили дурака.

Потом сел офицер в кибитку и привез его в город. И как подъехал он к городу, то повел его прямо во

дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера, и как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку, и чтоб набиты были железные обручи, что тотчас же и было сделано, и принесена была оная бочка к королю; и король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою dochь и дурака и велел их засмолить. И как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе же велел пустить ту бочку в море; и по его приказанию немедленно ее пустили. Король возвратился в свой город, а бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов, и дурак во все то время спал, а как проснулся, и видя, что темно, то спрашивает сам у себя: «Где я?» Ибо он думал, что он один, но принцесса ему говорила:

— Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена.

— А ты кто? — спросил дурак.

— Я Королевская dochь, — отвечала она, и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку. Потом просила его, чтобы он освободил себя и ее из бочки. Но дурак говорил:

— Мне и тут тепло.

— Сделай милость, — говорила принцесса, — сжалься на мои слезы и избавь меня из сей бочки.

— Как не так! — говорил Емеля. — Я ленюсь.

Принцесса опять его начала просить:

— Сделай милость, Емеля, избавь меня от сей бочки и не дай мне умереть.

Дурак, будучи тронут ея просьбою и слезами, сказал ей:

— Хорошо, я для тебя это сделаю.

После того потихоньку говорил:

— По щучьем веленью, а по моему прошенью, выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству, а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама и расшибися!

Лишь только успел дурак выговорить сии слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на сухое место, а бочка сама и разсыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных дерев со всякими плодами, и принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове, а после того говорила:

— Что ж, Емеля, где мы будем жить, ибо нет здесь ни шалаша, ничего?

Но дурак говорил:

— Вот ты уж и многаго требуешь.

— Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, — говорила принцесса, — чтобы можно нам было во время дождя укрыться.

Ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели только захочет.

Но дурак сказал:

— Я ленюсь.

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ея просьбою, принужден был для нея сделать и, отошед от нея, говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, будь среди сего острова такой дворец, чтоб вдвое был лучше королевского, и чтоб от моего дворца был хрустальный мост, а во дворце чтоб были разного звания люди!

И лишь успел выговорить сии слова, то в ту же минуту и появились преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях было весьма богатое убранство, и было премножество людей, как лакеев, так и всяких разночинцев, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все были как люди, а он был один только не хорош и глуп, захотел, чтоб сделаться получше, и для того говорил:

— По щучьему велению, а по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезмерно умен!

И лишь успел выговорить, то в ту же минуту сделался так прекрасен, а при том и умен, что все удивлялись. После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак. И как приехал во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил:

— Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к себе кушать.

Король спрашивал:

— Кто таков твой господин?

Но посланный отвечал:

— Я не могу вас сказать, милостивый государь (ибо дурак ему не велел сказывать про себя, кто он таков), о моем господине ничего: а когда вы сами будете кушать, в то время он вам и скажет о себе.

Король, любопытствуя знать, кто прислал его звать кушать, сказал посланному, что он будет непременно, и посланный возвратился назад. А когда пришел тот час, то король поехал со всеми министрами к дураку по тому мосту, и как приехал король во дворец, то вышел Емеля на встречу королю и принимал его за белые руки, целовал в сахарные уста, вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браныя, явства сахарныя, за питья медовыя, и за столом король и министры пили, ели и веселились. А как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю.

— Милостивый государь! Узнаете ли вы меня, кто я таков?

И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом и лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было его узнать, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил:

— Помните ли вы, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец, и вы его, засмоля в бочку и с дочерью, пустили в море? Итак узнайте теперь меня, что я тот самый Емеля.

Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать. а дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увида свою дочь, весьма обрадовался и говорил дураку:

— Я пред тобою весьма виноват и за то отдаю тебе свою дочь в замужество.

Дурак, слыша сие, с покорностию благодариł короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день и праздновали ее с великим великолепием; а на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселье то отшло, то король отдавал ему свое королевство, он он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

Ивашка медвежье ушко

В некотором царстве, в некотором государстве жил крестьянин, у него родился сын, у которого было медвежье ухо, почему и назван он был Ивашкою-медвежьим ушком.

Но как Ивашка-медвежье ушко начал приходить в совершенный возраст, то стал ходить на улицу рогатицу с ребятами играть; и кого ухватит за руку, то оторвет руку прочь, кого за голову, то оторвет голову.

Крестьяне, нестерпя таковых обид, начали говорить Ивашкину отцу, чтоб он унимал своего сына или не пускал со двора на улицу играть с ребятами.

Отец долгое время бился с Ивашкою, но видя, что сын его не унимается, решился его сослать со двора и сказал ему:

— Поди от меня, куда хочешь, а я тебя держать в доме своем не стану; я опасаюсь, чтобы мне не нажить от тебя какой себе беды.

Итак Ивашка-медвежье ушко, простясь со своим отцом и матерью, пошел путем-дорогою. Шел он долгое время, потом подошел к лесу и увидел человека, копающего дубовые пенья. Он подошел к нему и спросил:

— Добрый человек, как тебя зовут?

— Дубынею, — отвечал сей, и они с ним побратались и пошли далее.

Подходя же к каменной горе, увидели человека, копающего каменную гору, которому сказали:

— Бог на помошь тебе, добрый молодец! Как тебя зовут? — спросили они.

— Имя мое Горыня, — отвечал сей.

Они также назвали его своим братом и предложили ему, чтобы он, оставя рыть гору, согласился идти с ними вместе; он согласился на их предложение, и пошли все трое вместе путем-дорогою и шли несколько времени.

Идучи по берегу реки, увидели человека, сидящего и имеющего превеликие усы, которыми он ловил рыбу для своей пищи. Они все трое сказали ему:

— Бог на помочь тебе, брат, ловить рыбу!

— Спасибо, братцы, — отвечал он.

— Как тебя зовут? — спросили они.

— Усыня, — отвечал он.

И сего назвали своим братом, и взяли Усыню с собою. И таким образом они все четверо шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; напоследок подошли к лесу, увидели избушку на куриных ножках, которая туда и сюда повертывается.

Они, подошед к ней, сказали:

— Избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом.

Избушка им повиновалась, и взошед в оную, они стали советоваться, как им жить да быть; потом пошли все в лес, набили дичи и настрыпали для себя кушанья.

На другой день оставили Дубыню для стряпни, а сами пошли в лес для промысла.

Дубыня, приготовя кушанья, сел под окошко дожидался своих братьев. В то самое время приехала баба-яга на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает и, взошед в избушку, говорила:

— Доселева русского духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, ныне и слышу и вижу.

Оборотясь же к Дубыне, спросила:

— Зачем ты сюда, Дубыня, пришел?

Потом зачала его бить и била до полусмерти; потом приготовленную пищу всю поела, а сама уехала.

Как пришли товарищи Дубыни с охоты своей, то требовали от него кушанья, и он им, не объявляя, что его прибила баба-яга, сказал, что занемог, а потому и ничего не состряпал.

Таким же образом поступила баба-яга с Горынею и Усынею. Напоследок досталось сидеть дома Ивашке-медвежье ушку; он остался, а товарищи пошли на добычу.

Ивашка всего наварил и нажарил; нашедши у бабы-яги кринку меду, сделал у печи столб, сверху воткнул клин, а мед пустил по столбу; а сам сел на печи и спрятался за оный столб, приготовляя три прута железные.

Несколько времени спустя приехала баба-яга и закричала:

— Доселе русского духа слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу и вижу; зачем ты, Ивашко-медвежье ушко, сюда пришел да еще надругался над моим добром?

И начала по столбу лизать языком мед, а как стала доставать языком по трещине, то Ивашка вынул из столба клин, и прищемя ей язык, вскочил с печи до тех пор сек ее теми железными прутьями, пока начала она просить, чтоб он ее отпустил, и обещалась с ним жить мирно и к нему более не ездить.

Ивашка согласился исполнить ея просьбу, освободил язык и, положа ягу-бабу под угол, сам сел под окошка, дожидаясь своих товарищ, которые вскоре пришли и думали, что и с ним так же поступила баба-яга. Но, увидя, что у него кушанье все приготовлено, весьма сему удивлялись.

После обеда он рассказал им, как он поступил с ягою-бабою, и смеялся им, как они сладить не могли с нею.

Напоследок, желая показать избитую ягу-бабу, повел их под угол, но уже ея не было; посему они, вознамерившись за нею идти следом, пришли к камню, который подняв, усмотрели глубокую яму и вздумали туда спуститься.

Но как никто из его товарищ не осмелился сего учинить, то согласился Ивашка-медвежье ушко; зачали вить веревки, сделали люльку и опустили его в яму.

Между тем Ивашка приказал им дожидаться себя целую неделю; и если в сие время не получат от него никакого известия, то бы более не ждали.

— Когда же я буду жив и потрясу за веревку, — говорил он, — то вы тащите люльку, если будет легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вместо меня не вытащить яги-бабы.

Простясь с ними, он опустился в ту глубокую подземную пропасть.

Он ходит там долгое время, наконец, пришел к одной избушке, в которую взошел, увидел трех прекрасных девиц, сидящих за пяльцами и вышивающих золотом, а оныя были дочери яги-бабы; и как оне увидели Ивашку-медвежье ушко, то спросили:

— Добрый молодец, зачем ты сюда зашел? Здесь живет наша мать яга-баба, и как скоро она сюда придет, то уже тебе не быть живому, она тебя умертвит; но если ты нас освободишь из сего жилища, то мы тебе дадим наставление, как спасти свою жизнь.

Он обещался их вывести из сей пропасти; и они рассказали ему, что как скоро мать приедет, то бросится на него и станет с ним драться, но она потом устанет и побежит в погреб, в котором у нея стоят два кувшина с водою: в синем кувшине сильная вода, а в белом — безсильная.

Лишь только дочери яги-бабы окончили свой разговор, то услышали, что мать их едет на железной ступе, пестом погоняет, а языком следы замечает, и сказали о сем Ивашке.

Приехав же, баба-Яга закричала:

— Доселе русского духа слыхом не слыхала и видом не видала, а ныне и слышу и вижу; зачем ты, Ивашка-медвежье ушко, пришел сюда? Ты и здесь уже вздумал меня беспокоить.

Бросилась она вдруг на него и начала драться; долгое время дрались оба и напоследок упали на землю.

Баба-яга полежав несколько, вскочила и побежала в погреб, куда за нею следом бросился Ивашка; и она, не разсмотря, ухватила белый кувшин, а Ивашка — синий и стали пить; после сего вышли из погреба и начали опять драться; Ивашка ее одолел и, схватя за волосы, бил бабу-ягу ея же пестом.

Она стала просить Ивашку, чтобы он помиловал ее, обещаясь с ним жить мирно, и что сей же час выйдет

из сего места. Ивашка-медвежье ушко на сие согласился и перестал бить ягу-бабу.

Как скоро она уехала, он пошел к ея дочерям, поблагодарил их за наставление и сказал им, чтобы оне приготовились к выходу из сего места.

Как только оне собрались, он, подошед к веревке, потряс оною; тотчас его товарищи опустили люльку; он посадил большую сестру и с нею приказал, чтобы их всех вытаскивали.

Товарищи Ивашкины, вытащив девицу, удивлялись; но, известясь от нея обо всем, и прочих сестер ея перетаскали.

Напоследок опустили люльку за Ивашкою, и как он в то время наклал в люльку много платья и денег, к нему же сел и сам, то товарищи его, почувствовав тяжесть, думали, что селя яга-баба, отрубили веревку и там Ивашку оставили. Между тем, согласились на тех девицах жениться, что исполнить не замедлили.

Между тем, Ивашка-медвежье ушко долго ходил по сей пропасти и искал выхода; наконец, к счастию, нашел в темном месте железную дверь, которую отломав, шел долгое время в оной темноте; потом вдали увидел свет и, шедши прямо на оный, вышел из пропасти. По сем вознамерился искать своих товарищей, которых вскоре нашел, и они уже все трое поженились. Увидя их, стал говорить, для чего они его оставили в пропасти!

Но товарищи, испугавшись, говорили Ивашке, что Усыня отрубил веревку, котораго Ивашка убил, а жену его взял за себя, и стали все вместе жить поживать, да добра наживать.

Бова Королевич

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был князь по имени Гвидон. Мудро управлял он своим обширным владением, был храбр и в добавок еще обладал несметным богатством. Соседи князья все уважали его и наперевы один перед другим спешили предложить ему дружественный союз.

Однажды вздумалось ему отправиться в один из соседних городов, в котором правил народом Кирбит Верзеулович.

Князь Кирбит был очень рад дорогому гостю, встретил Гвидона у городских ворот и тотчас же пригласил к себе в терем — откусить хлеба-соли. — Нечего и говорить, что стол был приготовлен необыкновенно роскошно. — Но, что всего более поразило Гвидона, так это красота дочери князя Кирбита Мелетрисы Кирбитовны. Увидав ее, он влюбился в нее, как говорится, по уши и вознамерился во что бы то ни стало взять ее за себя в замужество. Долго думать он не любил, а потому, когда вернулся в свои владения, то ни мало не медля написал к Кирбиту Верзеуловичу письмо, в котором изъявлял ему свое желание — соединиться браком с его дочерью. — Письмо это должен был доставить один из приближенных его вельмож.

Князь Кирбит прочел письмо Гвидона и с радостию согласился исполнить его желание, но Мелетриса Кирбитовна никак не хотела вступить с ним в брак и только по настоянию отца решилась отдать ему руку. Посол возвратился к Гвидону с благоприятным ответом, а вслед за ним прибыл и великолепный поезд невесты, сопровождаемый отцом и первейшими его вельможами.

Сочетавшись браком, князь Гвидон жил с Мелетрисою Кирбитовною три года с половиною и у них, к общей их радости, родился сын, котораго называли Бовою Королевичем.

Мелетриса Кирбитовна была постоянно окружена всевозможною роскошью... Чего бы ей кажется не доставало? — Всего у нее вдоволь: и нарядов дорогих и сластей заморских. Словом сказать, не успеет она, бывало, глазом мигнуть, а уж перед нею все является по ея желанию; грешно было сказать и то, чтобы муж не любил ее; напротив, он сам не знал как бы приласкаться к ней; но на все это Мелетриса Кирбитовна смотрела с пренебрежением, не разделяя никаких удовольствий двора своего. Не могли придумать, чтобы могло быть причиной ея беспрестанной грусти.

Раз, проснувшись ранее обыкновенного, она позвала к себе преданного ей слугу Личарда и голосом несколько взволнованным сказала ему:

— Личард! Вот тебе письмо, отвези его к храброму и сильному князю Додону! Но смотри, чтобы оно было непременно передано ему в руки: если же да ты не исполнишь верно моего поручения, то поплатишься за это своею жизнию.

Личард привык уже безпрекословно повиноваться воле своей повелительницы, а потому, не мешкая ни минуты, спешил исполнить в точности ея приказание.

Письмо, которое передала ему Милитриса Кирбитовна, было следующаго содержания:

«Любезный князь Додон!

Родителю моему угодно было, совершенно против моего желания, отдать меня замуж за князя Гвидона. — Находясь в таком неприятном положении, я решаюсь, наконец, просить тебя: освободи меня силою своего оружия от моего мужа, котораго я ненавижу».

Додон, прочитав письмо, немедленно приказал трубить в рог и сывать свою дружину на брань. — Живо собралось сорокатысячное войско и ожидало приказания от своего князя. Додон повел его к столичному граду Гвидонову и расположился с ним на лугах княжеских.

Как скоро Милитриса Кирбитовна увидала из окна своего терема белеющиеся на лугах шатры и войско Додоново, в ту же минуту нарядилась в самое лучшее платье и веселая вошла к своему мужу Гвидону.

— Знаешь ли, о чем я хочу просить тебя! — сказала она ему с притворно-ласковою улыбкою.

— О чём? Говори! Будь уверена, что я все исполню для тебя, — произнес Гвидон, обрадованный, что жена его весела и ласкова.

— Вот видишь ли, — отвечала она, еще более ласкаясь к своему мужу, — мне захотелось мяса дикаго вепря и я желала бы, чтобы ты сам заколол его и принес ко мне. Ах, как бы ты этим утешил меня и свое детище, которое я теперь в себе чувствую.

Ласки жены до того разнежили Гвидона, что, в угождение ей, он поехал за город; а Милитриса Кирбитовна приказала запереть городскихя ворота, поднять подъемные мосты и отнюдь никого не впускать внутрь города; сама же начала внимательно всматриваться в окно своего терема... Вдруг видит: муж ея, преследуемый погонею, обратил быстро коня и скачет назад в город; вот он подъехал к подъемному мосту, на минуту остановился, как бы раздумывая, что делать, вот пустился вплавь. — Обезсиленный конь его тонет: с ним вместе гибнет и муж ея.

Обрадованная, что коварный замысел ея удался, Милитриса Кирбитовна приказала снова отворить городскихя ворота и опустить подъемные мосты; в это же время уведомила она князя Додона, что он безпрепятственно может вступить в город, сама вышла на встречу ему, взяла его за руку и повела в свои терема.

Там посадила его за столы дубовые, за скатерти бранныя, предложила ему яства роскошныя, да напитки заморския. — И начали они пить, есть и сладкия речи вести.

Бова Королевич был еще ребенком и ничего не понимал, но, увидев, что мать его сидит с незнакомым ему человеком, испугался и с отвращением выбежал из терема. Приставленный к нему дядька Симбальда насилиу мог отыскать его. — И сколько потом ни старался Симбальда внушить Бове Королевичу, что он не должен выходить из повиновения своей родительницы и что всякое неуважение его к князю Додону может быть для него пагубно, все было напрасно: Бова Королевич, предчувствуя что-то недоброе, не хотел и не оказывал ни малейшей ласки к своему отчиму. Додон замечал это в ребенке и, угрызаемый совестью, решился к одному злу присоединить и другое, то есть задумал извести совершенно невиннаго младенца.

— И вот, раз призывает он к себе Милитрису Кирбитовну и говорит ей, что видел во сне, будто бы Бова Королевич выехал на статном коне и поразил его, Додона, копьем прямо в сердце.

Рассказав Милитрисе Кирбитовне сон свой, он прибавил:

— Я боюсь, чтоб не случилось со мною на самом деле, если возрастет и возмужает Бова и вздумает отомстить мне за смерть своего отца, а чтоб устраниТЬ такую опасность, угрожающую мне в будущем, я прошу тебя предать Бову смерти.

Выслушав последния слова, милитриса Кирбитовна крепко призадумалась: жаль ей было погубить свое детище, и вот она, став перед Додоном на колени, предложила ему, что будет гораздо лучше — посадить Бову в темницу и там заставить его умереть голодною смертию. По крайней мере так, предложила она, я не буду видеть его мучений и смерть своего сына перенесу гораздо спокойнее. Додон согласился с нею и Бову заперли в темницу.

Прошло несколько дней. Милитриса Кирбитовна пошла прогуливаться по широкому двору, окружавшему терем княжеский. На этом дворе возвышалась башня, а в ней томился Бова Королевич.

Увидав из темничного окна мать свою, он стал ей жаловаться, что умирает с голода.

Стон ребенка тронул материнское сердце Милитрисы Кирбитовны: она быстро возвратилась в терем и приказала своей девке отнести тайно к Бове несколько кусков хлеба.

Девка-Чернявка подала Бове хлеб и горько прослезилась при виде несчастного.

Бова Королевич благодарил ее за участие и, утолив голод принесенным ему хлебом, просил Чернявку, чтоб она не запирала за собой двери темницы.

Та, сочувствуя его ужасному положению, сжалась над ним и оставила двери открытыми.

Бова Королевич не почел за нужное оставаться более в темнице, вышел наружу. Но, опасаясь быть узнанным, он спешил удалиться от места своего заключения, выступил за город и продолжал путь свой до тех пор, пока обезсиленный не упал на землю. В это время мимо него проходила шайка подозрительных людей, промышлявших грабежом. Такой прекрасный мальчик, как Бова Королевич, показался им выгодною добычею, они взяли его, отвезли к корабельной пристани, которая находилась по близости и предложили его на продажу корабельщикам.

Пленяясь красотою мальчика, корабельщики охотно купили его.

— Чей ты сын? — спросил его тогда один из корабельщиков.

— Отец мой музыкант, а мать прачка, — отвечал простодушно Бова. — и сам стал прохаживаться по кораблю и с любопытством осматривал все предметы; потом, подкрепив силы свои сытною пищею, Бова лег спать.

Корабельщики начали спорить между собою, кому владеть этим мальчиком.

Бова прислушался к их спору, встал и отвечал им:

— Вы спорите кому владеть мною? Не спорьте, я буду принадлежать и прислуживать всем вам.

Умный и скромный ответ очень понравился новым хозяевам Бовы и за это они еще более полюбили его.

После долгого плавания, корабль пристал к одному знаменитому городу, которым управлял князь Зензевей Андронович.

Как только донесли князю Зензевею о прибытии чужеземного корабля, он тотчас же послал вельмож своих узнать от корабельщиков, с каким товаром они прибыли.

Пришли вельможи на корабль и, взглянув на Бову, до того очаровались красотой его, что совершенно позабыли о возложенном на них поручении, и когда возвратились к князю, ни о чем больше не рассказывали ему, как только про прекрасного мальчика. Зензевей едва верил рассказам их и, чтобы удостовериться в истине, пошел на корабль сам. — но лишь только корабельщики, по его требованию, подвели к нему Бову, он также, как и вельможи, изумился красотой мальчика и, не входя ни в какие подробности, настоял на том, чтобы корабельщики продали его за триста литр золота.

— Какого ты рода? — спросил Зензевей Бову, когда он привез его к себе во дворец.

— Отец мой музыкант, а мать прачка, — отвечал ему скромно Бова Королевич.

— А когда ты простаго роду, — сказал Зензевей, — то будь моим старшим конюшим.

Бова поклонился Зензевею, поблагодарил его за милостивое к нему расположение и пошел на конюшню.

В это время дочь Зензевея Андроновича, прекрасная Дружевна, увидела Бову из окна своей комнаты и пленилась красотой его и, узнав, что ему уже назначена должность конюшаго, стала его упрашивать, чтобы мальчика этого оставили при ней. Зензевей охотно согласился на ея просьбу, будучи доволен тем, что Бова нравился его дочери точно также, как и ему.

Началось для Бовы житье самое приятное. Все любили и ласкали его, как потому, что видели расположение к нему князя и его дочери, так и за то, что он старался всем угодить своею кротостию и служливостию.

Так прошло несколько лет. Бова из прекрасного мальчика сделался красивейшим в мире юношем.

В это время к столице Зензевеевой подступил с огромным войском князь Маркобрун и требовал, чтобы Зензевей отдал за него дочь свою, прекрасную Дружевну, в противном же случае грозил весь город истребить, самого князя в полон взять, а дочь его силою принудить выйти за него замуж.

Сильно призадумался Зензевей, струсил на порядках, но делать нечего; собрал он кое-какое войско и вышел на встречу к неприятелю. Началась битва жестокая; с обеих сторон дрались отчаянно; однакоже, как храбро не сопротивлялся Зензевей, но должен был уступить превосходству сил. Маркобрун, одержав победу, уже готовился вступить в город, чтобы привести в исполнение свои угрозы.

Раздосадовал Бова, как узнал, что Зензевей проиграл сражение, что войско его бежит в беспорядке. В первый раз тут он почувствовал в себе силу богатырскую и крепкия руки его как бы сами просились поразведаться с Маркобруном. Минуты были дороги. Он пошел к княжне и сказал ей:

— Княжна, позволь мне идти сражаться за твоего батюшку; прикажи мне только дать коня и меч.

— Как это возможно, Бова, — возразила Дружевна, — ты еще очень молод, чтобы сражаться с таким сильным неприятелем. Враги тебя раздавят как муху... Нет, нет, я не пущу тебя на явную смерть...

Но Бова не посмотрел на запрещение княжны, побежал в конюшню, выбрал коня, взял метлу и выехал за городских ворота. Маркобруновы воины, увидав, что против них выехал витязь в таком возрасте и в добавок еще с метлою в руке, начали смеяться над ним, а Бова, слыша их насмешки, пришел в такую ярость и так начал размахивать метлою, что побил до двух сот тысяч неприятелей... Остальные вместе с Маркобруном едва спаслись бегством.

Дружевна, как узнала о подвигах своего любимца, не могла нарадоваться на него, а Зензевей не находил даже слов, чтобы достаточно выразить ему свою благодарность.

Через несколько времени к столице Зензевея подступил новый неприятель — князь Лукопер, у которого голова была с пивной котел, а между глаз целая пядень укладывалась.

Снова начались требования в замужество княжны Дружевны и повторились угрозы разорить город и взять ее силою. Зензевей и в этот раз проиграл битву. Пришлось опять Бове снаряжаться в поход; взял он коня богатырского да меч-кладенец, выехал против врагов и как начал размахивать мечом своим в разные стороны, так куда и несметное войско девалось: всех перебил до единого, даже и сам Лукопер с большой головой своей не избег смерти.

Подвиг, совершенный теперь Бовою Королевичем, был гораздо важнее первого, а потому, когда он подъехал к городским воротам, жители вышли к нему на встречу и громкими криками приветствовали победителя. На крыльце же дворца княжеского встретили его сам Зензевей Андронович с своею дочерью и со всеми вельможами. Тут Бова соскочил с коня своего и, низко раскланявшись, поздравил князя с победою. Зензевей поблагодарил Бову за храбрость, пожаловал ему чин и приказал немедленно записать его в бояре; потом он взял Бову за руку и вместе с ним и с прекрасною Дружевною пошли впереди всех во дворец. Тотчас же загремела веселая музыка, засветились безчисленными огнями огромные залы княжеския и полилось рекою в золотых кубках вино драгоценное. Все поздравляли Бову.

Дружевна еще более полюбила его и раз, беседуя с ним, высказала ему, что никак не верит, чтобы он мог быть сын простолюдина.

— Да, княжна, — отвечал ей на это Бова, — твое предчувствие справедливо: я сын славнаго Гвидона, а

мать моя Милитриса Кирбитовна, дочь знаменитаго князя Кирбита Верзеуловича.

Обрадованная княжна была вне себя от восторга. Теперь ей не стыдно было оказать своему любимцу ласку и ея сердце могло биться свободней при той страсти, которую она уже питала к нему.

Казалось, все благоприятствовало Бове: его ожидали и почести и слава, а вдобавок и еще любовь княжны Дружевны, которой так домогались многие из храбрых и сильных князей. — Но взамен всего этого коварная зависть готовила ему удар и удар решительный.

— Он должен непременно погибнуть!

Так разсуждал один из придворных князя Зензевея, — и с этою целью изготовил подложное письмо, передал его Бове и от имени князя велел ему тотчас же отвезти пакет к князю Султану Султановичу, отцу убитаго Лукопера.

Не подозревая никакого злодейского умысла, Бова поспешно сел на коня и отправился по назначению. Путь был не близок: солнце сильно палила землю; пот крупными каплями катился с лица утомленнаго путника. Ему захотелось пить; но куда ни озирался он, нигде не было ни одного ручья, из котораго мог бы утолить свою жажду. — Бова поехал далее. Вдруг видит в стороне дуб, под которым стоит старик и пьет из кружки воду. Он живо подскакал к нему и спросил:

— Кто ты такой, старичок?

— Я странник, — отвечал тот.

— Дело похвальное, — заметил Бова, — однако я вижу, что ты пьешь воду, а меня Вильно мучит жажда: сделай одолжение, позволь и мне напиться.

— Изволь, я налью тебе в кружку воды, — сказал странник. — После чего он отвернулся, наполнил кружку водою и незаметно всыпал в воду усыпительного порошку. Бова, чувствуя жажду, с жадностью выпил всю воду. Не прошло и двух минут, как его одолела сильная дремота, он упал с коня и заснул крепчайшим сном. Но каково же было его негодование, когда, проснувшись, он увидел, что возле него не было ни меча-кладенца, ни коня богатырского. Почтенный старик, тоже скрывшийся из глаз, лишил его и того и другого.

— Ах, проклятый бродяга, — говорил в досаде Бова, — какую сыграл со мною пакостную штуку.

Потужил, погоревал Бова о своих верных товарищах, но делать было нечего пошел пешком. Чрез несколько дней, пред глазами его открылся обширный город. Он направил шаги свои прямо к нему и перваго встретившагося ему прохожаго спросил:

— Скажи, любезный, как называется этот городок и кому он принадлежит?

— Он принадлежит славному и знаменитому князю Султану Султановичу, — отвечал прохожий.

— А! его-то мне и нужно, — сказал про себя Бова и пошел прямо во дворец к Султану.

Султан распечатал письмо и вдруг суровое лицо его побагровело. Он взглянул на Бову с яростным видом и вскричал:

— А! это ты, злодей, убил моего сына Лукопера и побил все мое храбреое воинство. Хорошо, что ты сам пришел ко мне на смерть. Теперь ты жив не останешься. Эй, стража! — продолжал он, захлопав в ладоши.

Стража немедленно явилась.

— Возьмите вот этого злодея и отведите прямо на виселицу, — приказал Султан.

Стража появилась и повели Бову на виселицу.

Грустно стало Бове. Он никак не ожидал, чтобы Зензевей вместо благодарности отоспал его на явную смерть. Но, рассуждал Бова, неужели в самом деле я должен погибнуть как преступник? И за что же? За то, что верно служил Зензевею, что несколько раз спасал его от врагов... Нет, этого не будет! Я не позволю лишить себя жизни, не предприняв ничего к своей защите.

В одно мгновение бросился он на близ стоявшего воина, вырвал у него саблю и начал работать ею направо и налево. Головы летели, как мячики, трупы ложились, как снопы, у ног богатыря; многие были побиты, а другие от страха разбежались.

Увидя себя на свободе, Бова выбежал за город. Но Султан, уведомленный о поражении своей стражи, приказал трубить в рог и со стотысячным войском погнался за Бовою. Его схватили, и Султан стал говорить ему.

— Ты хотел убежать от казни, но я все-таки велю тебя повесить.

Бову повели обратно в город и отдали под крепкую стражу; необыкновенная красота юноши на этот раз спасла его.

У Султана Султановича была дочь, прекрасная Мельчигрия Султановна. Увидя Бову, она влюбилась в него и ей стало жаль такого красавца. Она пошла к отцу своему и стала просить его об оказании милости витязю.

— Государь мой батюшка! — говорила она, сына своего не воскресить тебе, а войска побитаго не воротить; так не вели же казнить этого богатыря. Пусть он останется между нами, привыкнет к нашим обычаям и возьмет меня за себя в замужество; такой храбрый и сильный богатырь, как он, может быть очень полезен для нашего отечества.

Выслушав слова своей дочери, Султан разсудил, что в самом деле полезно было бы иметь его зятем, а потому приказал тотчас освободить Бову. Мельчигрия призвала его к себе и сказала:

— Из сожаления к тебе, я выпросила тебе свободу у моего родителя; но за это, в знак благодарности, ты должен взять меня за себя замуж.

Живо тут представилась воображению Бовы княжна Дружевна и он впервые почувствовал, что его сердце ни к кому не могло питать столько страсти, как к ней. Не желая однако же огорчить Мельчигрию, он уклончиво отвечал ей.

— Прекрасная княжна Мельчигрия! Я еще очень молод и мне рано думать о женитьбе, а потому взять тебя замуж я не могу.

Оскорбленная дерзким ответом, Мельчигрия объявила отцу своему, что решительно отказалась от вероломного богатыря и теперь он может поступать с ним как ему угодно.

Разгневанный Султан приказал посадить Бову в темницу. Прошло три дня, назначена была казнь заключенному. Воины подошли уже к башне и стали отодвигать тяжелые засовы, которыми были заперты железные двери.

Услышав этот стук, который был для него предвестником близкой казни, Бова стал осматриваться кругом и что же? Вдруг видит он в углу темницы меч-кладенец, точь-в-точь как тот, который был похищен у него странником. Он схватил его и приготовился к обороне.

Между тем двери темницы отворились и вошли воины, чтобы взять Бову и вести его на казнь. Но он не допустил до себя дотронуться; взмахнул раза два мечом и из посланных стражей не осталось ни одного, все были убиты; некому было известить Султана о случившемся.

Уложив стражу на месте, Бова бросился бежать за город. Он уж успел достигнуть морского берега к корабельной пристани, у которой стоял корабль, готовый к отплытию. Корабельщики приняли его и подняли все паруса. Корабль поплыл с такой быстротою, что и сам сокол на всем лету не перегнал бы его.

Через несколько дней плавания показался вдали берег, на котором раскинут был обширный город. На встречу попалась им рыболовная лодка. Бова подал знак, чтобы она приблизилась, и спросил сидевшаго в ней старика:

— Кому принадлежит этот город?

— Князю Маркобруну, — отвечал рыбак.

— Маркобруну! — воскликнул Королевич, — не тому ли, что сватался за дочь Зензевея Андроновича?

— Тому самому, и завтрашний день будет его свадьба с прекрасною княжною Дружевною.

Такое неожиданное известие поразило Бову. Он начал упрашивать старика, чтоб тот довез его до города. Рыбак согласился, и проворно подплыл с ним к берегу.

Высадившись из лодки, Бова немедленно стал пробираться по городу. Его тревожила мысль, как могло случиться, что княжна Дружевна согласилась выйти замуж за Маркобруна.

В таких-то тяжелых размышлениях он продолжал путь свой все далее и далее и вдруг набрел на того самого странника, который увел у него коня и унес меч. Узнав в нем похитителя, Бова схватил его за ворот и начал сильно трясти.

Сказывай, бездельник, куда девал ты коня моего и меч? — заговорил он.

Почувствовав на себе богатырскую силу, странник отвечал умоляющим голосом:

— Не трогай меня, добрый витязь, а прежде выслушай. Меч-кладенец ты уже получил.

— Как он очутился в темнице?

— Об этом долго рассказывать, довольно того, что он у тебя; коня своего ты тоже получишь, он находится в конюшнях Маркобруна и тебе только стоит подойти к ним и вскрикнуть: гей ты верный конь, стань передо мной, как лист перед травой, и он в то же мгновение явится к тебе. В награду за похищение мое я дам тебе три зелья, которые имеют чудное действие: одно из этих зелий делает человека стариком, другое снова обращает его в молодого, а третье зелье усыпляющее: нужно только дать понюхать и оно наведет сон ровно на девять дней.

Бова взял от старика зелья и пошел от него в сторону.

Дорогою задумалось ему испытать силу одного зелья; развел он его в воде, вспрыснул на себя и сделался таким стариком, что, повидимому, малейший ветерок мог бы сдунуть его с ног, даже и самый меч его кладенец и тот обратился в клюку. В таком виде направил он шаги свои прямо ко двору Маркобруна. В это время по двору княжескому прогуливалась прекрасная княжна Дружевна. Бова подошел к ней и сказал:

— Прекрасная Дружевна Зензееевна, помоги бедному старику, ради Бовы Королевича.

Услыша имя Бовы, Дружевна вдруг вспыхнула.

— А ты разве знаешь его, старику? — спросила она.

— Как же! — отвечал он, — мы с ним вместе сидели в одной темнице и вместе убежали из нея.

Дружевна увела мнимаго старика во внутренние свои покои и стала разспрашивать его подробнее о Бове.

Старик высказал ей все: как томили Бову в темнице и как хотели повесить его на виселице за то, что он отверг любовь дочери Султана Султановича прекрасной Мельчигрии. — И все это, — добавил старику, — он перенес и переносит ради любви к тебе, княжна Дружевна.

Дружевна начала плакать только.

— Ах, старику, если бы я знала, где он находится, то пошла бы к нему, хоть за тридевять земель, в тридесятное царство... С ним только одним я могу быть счастлива.

— Если так, княжна, — продолжал старику, — то узнай, что Бова здесь, в городе Маркобруна. — Сам он, опасаясь быть узнанным, не посмел сюда прийти, а прислал меня поразведать: помнишь ли ты об нем.

— Как! он здесь? — вскричала обрадованная княжна: так пойдем же к нему, старику; сегодня я могу убежать, завтра должна буду принадлежать другому, ненавидимому мною человеку...

— Позволь, княжна, предложить тебе одно средство, которое предохранит тебя от опасности, в случае если Маркобруну вздумается послать за тобою погоню; возьми эту баночку: втней хранится зелье, имеющее снотворное действие; всыпь зелье хоть например, на руку и дай понюхать Маркобруну. Он заснет на девять дней, а в это время ты можешь быть с своим Бовою далеко. Прощай же. Завтра я зайду за тобой.

На другой день старик подошел ко дворцу. К нему вышла на встречу Дружевна и, объявив, что Маркобрун спит, наставила, чтобы он поскорее вел ее к Бове.

— Постой, княжна, — сказал ей тогда старик, — я только возьму коня своего и мы отправимся. Княжна осталась одна. А старик подошел к княжеским конюшням, кликнул богатырского коня своего, и тот в один миг подлетел к нему. Проворно вскочив на коня, старик подъехал к княжне, помог ей сесть с ним рядом и быстро они помчались из города. Отъехав недалеко, старик слез с лошади, вспрыснул себя водой с другим зелием и принял настоящий вид своей Бовы Королевича. Радость и удивление Дружевны были до того велики, что едва верила глазам своим. Однако же нужно было спешить. И они снова пустились в путь на богатырском коне своем.

Поздно проснулся Маркобрун; невеста его была уже обвенчана и находилась далеко. Напрасно также он приходил в гнев и посыпал несметное войско свое в погоню. С Бовою был меч-кладенец и он по-прежнему разбил всех до единаго.

Поразив этого врага, он задумал разсчитаться с другим — с своим отчимом — князем Додоном, о котором живо теперь помнил, как о виновнике всех его бедствий. С этой целью он направил путь свой прямо к столице матери. Додон, узнав о приближении Бовы Королевича, испугался, собрал огромное войско и выступил сам против него. Опять заходил меч-кладенец Бовы-Королевича, снова все поле усеяно было трупами и сам Додон не миновал смерти. После этого он уже беспрепятственно вошел в город отца своего Гвидона. Милитриса Кирбитовна стала пред ним на колени и просила прощения. Бова Королевич приподнял ее и обещал предать все забвению. В этот же день он вступил на престол и вместе с княжною Дружевною до глубокой старости управлял своим владением. Мир и довольство были всюду.

Лисица и дурак

В некотором государстве жил мужик, и у него было три сына: два-то умные, а третий дурак. И как было тогда летнее время, то и было у старика несколько стогов сена, и как он был очень скуп, то боялся того, чтоб не покрали у него сена; вздумал послать сыновей стеречь оное, то и говорил большому сыну:

— Любезный мой сын, ты знаешь, что у нас теперь в поле много в стогах сена, но ежели кто-нибудь все это сено в поле украдет, то что тогда будет! И для того прошу тебя, чтоб ты пошел в поле и покараулил бы сено, чтоб его ночью никто не украл.

Сын его отговаривался, и хотя ему очень не хотелось идти, но принужден был слушать своего отца и пошел в поле. И как пришел к стогам, то во всю ночь караулил, чтоб никто не украл сена. Потом на другой день пошел домой, и как пришел, то сказал своему отцу, что все цело; и как день тот прошел, то на другую ночь посыпал старик другого, средняго своего сына, и говорит ему:

— Поди, сынок, в поле и покарауль сено; ведь ты знаешь, что там все наши пожитки.

Сыну хотя весьма не хотелось, но принужден был идти и, дождавшись вечера, пошел к стогам и сидел всю ночь; но как у всякаго мужика в то время свои были покосы, то никто и не думал, чтоб воровать его сено. Итак поутру на другой день пришел сын его домой и пересказал отцу, что он в поле был и что сено все цело. Отец его похвалил. Потом, как пришла третья ночь, то старик стал посыпать опять большого сына; но сын ему говорил:

— Что же, батюшка, мы и работаем все, а дурак ничего не делает; пускай хоть он караулит в поле сено. Дурак говорил, сидя на печи:

— Да и ведомо; когда я ничего не делаю, так хотя пойду за братьев-то караулить в поле сено.

Старик закричал на него:

— Где тебе, дураку, караулить, иной и тебя украдет.

А дурак говорил:

— Нет, батюшка, я еще лучше умного укаруаю.

Старик, сколько ни спорил, однако принужден был послать дурака, потому что он сам просился. И дурак пошел в поле, а пришедши, сел подле стогов и смотрел, не приедет ли кто. И надобно думать, что неподалеку от тех стогов был лес, ибо увидел дурак, что из лесу бежала лисица и прямо к его стогам. Дурак, притаясь, молчал, а лисица, ухватя клочок сена, побежала обратно в лес. И как она ушла, то дурак сам себе говорил: «Я правду батюшке говорил, что я лучше еще умного укараулю; видишь ли, братья-то мои ничего не видали, а я уже и увидел; но я дома-то не скажу до тех пор, пока поймаю». Потом дурак просидел всю ночь и не видал после лисицы никого. А поутру пошел домой, и как пришел, то отец его спрашивал: «Что, дурак, все ли сено цело, и был ли кто?». Дурак ответил: «Нет, батюшка, не было никого, и сено все цело». Старик, не веря ему, пошел сам и осмотрел все стоги, и видя, что сено цело, дурака похвалил. А как на четвертую ночь надобно было идти к сену опять большому брату, но как дураку хотелось поймать лисицу, то он и говорит отцу своему: «Батюшка, пускай братья мои отдыхают, а я пойду караулить сено, ибо я ничего не работаю». После того пошел он в поле и сел у стогов, увидел опять лисицу, которая ухватила клочок и побежала в лес; а после никого уже во всю ночь не видел. И поутру пошел домой и сказал отцу, что все цело.

Как день прошел, а ночь наступила, то дурак сделал силки и пошел к стогам и поставил те силки в том месте, куда лисица прибегала; потом, как уже смерклось, то дурак увидел опять, что бежит лисица; а он притаился и как она прибежала к стогам, то и попала в те силки, которые дурак поставил. И дурак увидел, что лисица попала в силки, то пошел он, вынул ее и привязал подле себя. Лисица стала проситься пустить ее. Дурак говорил: «Нет, я тебя завтра отведу домой и отдам тебя батюшке; что он захочет, то с тобой и сделает». Лисица говорила дураку: «Что тебе будет прибыли, что ты отведешь к себе домой; ежели продадите меня, то немного денег возьмете». Но дурак был неупросим; лисица, видя, что никак упросить его не может, говорила ему: «Послушай, дурак, отпусти ты меня, я тебя за то сделаю королем и женю на царской дочери». Дурак, слыша сие, говорил: «Нет, лисица, ты меня обманешь». Но лисица уверяла его, что она в своем обещании твердо будет стоять. Дурак, поверяя ея словам, отпустил, а она говорила дураку, что на другой день к вечеру прибежит. Дурак после того просидел всю ночь, а поутру пошел домой, но он ничего не сказывал. И как день прошел, то дурак к вечеру пошел опять к стогам, а пришедши, сел и дожидался лисицы, которая и прибежала к нему вскоре; поговоря с ним, сказала, что это верно, она свое обещание не переменит. Потом говорила ему, чтоб он не называл себя Иванушкой-дурачком, а называл бы Иванушкой-королевичем. После того побежала опять в лес, а дурак остался у стогов и, просидя всю ночь, поутру пошел домой. А лисица как у него была, то на другой день бежала по лесу без памяти, а на встречу ей попался медведь, который спрашивал: «Куда ты, лисица, так бежишь?» Лисица говорила ему: «Вот как я для вас стараюсь и ищу вас, потому что князь здешняго владения делает нынешний день великий пир и на оном пиру хочет вас, медведей, посмотреть». Медведь побежал по лесу и тотчас собрал множество медведей и привел к лисице, а она повела их к тому князю. И как пришли в город, народ, увида их, весьма испугался, а медведи шли за лисицею весьма смирно и, наконец, пришли ко дворцу. Лисица их остановила, а сама пошла в покой и, взошед к князю, говорила: «Милостивый государь! Красота вашей дочери принудила ехать Ивана-королевича из дальних государств, и он, приехав в ваш город, посыпает вам зверей в подарок и просит, чтоб отдали дочь свою за него в замужество». Князь говорил, что он с великою радостию отдает свою дочь за Ивана-королевича; притом сказал, что он с великою нетерпеливостью желает его видеть. После того князь приказал медведей загнать в зверинец, а лисица побежала к дураку. И как прибежала к тем стогам, то спросила его: «Тут ли ты, дурак?» Он отвечал ей, что тут. Тогда лисица говорила: «Слушай, дурак: дело твое идет на лад, только что-то будет мне от тебя?» Дурак говорил: «Все, что потребуешь». Потом лисица, поговоря с ним, пообедала в лес, а на другой день опять бежала по лесу, и на встречу ей попался волк и спрашивал: «Куда ты, лисица, бежишь?» На это лисица отвечала: «Я вас, волков, ищу, но не могу найти; видите, как я об вас стараюсь. Князь здешняго владения делает нынешний день великий пир, и при таком веселии хочет вас, волков, видеть». Волк, слыша это, побежал по лесу и в минуту привел к ней пребольшое стадо волков; а лисица повела их к тому князю, и как привела их в город, народ, увида, весьма испугался, но волки шли за лисицей смирино и никого не трогали. Когда лисица привела их перед окошками дворца, то велела им тут дожидаться, а сама пошла в покой и, взошед к князю, говорила: «Милостивый государь! Иван-королевич прислал вам еще зверей в подарок». Князь взглянул в окошко и увидел премножество волков, то, обратясь говорил лисице, что он чрезмерно доволен Иваном-королевичем, только сожалеет о том, что сам к нему не придет. Лисица отвечала: «Милостивый государь, вы принимайте прежде от него подарки, а потом увидите и самого Ивана-Королевича». Князь приказал всех волков загнать в зверинец. После того лисица была у князя во дворце, а на вечер побежала к дураку; и как прибежала к стогам, то спрашивала: «Тут ли ты, дурак?» На сие дурак ответствовал, что тут. Тогда лисица сказала ему: «Дурак, князь отдает дочь за тебя с охотою». Дурак стал ее благодарить за ея старание. Потом лисица побежала опять в лес, а дурак, просидя у стогов всю ночь, пошел домой. Лисица же на другой день бежала без памяти по лесу, и навстречу ей попалась такая же лисица, как и она, и спрашивала: «Куда ты так, сестрица, шибко бежишь?» На сие отвечала дуракова сваха: «Видите, как я для вас стараюсь: князь здешняго владения делает нынешний день великий пир, и при таком веселии желает нетерпеливо видеть вас, лисиц; а как я больше бываю в городе, нежели здесь в лесу, то мне и препоручена сия комиссия, и

для того поди и собирай всех лисиц, которая находятся в этом лесу». Лесная лисица тотчас побежала по лесу и через минуту привела премножество лисиц перед дуракову свауху; а она повела их в город и, приведши их ко дворцу, велела им себя дожидаться, а сама пошла во дворец. И как вошла в те покои, где был князь, то говорила: «Милостивый государь! Иван-королевич прислал вам еще подарок; извольте встать и посмотреть». Как увидел князь премножество лисиц, то говорит: «Любезная лисица, я уже слишком доволен Иваном-королевичем; только сожалею о том, что он сам не приедет во дворец». Тогда лисица отвечала: «Милостивый государь! Я скажу вам правду, для чего он не приедет к вам; ибо когда за него многие короли сватали своих дочерей, то он всем отказывал; но как происшедшая о красоте вашей дочери слава дошла, наконец, в то государство, где был Иван-королевич, то он вздумал удостовериться, точно ли ваша дочь такая красавица, как о ней говорят и притом хотел сделать так, чтобы вы о нем не знали: и для того, взяв с собою одного только слугу и довольноное число денег, поехал из своего государства и продолжал свой путь благополучно; а как уже был близ вашего владения, то в один весьма жаркий день вздумал отдохнуть, и увидел неподалеку от той дороги, по которой они ехали, лес. Иван-королевич поехал к тому лесу и, приехав, слез со своего коня и лег под деревом от жары отдохнуть. Во время же его сна напали на них разбойники, слугу его убили, потому что он не спал, а Ивана-королевича всего ограбили. И как он проснулся, то увидел, что слуга его убит; а он, будучи ограблен, не знал что делать; потом решился идти в ваше государство, а пришедши в ваш город, живет теперь в весьма бедном состоянии, и в таком виде стыдится перед вами явиться». Потом говорила лисица: «Вот вам вся история Ивана-королевича, для чего он к вам не едет». Князь, выслушав от лисицы все, весьма сожалел, что в его владении разбойники ограбили Ивана-королевича, а потом говорил: «Ну, любезная лисица, покажи ты теперь нам, где живет он, а я пошлю с тобой мою придворную карету, также платья и людей, и ты непременно привези его с собою». Лисица на все согласилась с охотою. И как карета и все было готово, то лисица побежала вперед, а придворная карета ехала за нею, и как неподалеку был город от той деревни, где жил дурак, то и приехали скоро к тем стогам, где он караулил сено. Лисица прибежала к нему, и карета остановилась. Потом говорила она дураку: «Милостивый государь Иван-королевич! Князь здешняго владения прислал к вам сию карету, которую вы видите, и просит вас к себе». После того начали ему волосы чесать, а потом и одевать; а как совсем его одели, то лисица села с ним вместе в придворную карету и поехала в город. Лисица, сидя с ним в карете, научала его, как подойти к князю, княгине и к нареченной своей невесте и как ему говорить. Потом приехали во дворец, и князь вышел сам к нему на встречу. Дурак тотчас подошел к князю и говорил: «Милостивый государь! Я стыжусь перед вами явиться в таком состоянии». Но князь прервал его речь и говорил: «Не напоминайте о своем несчастии; я уже от лисицы все слышал». Потом повел его князь в покой, и стали разговаривать. После того, князь велел позвать дочь свою, которая вскоре и вошла в те покои, где был князь с дураком. Но мы уже будем впредь называть его Иваном-королевичем. Иван-королевич встал со стула и поклонился весьма учтиво дочери князя, потом говорил князь своей дочери: «Любезная дочь, я призвал тебя за тем, чтобы объявить тебе счаствие: Иван-королевич делает нам великую честь и хочет взять тебя в замужество; согласна ли ты?» А как он был собой недурен, то дочь его без всякого отвращения согласилась. Князь на другой же день праздновал их свадьбу с великим торжеством, а после того отвел им в своем дворце покой, где они и жили благополучно, провожая дни свои в великом весели. И как уже прошло тому несколько месяцев, как Иван-королевич жил со своею супругою у князя, то в один день говорила ему лисица: «А что же, ты не думаешь ехать в свое государство?» Он отвечал ей: «Любезная лисица, где мое государство? Ты знаешь сама, что у меня не только целаго государства, но даже двора нет, и куда я поеду?» Но лисица говорила: «Так как я обещала сделать тебя королем, то я хочу свое обещание исполнить в завтрашний день. Скажи князю и княгине, что ты намерен ехать в свое государство, а притом проси и их, чтобы поехали с тобой и посмотрели твое государство». Иван-королевич на другой день, войдя к князю и княгине в покой, говорил: «Милостивый государь! Я у вас живу несколько уже месяцев в городе, а теперь имею намерение ехать в свое государство, то прошу вас, пожалуйста, поехать со мною вместе и посмотреть мое государство». Князь и княгиня с охотою на сие согласились и велели приготовлять все нужное к сему путешествию. Потом, как все приготовили, и сказали князю, княгине и Ивану-королевичу. При отъезде своем, князь сделал у себя великий пир, на котором множество было министров, и он, выбрав из них одного, препоручил ему правление своего владения; а после того отправились благополучно. Лисица же побежала вперед и велела всем за собою ехать. И так ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка оказывается, а не скоро дело делается. Потом, как лисица бежала впереди, то и увидала, что пасут пастухи стадо рогатого скота. Увидев сие лисица подбежала к ним и спрашивала: «Какого вы государства?» Пастухи ответствовали, что они Расимского государства. Потом лисица спрашивала, кто у них король, на что пастухи отвечали, что король у них Риген. Тогда лисица говорила им: «Слушайте вы, пастухи: ежели вы скажете еще кому-нибудь, что король у вас Риген, то за мною едет Иван-королевич, сильный богатырь, который вас всех до смерти убьет». Пастухи, слыша от нея такия речи, весьма испугались и просили ее, чтоб она сказала, как им сказываться. Лисица же говорила: «Когда вы увидите едущих мимо вас премножество карет, и ежели станут вас спрашивать, коего вы государства, то вы скажите, что вы Расимского государства, славного богатыря Ивана-королевича; да помните же, а ежели вы скажите, что король у вас Риген, то тут же всех и изрубят». Потом побежала от них в свой путь. Вскоре после

нея увидели пастухи едущих премножество карет, и как скоро подъехали к пастухам, то князь, увидя столько рогатого скота и желая занять, коего они государства, приказал остановиться карете и велел кликнуть пастухов, а как пастухи подошли к карете, то князь спросил их: «Котораго вы государства?» Пастухи ответствовали: «Милостивый государь! Мы Расимского государства, славного богатыря Ивана-королевича». А он, слыша, что его называют, говорил: «Так, это точно мое государство». Потом поехали далее за лисицей, и князь удивился таким прекрасным лугам. А лисица увидела еще пастухов, которые пасли безчисленное множество лошадей; лисица подбежала к ним и спрашивала: «Котораго вы государства?» Пастухи отвечали, что Расимского государства, славного короля Ригена. Тогда лисица говорила: «Слушайте, пастухи: позади меня едет сильный, могучий богатырь Иван-королевич, и ежели вас спросит, коего вы государства, то вы скажите, что Расимского, славного короля ванна-королевича, а своего короля отнюдь не упоминайте, а коль скоро помяните, то он вас всех велит перерубить». Пастухи, убоявшись ея речей, обещались так сказать, как она им велела. Лисица побежала от них, а вскоре после нея приехал Иван-королевич с князем и со всеми министрами. Князь, увидя столько лошадей, захотел знать, которого государства и, призвав пастухов, спрашивал их: «Какого вы государства!» Но как они были научены лисицею, как им говорить, то отвечали: «Милостивый государь! Мы государства Расимского, славного богатыря Ивана-королевича». Князь, обратясь, говорил: «Ну, любезный зять, надобно признаться, что мое владение ничто против твоего государства». Потом поехали за лисицею в путь, а лисица, увидя город, побежала прямо во дворец; и как вбежала в те покои, где был король Риген, ибо это точно его владение, и как увидел Риген лисицу, то спрашивал ее, зачем она пришла? А лисица, притворяясь, будто испугалась, говорила королю: «Ах, милостивый государь! Спрятчтесь вы в потайное место, чтоб вас не могли найти, ибо едет в ваше государство сильный, могучий богатырь Иван-королевич и хочет вас изрубить». Король, испугавшись, не знал, что делать, потом говорил: «Любезная лисица, я лучше его встречу со всеми моими министрами». Но лисица говорила: «Ах! Лучше и не кажитесь и поскорее спрячьтесь, ибо он уж недалеко от вашего города, а министрам прикажите, чтоб его встретили как возможно лучше и называли бы его своим королем, также и по всему городу публикуйте, чтоб называли его королем, а о вас, чтоб и не поминали; и хоть он приедет, но как все будет в угоду его сделано, и вас он не найдет, то и выедет из вашего города благополучно». Король Риген приказал публиковать всему народу, чтоб называли Ивана-богатыря королем, а его не поминали; министрам же своим приказал, чтоб как возможно лучше встретить Ивана-королевича. Потом говорил король: «А я, любезная лисица, спрячусь вот в этот дуб». Ибо переел окнами его дворца поставлен был дуб, но верхушка была с него срублена и в нем было пусто, и потому называлось оно дуплом. Лисица ему сказала, что очень хорошо. И король спрятался в то дупло. А лисица послала Ивану-королевичу навстречу многих министров. И как скоро въехал он в город, то встретили его все министры, потом препроводили его во дворец; и как взошел Иван-королевич в покой с князем, то князь удивился убранству покоев. Потом весь день препроводили в весели. И как на другой день сделали великий пир, то лисица отвела Ивана-королевича в особливые комнаты и говорила ему: «Слушай: прежде прикажи это дупло прострелить, которое стоит перед окнами дворца, а потом уж веселись». Иван-королевич, по научению лисицы, вышел к министрам и говорил: «Мне кажется, что это дупло стоит не у места; однако, я хочу видеть, пролетит ли сквозь него из ружья выпаленная пуля». Министры, хотя знали, что там находился их король, но застращены были от лисицы, что он имел великую силу, то и не смели ему ничего говорить, и по приказанию его прострелили то дупло несколько раз, а в нем убили и расимского короля Ригена. После того день тот веселились; как ночь наступила, то лисица велела то дупло срубить и тайно похоронить короля. По смерти его Иван-королевич сделался настоящим королем и для того сделал великий пир и многих министров награждал деньгами, а кого чинами. Потом веселились несколько месяцев, и после того веселья князь поехал в свое владение, а Иван-королевич остался в своем Расимском государстве, жил благополучно с супругою своею, проводили дни свои в весели; а лисица жила уж остальное время в покое за свои услуги.

Еруслан Лазаревич

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был князь Картаус. Много было роскоши при дворе его, много находилось также сильных и могучих богатырей, но славнее их всех был храбрый и могучий витязь Лазарь Лазаревич. В молодости своей удивлял он всех своею молодецкою удалью, а в ратном деле не находил себе ни соперников ни поборников. Жил он в любви и согласии с супругою своею Епистимиею. Всего у них было вдоволь: и почестей и богатства разнаго; не доставало одного только наследника-сына, которому они могли бы передать все свои сокровища. Сильно горевал об этом Лазарь Лазаревич, но счастье и тут не отказалось послужить ему. Епистимия, наконец, родила сына, которого назвали Ерусланом. Само собою разумеется, что отец и мать были необыкновенно обрадованы этим событием и, вполне довольные судьбою, задали такой пир, которому подобного и старики не запомнят.

Уродился Еруслан Лазаревич и пригож и красив собою, точь в точь как был юношою отец его Лазарь Лазаревич; необыкновенна была также сила его. Так, будучи пятнадцати лет, пойдет он, бывало, на княжеский луг заповедный, встретить там детей боярских, да станет с ними разныя штуки шутить: кого ухватит за ногу — у того нога прочь, а кого ухватит за голову — так тот без головы стоит. Плачет сын боярский, бежит к отцу своему жалуется на Еруслана.

Не понутру пришлась боярам потеха эта, пошли они к Картаусу и, представ пред его светлыя очи, проговорили:

— Батюшка наш, князь Картаус! Не вели казнить, а позволь нам слово вымолвить, — сильно обижает нас сынок Лазаря Лазаревича: он как ухватит кого из детей наших за руку — у того руки нет, а кого ухватит за ногу — у того нога прочь; а коли схватит кого за голову, тот домой без головы бежит.

Князь Картаус, выслушав жалобу бояр, тотчас же послал за Лазарем Лазаревичем. Явился Лазарь Лазаревич, и Картаус стал говорить ему:

— Послушай, Лазарь Лазаревич, вот бояре пришли ко мне жаловаться на твоего сына Еруслана и просят, чтобы я высказал его из города за то, что он нехорошие строит шутки над их детьми боярскими, почти всех их изуродовал: кого без ноги, а то так некоторых и без головы пустил по свету. Не любы эти шутки боярам моим, да и мне не больно нравятся. А чтобы Еруслан твой не забавлялся так, вывези его куда знаешь из столицы моей, чтоб его тут и духу не было.

Лазарь Лазаревич, услыша такия слова, низко поклонился князю и пошел на свой широкий двор. Как раз на встречу ему Еруслан Лазаревич.

— Что так пригорюнился, любезный батюшка? — спрашивает он отца своего. — Иль услыхал от князя что недоброе?

— Ах, ты, любимое мое дитятко, — говорит Лазарь Лазаревич, — как же мне не кручиниться: князь Картаус приказал мне вывезти тебя из города, чтобы ты не шутил больше с детьми боярскими.

Усмехнулся Еруслан, услыша такия слова от отца своего, да и отвечает ему:

— Государь ты мой батюшка, Лазарь Лазаревич! Да об этом не только кручиниться, даже и думать-то нечего! Отпусти меня по белому свету постранствовать; недаром же природа дала мне силу богатырскую, недаром же кипит в груди моей удаль молодецкая.

Грустно было разставаться с ним отцу и матери, но делать нечего: они покорились необходимости и, скрепя сердце, стали снаряжать сына своего Еруслана в путь-дороженьку.

Выехал Еруслан Лазаревич на другой день рано из города, взял с собою только клячу коростовую да захватил еще седельце черкасское, уздечку тесмянную, войлок косящатый да плетку ременную. Ехал он месяц, другой и третий и вдруг видит: дорога сделалась так узка, что коню нельзя было пройти по ней.

— Как тут быть? — разсуждал он. — Неужели придется назад воротиться?

В недоумении находился Еруслан Лазаревич и задумался так крепко, что не слыхал, как подскакал к нему стар-человек на сивом коне.

— Здравствуйте, государь мой, Еруслан Лазаревич, — сказал он, — какими судьбами занесло тебя в такую дикую глушь?

Встрепенулся тут Еруслан Лазаревич и обрадованный, что встретил живое существо, спросил стар-человека:

— Скажи мне, старинушка, кто ты такой и почему ты знаешь меня?

— Я — Ивашка, искусный стрелок и могучий богатырь, — отвечал ему стар-человек, — я знаю тебя потому, что старый слуга отца твоего, стерегу табуны коней на западных лугах его и вот уже тридцать пять лет как исправляю эту должность. Так как же мне не знать тебя!

Выслушав стар-человека, Еруслан Лазаревич рассказал и ему также, что не по охоте странствует, а поневоле, и жалел только об одном: что нет коня у него богатырского.

— Не тужи, Еруслан Лазаревич, — сказал ему тогда стар-человек, — я могу помочь твоему горю: в табуне у меня есть такой конь, какого еще свет не привидывал; не знаю только — под силу ли придется тебе, а если усишишь на нем, то, пожалуй, бери его.

Еруслан Лазаревич благодарил стар-человека за предложение и стал убедительно просить его о коне богатырском. Привел Иванушка коня. Сел на него Еруслан Лазаревич и души в себе не слыхал от радости; а ретивый конь играет под ним, как бы чуя на себе седока могучаго.

Разстался тут Еруслан Лазаревич с стар-человеком и поехал далее в путь-дороженьку.

Ехал он месяц, другой и третий, и наехал, наконец, на рать-силу великую, всю побитую.

Обширное поле устлано было человеческими и конскими трупами; шлемы, копья и мечи валялись между побитыми воинами.

Ужаснулся Еруслан Лазаревич при виде такого множества обезображеных трупов и воскликнул:

— Есть ли кто живой?

Мертвое молчание было ответом на его зов. Он опять повторил тот же вопрос.

Тогда один воин встал с ратного поля и сказал:

— Государь Еруслан Лазаревич! Кого ты спрашиваешь и что тебе надобно!

— Я хочу знать, — отвечал Еруслан Лазаревич, — кто побил эту рать силу великую?

— Иван, русский богатырь, — сказал воин.

Еруслан Лазаревич пришпорил тут коня своего и пустился следом за Иваном, русским богатырем.

Ехал он месяц, другой, третий и наехал на поле, на бел шатер; у шатра у того стоял добрый конь, ел пшеницу белоярью.

Еруслан слез с коня своего и поставил его рядом с чужим конем, а сам вошел в бел шатер и видит: спит крепким сном добрый молодец.

Жаль ему стало будить его; прилег он на другом конце шатра, да и сам заснул крепчайшим сном.

Вскоре проснулся Иван-богатырь, смотрит: в шатре у него спит незваный и непрошенный витязь. Разсердился тут он не на шутку на невежество посетителя, пришел в гневе и от того, что чужой конь ел пшеницу его белоярью.

Проснулся наконец и Еруслан Лазаревич; подошел к нему Иван-богатырь да и говорит:

— Не честь тебе, доброму молодцу, не спросясь входить в чужой шатер; не честь тебе также кормить коня своего чужой пшеницей белоярой! Знай, не прошу тебе за невежество; а наперед скажи, кто ты такой и откуда, то есть из какого царства едешь.

— Я из царства Картаусова, отца зовут Лазарь Лазаревич, а мать мою Епистимию, самого же меня называют Еруслан Лазаревичем. Напрасно, Иван-богатырь, ты обращаешься ко мне с угрозою; ссориться с тобою я не намерен, а от брани не прочь, — выйдем хоть сейчас на ратное поле.

И вот оба богатыря разъехались друг против друга, обернув копья тупым концом, и нанесли удар один другому в ретивое сердце с такой силой, что у обоих искры из глаз посыпались. К великому удивлению Ивана-богатыря, Еруслан Лазаревич даже не покачнулся на седле от нанесенного ему удара, между тем как он сам не мог удержаться — и упал, а конь Еруслана Лазаревича притиснул его копытом к сырой земле.

— Ну, Иван-богатырь, — сказал Еруслан, — чего ты теперь желаешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Еруслан Лазаревич! — заговорил вдруг смиренным голосом Иван-богатырь, — не предавай смерти. И если уж ты превзошел меня могуществом, то будь моим старшим братом.

Еруслан Лазаревич вспомнил тут пословицу: «Лежачаго не бьют», слез с доброго коня своего, поднял Ивана-богатыря, дружески обнял его и назвал своим милым братом. Потом отправились они к белому шатру, поставили коней своих к одному корму, а сами вошли в шатер, начали пить, есть и прохладиться.

Попировав на порядках у Ивана-богатыря, Еруслан, наконец, простился с своим названным братом и оба они разъехались в разные стороны.

Взгрустнулось что-то дорогою Еруслану Лазаревичу по своей родине, и вот он повертил коня своего и поскакал прямо к отцу и матери, чтобы проведать о них — живы ли они, здоровы ли.

Сидит Лазарь Лазаревич у окна своего терема. Великая грусть выражается на лице его; поник он головой и крепкую думу думает. Но вдруг слышит кто-то скакет по широкому двору его; смотрит — и едва верит глазам своим: скакет дорогой сын его Еруслан Лазаревич... От радости старики чуть не прыгают, кличет жену свою Епистимию, и оба спешат навстречу нежданному гостю. Входит Еруслан Лазаревич в светлицу и обнимает своих родителей.

— Здравствуй, — говорит, — государь мой батюшка, Лазарь Лазаревич! Как тебя, государя моего, Бог миляет? Да что ты как будто прикручинился?

— Ах, ты, мое дитятко дорогое! — воскликнул Лазарь Лазаревич, — как красное солнышко обогрел ты меня на старости лет. А крачунюсь я потому, что подошел под царство наше князь Данила Белый, и войска с ним несметное количество. Он похваляется все наше царство покорить, а князя нашего Картауса, меня и богатырей наших в полон взять и в свою землю отвести.

— Не крачунься же так, государь мой батюшка, Лазарь Лазаревич, — говорит Еруслан отцу своему, — дай мне крепкий щит да копье булатное, так я один угоню и князя Данилу Белаго и все его войско несметное.

Лазарь Лазаревич стал тут уговаривать Еруслана, чтобы не пускался на такое опасное дело, но как увидел, что он и не думает отказаться от своего намерения, передал ему меч свой и копье булатное и отпустил его против врага сильного.

Подобно как орел устремляется на свою добычу, так и Еруслан Лазаревич стремглав налетел, поражая силу великую князя Данилы Белаго: он не столько копьем бил, сколько конем топтал, и в короткое время всю перебил силу вражью, а самого князя Данилу Белаго в полон взял. Но Данила Белый начал упрашивать Еруслана, чтобы он возвратил ему свободу, и дал ему клятву никогда больше неходить войною на царство Картауса.

Взмиловался над пленником Еруслан, поверил его клятве и отпустил Данилу Белаго, а сам поехал в свой город, где в самых городских воротах встретил его сам владетельный князь Картаус со всеми своими богатырями. Князь похвалил Еруслана за совершенный им подвиг и в благодарность предлагал ему около себя место, но Еруслан Лазаревич высказал Картаусу, что привык уже гулять по чистому полю и что опять желает странствовать по белому свету. Отец и мать стали уговаривать его остаться с ними, но не тут-то было! Еруслан Лазаревич настоял на своем и снова стал готовиться в путь-дороженьку. И вот едет он путем дорогою месяц и другой и третий, и наехал в чистом поле на бел шатер; а сидели в нем три девицы, три предивныя красавицы. Отличались оне все необыкновенной скромностью и были рукодельницы.

Еруслан Лазаревич слез с коня своего богатырского, вошел в полотняный бел шатер. Красота девиц поразила его, разыгралась в нем кровь молодецкая. Подошел тогда он к старшей красавице, взял ее за руку белую, лилейную, смотрит ей в очи, что блестят, как будто две звездочки, да и промолвил своим голосом ласковым:

— Милая и прекрасная Придора Григоровна! Есть ли на свете кто тебя краше, а меня храбреев?

— Государь мой Еруслан Лазаревич! — отвечала ему Придора Григоровна с приятной удыбкой, — что я за пригожая? Вот в городе Дебри, у князя Вахрамея есть дочь Анастасия Вахрамеевна, так та истинно что чудо, какого еще свет не видывал; да еще есть под Индейским царством, у князя Далмата, богатырь по прозванию Ивашка Белая епанча, Сорочинская шапка. Он стережет Индейское царство тридцать три года и так могуч и силен, что мимо его никакой еще человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал и птица не пролетывала. Вот так богатырь! А ты что еще за храбр? О твоей храбости и слышно не было!

Вышел Еруслан Лазаревич из бел-полотняного шатра, сел на коня своего богатырского и помчался в путь-дороженьку. Скачет он месяц, другой и третий и видит в чистом поле Ивашку, по прозванию Белая

епанча, Сорочинская шапка.

— Что спишиь стоя? — закричал на него Еруслан и ударил его по шапке плетью.

— А ты кто таков, — заговорил Ивашка, — что, ни спросясь меня, хочешь проехать в Индейское царство? Мимо меня здесь еще никакой богатырь не проезжал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала. Ну, да что долго толковать о пустяках! Поедем-ка в чистое поле да попробуем нашу крепость могучую.

Сразились богатыри. Еруслан вышиб Ивашку из седла, и богатырский конь его наступил ему на горло и притиснул к земле.

— Ну, что, Ивашка, хочешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Еруслан Лазаревич! — стонет Ивашка, — не предавай смерти, а позволь пожить.

Но Еруслан Лазаревич не взмиловался над ним, ударил его в грудь копьем своим — и Ивашки как будто бы и не существовало.

Очистив себе дорогу, Еруслан Лазаревич поехал прямо в Индейское царство, к князю Далмату. Удивился Далмат молодому витязю и спрашивал:

— Как же пропустил тебя верный страж мой Ивашка, по прозванью Белая епанча, Сорочинская шапка?

— Извини, князь Далмат, — отвечал ему Еруслан, — я убил твоего Ивашку за грубость.

Перепугался тут Далмат и с великою честию принял Еруслана. Сметил Еруслан Лазаревич, что Далмат боится его; оседлал коня своего богатырского, да и выехал из города. Далмат очень рад был, что проводил гостя, и приказал тотчас же крепко-накрепко затворить городскихия ворота, чтобы молодой витязь назад не воротился.

Междуд тем Еруслан поскакал к городу Дебри, к Вахрамееву княжеству, чтобы видеть хваленую дочку его, прекрасную Анастасию Вахрамеевну.

Едет он месяц, другой и третий да и раздумался дорогою.

— Ну что если ты княжна Анастасия мне понравится? Как возьму ее за себя в замужество, не спросясь наперед ни батюшки своего ни матушки? Не лучше ли мне прежде побывать у моих родителей?

Подумав так, он повернул коня своего и через несколько времени приехал в свое отечество.

Но, к великому удивлению, видит, что царство Картауса все разорено и выжжено, а города и следов не осталось; уцелела только в нем одна хижина, в которой жил старичок, да и тот кривой.

Вошел в хижину Еруслан и стал разспрашивать старичка о случившемся.

Старичок рассказал ему, что к городу подступил князь Данила Белый с несметным воинством, что он же и все царство разорил, а самаго Картауса, Лазаря Лазаревича и всех прочих богатырей в полон отвел в свою землю.

Прослезился Еруслан Лазаревич, выслушав старика, и нисколько не медля, поскакал в царство Данилы Белаго.

Было еще очень рано, как он приехал в столицу князя Данилы, поэтому на него никто не обратил внимания.

Где тут сидит князь Картаус? — спрашивает он у проходящих.

Ему указали.

Еруслан подъехал к башне, перебил всех стражей, сорвал замки у дверей и вошел в темницу.

— Здравствуйте, — сказал он, — государь Картаус и любезный родитель мой, Лазарь Лазаревич!

Князь Картаус и Лазарь Лазаревич отвечали ему:

— Мы голос твой слышим, а лица не ведаем, а потому и не знаем, кто ты такой.

— Я — Еруслан Лазаревич! — отвечал он.

Князь Картаус и Лазарь Лазаревич бросились обнимать его, а сами горько зарыдали.

Тут рассказали они ему, как томятся в темнице, и как князь Данила Белый лишил их всех зрения. «Только тот разве может возвратить нам глаза, — продолжали они, — кто съездит за тихия воды, за теплых моря, в Щетин град, к чародею по прозванию Огненный щит, Пламенное копье, и кто убьет его самаго и выпьет из него желчь и этой желчью помажет очи наши».

Выслушав князя Картауса и отца своего, Еруслан Лазаревич пришел в негодование, и в душе его закипело страшное мщение. Он готов был сию же минуту растерзать Данилу Белаго, но ему хотелось прежде возвратить пленникам зрение, и он, простившихся с ними, поскакал за спасительной желчью чародея.

Едет Еруслан Лазаревич путем-дорогою месяц, другой и третий, наехал на рать силу великую, всю побитую. Смотрит: что за чудо? Лежит живая богатырская голова, из стороны в сторону перекачивается. Удивляется Еруслан на величину ея и спрашивает:

— Скажи, кто ты такой, из какого царства и как зовут тебя?

— Я голова богатыря из Задонского царства, отца моего зовут Прохор, а меня Росланей. Рать, которую ты видишь здесь, побита мною, а принадлежала она чародею, по прозванию Огненный щит, Пламенное копье. Ну, а ты, Еруслан Лазаревич, куда путь держишь?

— Я еду, — отвечал он, — в Щетин град, к чародею Огненный щит, Пламенное копье. Мне нужна смерть его для облегчения участи князя Картауса и отца моего Лазаря Лазаревича, над которыми князь Данила Белый совершил неслыханное злодеяние: засадил их в темницу и выколол им глаза. И теперь только одна желчь чародея может возвратить им зрение.

— А когда так, Еруслан Лазаревич, — заговорила богатырская голова, — то вот тебе совет мой: как приедешь в Щетин город, и увидит тебя князь Огненный щит, Пламенное копье, тогда не допустив до себя, жечь и палить станет огнем, и если ты этот огонь выдержишь, то он станет спрашивать о причине твоего приезда. Ты отвечай ему, что желаешь поступить к нему на службу. Он велит тебе ехать с собою, и несколько дней ты послужи ему верой и правдой, а сам выбирай удобный случай поразить его. Знай, что его только может погубить один мой меч, на котором теперь покоится голова моя. Меч этот я, так и быть, отдам тебе; но за услугу и ты заплати мне услугой: как достанешь желчь чародея, заезжай опять сюда и помажь голову желчью, и я приму снова такой же вид, как был прежде.

Взял Еруслан меч из-под богатырь-головы, поблагодарил за совет и поскакал к городу Щетину. Увидел его тут князь Огненный щит, Пламенное копье, выехал в поле и начал жечь и палить. Еруслан слез с коня и замахал шлемом. Чародей перестал жечь и спрашивает его:

— Кто ты такой и откуда едешь?

Еруслан рассказал ему и стал проситься к нему на службу. Чародею очень понравилась его почтительность, и он с охотою согласился на просьбу его. Служит у него Еруслан Лазаревич день, два и три, служит он верою и правдою. Наконец, замечает, что чародей один в своих палатах, быстро вбегает к нему и разит его надвое мечом богатырь-головы. Тот так и замер на месте, не пикнув. Еруслан проворно достает желчь из трупа убитаго и, как вихрь, скачет из города.

Подъехав к богатырь-голове, Еруслан вынул из сумки желчь, помазал ею отрубленную голову, приложил ее к туловищу — и она тотчас же срослась. Росланей встал, как будто бы с ним и ничего не было. Побеседовали несколько времени богатыри и разстались. Росланей отправился в Задонское царство, а Еруслан в Далматское. Был вечер как он въехал в город, перебил стражу и сам пошел в темницу. Здесь вынул он из сумки своей желчь чародея, обмазал ею глаза князя Картауса потом отца своего и, к великой радости их, они все стали видеть и со слезами на глазах бросились обнимать Еруслана за возвращение им зрения.

Потом Еруслан Лазаревич бросился немедленно в терем князя Данилы Белаго, перебил всех, кто только преграждал дорогу ему, и схватив князя Данилу, повлек его в темницу, выколол глаза ему и крепко-накрепко приковал к стене. Пленников же всех освободил, а княжение Данилы Белаго передал Картаусу.

Все начали веселиться, пиры пошли за пирами. Один только Еруслан Лазаревич не разделял вполне удовольствий. Он скакал уже к владениям князя Вахрамея, у которого была дочь, прекрасная Анастасия. Близ города, в котором жил Вахрамей, было глубокое озеро, а в том озере жил великий змей о трех головах. Каждый день он выходит на берег и пожирает множество людей. Как ни старался князь Вахрамей сокрушить злого змея и сколько раз ни кликал он клича, — все напрасно: змей губил несчастных жителей, и князь Вахрамей очень сокрушался об участии своих подданных.

Узнал об этом кличе Еруслан и, как только приехал в город князя Вахрамея, взял он с собой доспехи рыцарские и отправился на озеро. Змей бросился, чтобы проглотить всадника, но Еруслан, не допустив его до себя, одним ударом меча отсек ему две головы и только что хотел рубить третью, как змей стал просить пощады. Еруслан Лазаревич однако же не сжался над ним, еще раз взмахнул мечом — и чудовище лежало на земле без дыхания.

Быстрее молнии разнеслась об этом весть по всему городу. Обрадованный князь Вахрамей со всеми вельможами своими вышел на встречу к Еруслану Лазаревичу, благодарил его за спасение жителей и, узнав, что он княжеского рода, пригласил его к себе в терем. Здесь встретила его дочь князя Вахрамея, прекрасная Анастасия. Еруслан, как взглянул на нее, так и обомлел от удивления: красоты она была неописанной! Князь Вахрамей, по слуху радостного события, задал пир на весь мир и предлагал Еруслану сокровища на выбор; но он от всего отказывался, просил только одного, чтобы он выдал за него в замужество дочь свою Анастасию. Князь Вахрамей очень рад был иметь у себя зятем богатыря и тотчас же благословил их на брачный союз, а потом, вскоре после свадьбы, передал Еруслану Лазаревичу свое княжество.

Страшный змей Горыныч

В тридесятом царстве, на самом краю земли и неба, жил царь, и у него был сын, которого он очень любил, потому что кроме его у царя детей не было. Все, что бы только ни пожелал царевич, было всегда исполняемо по его желанию. Царь любил забавлять сына, исполняя его желания; но при всей любви к нему царь был и строг; он очень не любил ослушников и казнил их смертию, при своей строгости за ослушание не щадил даже и любимого сына и наказывал его по всей строгости.

В одно время царевич, прогуливаясь в саду своего отца, подошел к башне, крепко сложенной из гранитного камня, с одним окном, заколоченным железными полосами в виде решетки. Подошедши к окну, царевич увидел через решетку седого старика, ростом не более как с аршин, с седою бородою, которую был он кругом обмотан, а еще конец волочился по земле. Он, увидавши царевича, протянул к нему руку и жалобно стал просить его, чтобы тот дал ему напиться. Царевич жаль стало старику, и он побежал к колодцу, почерпнул из него ковш воды и подал его старику, а сам отошел от окошка. Старик выпил воду одним духом и закричал:

— Прощай, Иван царевич, спасибо тебе, что дал ты мне напиться. Никогда я не забуду твоей добродетели и когда-нибудь заслужу тебе.

Сказав эти слова, он высоко поднялся на воздух и исчез за облаками. Иван царевич долго стоял с поднятою вверх головою и с разинутым ртом от удивления; наконец, видя, что старики пропал из виду, он пошел домой, не зная о своем горе, которое уже ожидало его в доме.

Царь, увидав из окна своего, как вылетел старики из крепкой темницы, в которую он был им посажен, тотчас приказал узнать, кто смел растворить темницу и выпустить старику.

Между тем как слуги царские отыскивали ослушника воли царской, Иван царевич вошел во дворец. Царь спросил его, не он ли отворил дверь красного дома, в котором заключен был старики. Иван царевич отвечал отцу своему, что он не отворял дверей, а только дал старику воды, и тот улетел. Царь, выслушав признание, ужасно вознегодовал на царевича и сказал ему:

— За то, что ты освободил старику от заключения, тебя стоило казнить смертию, но за твое чистое признание я выгоняю тебя из моего царства, — иди, куда хочешь, и не показывайся более мне на глаза.

Иван царевич, зная, что воля царская есть закон, не стал ничего говорить строгому отцу своему и покинул родную землю. Долго шел он дорогою, не зная сам — куда и, наконец, к вечеру одного дня пришел он в

великолепную столицу кашемирского государя; не думавши нимало, пошел во дворец к царю и стал проситься к нему в службу, обещаясь служить ему верою и правдою. Царь принял его в свои конюхи. Иван царевич стал жить у царя на конюшне, исправляя свою должность.

В одно время к царству, в котором жил Иван-царевич, подступило много войска царя кампийского, который требовал у кашемирского государя дочь его себе в замужество. Царь не отдавал и решился вести войну. В первый день сражения Иван царевич, не будучи в войске, пошел в поле, долго гулял он и, устав, сел под дерево. Вдруг откуда ни возьмись старичок, в аршин ростом и с саженною бородою, подошел к царевичу и стал низко кланяться; но видя, что Иван царевич ничего не говорит с ним, он начал сам:

— Здравствуй, Иван царевич, — сказал ему, — ты освободил меня из заключения, в котором, может быть, я находился бы и теперь; ты освободил меня, и за это я тебя не забуду; пойдем ко мне, я угощу тебя да и скажу тебе радостную весточку.

Иван царевич поблагодарил старика и пошел вслед за ним к его дому. Кончился час их ходьбы, и они подошли к полуразвалившейся хижине. Старик отворил дверь, вошел в хижину и втащил туда за собою царевича. Вошедши в избу, маленький старик посадил царевича за стол и велел своей младшей дочери (их у него было три) подать четверть ведра вина. Когда вино было подано, старик взял его и велел выпить царевичу одним духом. Царевич отнекивался, говоря, что он никак не может столько выпить, но старик опять стал принуждать его, и царевич, схватив кувшин с вином, осушил его разом.

— Молодец же ты, Иван царевич, — сказал старик, когда царевич выпил вино, — ну, вот теперь, — продолжал старик, — перебрось через голову этот камень в пятьсот пудов.

— Не поднять мне такого тяжелого камня, — сказал Иван царевич.

Но старик велел делать, что велят, и царевич, подошедши к камню, почувствовал в себе большую силу и, не думая ни мало, схватил камень за его край и как легкую палку перебросил через свою голову. Старик, увидевши, что царевич перебросил камень через голову, потрепал его по плечу и велел своей средней дочери подать полуведерный кувшин царевичу. Дочь исполнила приказание отца и подала кувшин царевичу. Иван царевич, не дожидаясь просьбы, выпил кувшин вина одним духом и вдруг почувствовал в себе ужасную силу. Ему еще хотелось перебросить этот камень через свою голову, и он подошел к нему, но старик удержал его руку и сказал ему:

— Нет, Иван царевич, не берись ты за пятисотпудовый камень, а вот возьмись за этот, что тянет тысячу пудов и ежели ты перебросишь его через свою голову, то ты будешь богатырь из богатырей.

Царевич тотчас подошел к тысячетупдовому камню и, схватив его за край, перекинул как легкое перо через свою голову. Старик подошел к царевичу, похвалил его богатырство и велел старшей дочери подать царевичу ведерный кувшин. Вино через минуту было подано царевичу, и он осушил ведерный кувшин одним духом. Когда Иван царевич поставил на землю пустой кувшин, то старик сказал ему:

— Иван царевич, подними ты этот камень, он весит полторы тысячи пудов.

Царевич, выслушав слова старика и почувствовав в себе неимоверную силу, схватил ужасный камень одною рукою и перебросил его через свою голову как перышко. Старик, увидев, что Иван царевич перебросил и этот камень, сказал ему:

— Иван царевич, будет теперь для тебя этой силы, ступай ты домой, и когда будет у тебя какая нужда, то приходи ко мне, и я тотчас тебе помогу.

Иван царевич поблагодарил старика за его милость и, распростишись с ним, пошел домой скрымы шагами. Пришедши ко двору царскому, он встретил своего конюшного старосту, который, увидев царевича, подошел к нему и начал бранить.

— Как ты смел, — кричал он царевичу, — отлучиться от дела! — и не дав ему произнести оправданий, ударил по щеке.

Не вытерпев обиды, Иван царевич, сжавши кулак, ударил им по голове своего старосту; удар пришелся крепок, и голова отделилась от туловища и отлетела за версту. Конюхи, стоявшие неподалеку от царевича и видя, что он убил их старосту, схватили его и представили царю.

— как ты мог сделать такое преступление? — спросил гневно царь и сильно топнул ногою.

Иван царевич, поклонившись, отвечал царю:

— Я убил старосту, не думая этого делать; он вперед ударил меня, и я отплатил ему тем же, хотя намеревался ударить тихонько.

Царь разспросил у очевидцев этого дела, точно ли Иван царевич говорит то, что было. Очевидцы подтвердили слова царевича, и царь, будучи от природы добр и милостив, простил царевича, дав ему наставление и приказание слушаться начальников и старших. По прошествии нескольких дней, после смерти старости неприятель, подступивший под стены города кашемирского государя, был им разбит на голову и со стыдом возвратился в свою страну.

Лишь только окончилась эта война, как вдруг в один день к кашемирскому государю явился стариk с медной головою, с железными руками и подал царю письмо, запечатанное тремя черными печатями. Царь разорвал конверт и, вынув из него письмо, начал читать. В письме было сказано, что водяной царь просит его дочь в замужество своему сыну, и если царь по истечении одного дня после получения письма не вышлет своей дочери на морской берег, то на берег явится трехглавый змей и пожрет весь народ, а самого его с его дочерью увлечет в подводное царство.

Царь, прочитав письмо, сказал посланному, что он готов исполнить предложение его государя и велел посланному старику отправляться к своему царю, а сам, собрав всех своих приближенных людей, стал их спрашивать, не могут ли они подумать чего-нибудь такого, чем бы можно было отделаться от наступающей бури. Долго думали советники царские и ничего не придумали лучше, как кликнуть клич, чтобы отыскался такой человек, который мог бы избавить царевну от несчастия. Клич был сделан, и отыскался один какой-то человек, который решился спасти царевну от змея, льстясь получить ея руку, по обещанию царя. Явившись к царю, он попросил у него сто человек вооруженных воинов и, предводительствуя ими, пошел к морскому берегу, где в избушке сидела царевна, дожидаясь своего горькаго конца. Пришедши с воинами и не видя змея, долго храбрился мнимый спаситель царевны, но лишь только змей высунул из воды свою голову, как храбрец закричал своим воинам:

— В лес! — и сам первый бросился в его густоту.

Между тем, Иван царевич, узнав о несчастии царевны, решился спасти ее и, пришедши к морю, вынул свой острый меч и бросился к змею. Долго ли продолжалось сражение, наконец, царевич взмахом своего меча прикончил водяного богатыря и, не вошедши в избушку, где сидела царевна, отправился домой.

Мнимый спаситель царевны, увидя погибшаго змея, вышел из лесу и, пришедши к царевне, сказал ей, чтобы она сказала отцу своему, что он спас ее от смерти, а не Иван царевич. Боясь угроз злого хвастуна, по прибытии своем во дворец, она сказала царю, что ее спас от смерти этот человек, а не Иван царевич. Царь обласкал его, наделил своею казною и уже хотел приготовляться к свадебному пиру, но царевна сказала ему:

— Государь мой батюшка, отложи немнога мою свадьбу, потому что я не совсем здорова от такого ужаснаго страха, какой навел на меня этот ужасный змей.

Царь не смел противоречить своей дочери и готов был ждать целый год. Свадьба была отложена на месяц.

Только в один день к царю пришел во дворец старичок, голова у него была медная, руки железные и свинцовая борода. Он поклонился царю и подал ему пакет, запечатанный шестью печатями. Царь принял пакет и, сорвав печати, вынул из него письмо, в котором было написано, чтобы он выслал царевну на морской берег, а ежели не вышлет, то выйдет из моря шестиглавый змей и пожрет весь народ кашемирского царства, с ним вместе и самого его.

Царь, прочитав письмо, не знал на что ему решиться и, не придумав ни одной важной мысли, велел посланному отправиться в обратный путь и сказать своему царю, что кашемирский государь на все согласен и вышлет ему царевну через три дня. Посланный удалился, а царь, собрав своих главных думных вельмож, объявил им о своем несчастии, прося их совета о помощи. Подумавши несколько времени, они сказали царю:

— Надо просить прежняго избавителя царевны, чтобы он вторично спас свою невесту.

Поблагодарив их за совет, царь приказал позвать в свой дворец нареченаго своего зятя. Тот не замедлил явиться и, поклонившись царю, спросил его, зачем он нужен. Царь объявил ему о дерзком требовании и

просил его избавить царевну от несчастия, обещая ему после ея избавления непременно праздновать свадьбу, а в приданое полцарства своего.

Мнимый спаситель царевны, хотя и не был рад предложению царя, потому что он уж в этот раз не надеялся чужими руками загрести жар, но делать было нечего, и он согласился. Взявши с собой несколько воинов, в назначенный день он с ними отправился к морю. Пришедши туда, он вошел в старую избушку, где уже сидела царевна, и сказал ей, чтоб она, если явится прежний избавитель и таким же манером уйдет, не показавшись, то чтобы она, возвратясь во дворец свой, сказала царю, что спас ее от смерти он и его воины, а иначе он грозился бросить ее в море на съедение страшному змею. Царевна, испугавшись угроз такого обманщика, обещала его умолчать перед царем об истине.

Получив обещание царевны, мнимый защитник ея вышел от нея и велел своим воинам приблизиться к лесу, чтобы, в случае появления змея, можно было дать тягу. Воины тотчас стали приближаться к лесу и лишь только приблизились к нему, как вдруг ужасное море начало бушевать и пениться, а вслед за тем через минуту вылез из моря ужасный шестиглавый змей и, вышедши на берег, стал приближаться к жилищу царевны. Трусливый хвастун убежал в глубину леса, а за ним и воины, покинув царевну на произвол судьбы.

Змей был уже близко около ея жилища, готовый схватить самую царевну; но Иван царевич не дремал: он знал в какие часы царевна будет на морском берегу и, опоясавшись мечом, пошел к жилищу в то время, когда змей подошел к избушке царевны и отворил уже дверь избушки. Иван царевич налетел на него, и между тем змеем и царевичем завязалось страшное сражение. Много раз змей покушался налететь на царевича и проглотить его, но царевич каждый раз срубал ему по голове, и змей, заливаясь своею кровию, с каждой минутою ослабевал. Соскучась долгою дракою, царевич, улучив минуту, бросился на змея со всею яростию и разрубил его пополам. Покончивши битву, он схватил туловище змея и его головы. Распростясь с царевною, вышел он из избы и, положив туловище змея под камень, в котором было более тысячи пудов, отправился домой.

Видя все это происшествие, мнимый защитник царевны, скликав свое войско и взявши царевну, повторил ей прежния слова и отправился к царю. Царь нескованно радовался спасению своей дочери и назначил через неделю свадьбу.

На третий день после победы Ивана царевича явился во дворец к царю старичок с медною головою, железными руками и серебряною бородою. Он поклонился царю и подал пакет, запечатанный девятью печатями. Царь с трепетом сорвал печати и, вынув из пакета письмо, прочел в нем следующее:

«Царь кашемирского народа! Приказываю тебе: пришли завтрашний день на морской берег дочь свою, а если ты этого не сделаешь, то послан будет в тот день змей с девятью головами, и он пожрет весь твой народ и самого тебя. Прошай, будь здоров и долголетен». Внизу было подписано: «Водяного государства Боскал-Дау».

Прочитав письмо, царь сказал посланному, чтобы он воротился к своему государю и объявил ему, что он согласен на его предложение. Отпустив посланного, сам созвал своих приближенных и подал им письмо. Прочитав его, думные люди царские, подумавши немного, присоветовали царю послать на морской берег свою дочь и нареченного зятя, чтоб он мог защищать царевну от ужасного змея. Царь, выслушав предложение своих министров, объявил нареченному зятю свою волю.

С стесненным сердцем и ужасным страхом отправился нареченный зять царя с солдатами на морской берег и, пришедши туда, по-прежнему скрылся с ротою воинов в чаще леса, откуда модно было видеть, что делается на море. Прошло несколько минут, как он спрятался в кусты со своими воинами, вдруг ужасно заклубилось море и, запенившись, бросалось с яростию на берег, готовое поглотить весь берег и самый город. Потом из моря выплыл девятиглавый змей и подполз к дверям избушки, в которой сидела царевна. Вдруг откуда ни взялся Иван царевич, наскочил на страшное чудовище и ударом своего меча отрубил ему все головы. Обезглавленный труп змея засился своею кровию, а Иван царевич взял его головы и самое туловище, отнес от избушки на несколько шагов и навалил на него тысячепудовый камень. Сделавши все это, он пошел обратно в свой путь; а хвастунишка, увидя это, взял царевну из избушки и отправился с нею к царю.

Царь не знал что делать от радости и на другой день готов был праздновать свадьбу своей дочери, но царевна подошла к своему отцу и сказала ему:

— Государь мой батюшка! Не этот человек спасал меня от смерти, а другой.

Тут царевна все рассказала своему отцу о Иване царевиче и хвастуне. Царь не знал что ему делать —

верить ли словам дочери или нет; но царевна повторила ему, что спас ее от смерти Иван царевич, и просила своего отца, чтобы он позволил ему к нему явиться. Царь согласился на просьбу своей дочери и велел позвать Ивана царевича. Когда Иван царевич явился к царю, то царь просил его разсказать ему, как спас он царевну от смерти. Иван царевич в коротких словах рассказал царю, как он побил трех змеев.

Царь, выслушав все, обнял Ивана царевича, посадил с собою рядом и просил разсказать ему, чей он сын и где живут его родители. Не стал скрывать своего звания Иван царевич: рассказал царю, кто он и кто его родители.

— Хочешь ли ты быть моим зятем?

Иван царевич не знал что делать от радости и открыл царю, что он давно уже пытал сильною любовью к царевне. После того дня прошло еще два, и царь затеял свадебный пир. Великолепные кареты были приготовлены для жениха и невесты, и тысячи народа пошли за ними в храм. После обряда начался пир. Весь народ веселился и кричал ура! Все веселились, кроме мнимаго победителя над змеями. Он один не веселился. Царь при всем народе ужасно срамил хвастуна и велел ему выехать в этот день из города и более в него не являться. Кончился пир и веселье. Царевич вместе с царевною отправились к своему отцу. Царь принял сына и дочь с распростертыми объятиями и велел задать великий пир. Отправив пир у своего отца, царевич простился с ним и отправился в обратный путь в царство своего тестя, где стал жить счастливо с царицею, а по смерти своего тестя наследовал его престол и мирно и мудро правил государством до дня своей смерти.

Сказка о некоем башмачнике и слуге его Притычине

В некоем царстве, в некоем государстве жил был славный и именитой князь Мистафор Скурлатович, у которого был слуга по имени Горя, сын Кручинин. Мистафор Скурлатович отдал его к искусному мастеру учиться башмачной науке с тем договором, чтобы он в сей науке был первой противу всех мастеров и лучше и искуснее. И так Горя учился несколько лет и выучился так хорошо, что шил башмаки не в образец лучше своего мастера. Тогда Мистафор Скурлатович взял его в дом свой и заставил на себя шить башмаки, и он сшил дюжин двадцать башмаков, однако барину его Мистафору Скурлатовичу ни одна пара не показалась, за что бил он его немилосердно и от тех побоев башмачник Горя Кручинин чуть с ума не рехнулся и от печали захворал гораздо плотно, и был болен недель с десяток; а как стал обмогаться и начал мало по малу бродить, тогда Мистафор Скурлатович опять заставил Горю Кручинина башмаки на себя шить; но когда он несколько пар сшил и принес к нему примеривать, то не показалась ему ни одна пара. Тогда Скурлатович бросил теми башмаками ему в голову и разбил ему всю рожу до крови; а Горя Кручинин, имея у себя алтын денег, пошел в кабак, выговоря сии слова: хоть бы чорт меня от такого барина избавил. Вдруг предстал к нему незнакомый человек и сказал: о чем ты добрый молодец горюешь? На то ему башмачник Горя ответствовал: как мне доброму молодцу не кручиниться! Барин мой как злой пес лих, ты видишь, как он меня сегодня пощипал; а недель за десять пуще этого еще меня бил. Незнакомый спросил его: за что он тебя так бил? На то Горя ему говорил: учился я башмачной науке и выучился лучше своего мастера и начал шить башмаки на своего барина; однако сколько ни шил, не мог попасть на его обычай, и вместо того, чтобы сказать спасибо, все бьет меня немилосердно, как ты и сам видишь, что у меня рожа вся избита. На то незнакомый стал ему говорить: я знаю твоего господина довольно, надобно тебя от него избавить, и ежели ты хочешь, то я сделаю тебя счастливым человеком и женю тебя на Мистафоровой дочери вместо того князя, за которого уже она совсатана. Что ты вздурился что ли? — сказал ему Горя, — что такой самбур городишь: вить это нестаточное дело! Поверь мне, сказал ему незнакомый, что я это все могу сделать. Но башмачник усумнился, солвил: сколько брат ты ни болтай, а я этому не поверю. Ну! Так я тебя уверю, что все это могу сделать; и потом велел ему зажмуриться и повернуться против солнца и ступить два шага назад. Когда все это Горя исполнил, то велел он ему посмотреть на себя. Горя весьма удивился, видя себя в драгоценном наряде и сказал: никак ты черт в человеческом образе? Конечно, я чорт, потому что ты меня звал, я по твоему зову тебе явился и хочу тебе услужить и женить тебя на Мистафоровой дочери. Да как это можно, говорит ему Горя? Вить меня там все знают; да и собака может узнать. А сей ему сказал: нет, не правда, никто тебя не узнает, и ты будешь в образе того князя Дардавана, за которого Мистафорова дочь Догада сговорена и обручена. Хорошо и весьма бы хорошо, если б сделалось, как ты мне говоришь, сказал ему Горя. Уж будет так, когда я тебе говорю. И еще приказал ему отступить три шага зажмурившись и после открыть глаза. Тогда увидел Горя пред собою палаты белокаменные огромныя и весьма тому удивляясь, от чего сие так скоро явилось, со изумлением вскричал: ты и в правду чорт, а не человек, что вторишь такия великия мудрости. Я тебе говорю правду, а не обманываю, ответствовал ему незнакомый, и теперь дарую тебе эти каменные палаты, а сам буду тебе

верным слугою; называй ты меня Притыкиным. После чего слуга сей повел новаго своего господина Горю башмачника на широкий двор, и увидел там башмачник Горя великое множество слуг, лошадей, карет и всего в великом убранстве, и те слуги ему поклонялись, яко князю, и музыканты заиграли на разных инструментах; а как музыка играть перестала, тогда башмачник Горя пошел в палаты белокаменные и увидел накрытый стол с разными кушаньями, и сел он за тот стол, напился и наелся порядочно, и жил он в том доме несколько времени, как какой знатный вельможа. В то время князь Дардаван, обручившись с своею невестою Догадою уехал в иной город за своими нуждами, а верный слуга Притыкин почел сие время за доброй случай женить башмачника Горя на Догаде, и для того пришел к своему господину башмачнику, сказал ему: теперь надобно сделать чтобы Митрофан признал тебя за князя Дардавана, и сказав сие, вышел пред палаты белокаменные и построил против самых палат лагерь великий и велел играть всем музыкантам вдруг. Когда музыка заиграла, услышал Митрофан Скурлатович разные приятные голоса и помыслил в себе, что конечно князь Дардаван приехал, и послал тотчас о том проведать. Известившись и в самом деле от тамошних людей, что мнимый князь Дардаван сам приехал, послал к нему много знаменитых людей звать к себе на пир вселюбезнаго зятя своего князя Дардавана. Послы Мистафоровы, пришед к башмачнику Горю, кланялись ему униженно и просили его именем своего князя Мистафора Скурлатовича, чтоб пожаловал к нему на пир погостить.

Башмачник Горя им отвечал: подите вы и донесите Мистафору Скурлатовичу, что я за вами же скоро к нему буду; посланные все, поклоняясь низко башмачнику Горю, предстали пред князя своего Мистафора и рассказали, что от мнимаго царевича Дардавана слышали и что видели у него. По отшествии Мистафоровых посланцев слуга Притыкин пришел к башмачнику Горю и говорит ему: ну, теперь тебе надобно ехать к Мистафору; да слушай же, что я тебе буду наказывать: когда ты приедешь на двор к Мистафору и слезешь с своего доброго коня, то ты коня своего не привязывай и никому держать не приказывай, а только кашляни сильнее и топни ногою о пол, сколь есть мочи; а вошедшши в покой, садись на стул, которой под первым номером; в вечеру же когда тебя станут унимать ночевать, останься, и как тебе постелют постель, то ты на нее не ложись, потому что князь Дардаван всегда сыпал на своей постеле, которая тяжестью была во сто пуд; я тебе ту постель пришлю, а если и призамешкаюсь, то ты ударь меня за то по роже при Мистафоре и при его дочере; когда же приляжешь в постель и подадут тебе множество свеч, то ты им скажи, чтоб они те свечи взяли, а вели мне принесть камень, которой князь Дардаван всегда ночью на стол кладывал, и я тебе тот камень достану; и ежели ночью положишь тот камень на стол, то от него свет лучше, нежели от тысячи свеч будет. Башмачник Горя, выслушавши такия речи от слуги своего Притыкина, обещался все то исполнить, и вышел Горя на широкий двор, а слуга его Притыкин подвел ему оседланного коня. Башмачник горя сел на того коня, а Притыкин на другаго, и поехали к Мистафору Скурлатовичу, и приехавши к нему на широкий двор, Мистафор Скурлатович вышел встречать своего вселюбезнаго зятя, мнимаго князя Дардавана, а башмачник Горя слез тогда с своего доброго коня, и ни к чему его не привязывает и никому его взять не приказывает, а только кашлянул громко и топнул ногою о пол что есть поры — мочи; конь стал на одном месте, как вкопаной. Потом вошел Горя в покой, Богу помолился, на все четыре стороны поклонился, с хозяином поцеловался и сел в передний угол на стул под первым номером. Мистафор пошел к своей дочери Догаде и сказал ей, чтоб она вышла и помиловалась бы с своим обрученным женихом, с князем Дардаваном, а как Догада была хитра и мудрена, то и отвечала на отцу своему: Милостивый государь мой батюшка Мистафор Скурлатович! Вить это не князь Дардаван, а это башмачник наш Горя Кручинин. Никак ты вздурилась сказал ей Мистафор! Вить я и прежде князя Дардавана в лицо видел и знаю, так и это тот же самой, а не башмачник Горя. Хорошо, Государь! Сказала Догада, я к нему пойду и поклонюсь, однако примечайте вы и помните, что это не князь Дардаван, а башмачник Горя в его образе, и приметьте вот по чему: когда мы сядем за стол кушать, то велите подать хлеба белаго и чернаго, и ежели этот гость примется резать черной хлеб, то он не князь Дардаван, а башмачник Горя Кручинин, ибо князь Дардаван всегда резал прежде белой хлеб. Хорошо! Я это посмотрю, сказал ей Мистафор. Тогда Мистафор Скурлатович просит башмачника Горя за стол кушать, и когда они сели, и подали хлеба белаго и чернаго, башмачник Горя принялся за хлеб и начал резать прежде черной хлеб, а не белой, что Мистафор и Догада приметили. И Мистафор начал его спрашивать: Почтеннейший и любезнейший мой дорогой зять, князь Дардаван, для чего сего числа изволит милость ваша резать прежде черной хлеб, а не белой. Услышав сие, слуга Притыкин предстал невидимо и шепнул на ухо башмачнику Горю следующия слова: скажи ты Мистафору на сей вопрос, что батюшка твой, садясь за стол, всегда кормил прежде бедных людей, подавая каждому кусок хлеба, и вместо соли сыпал золотую казну, и когда ты сии речи выговоришь, то вели мне подать золотой казны мешок. Мнимой царевич Дардаван те же самия слова Мистафору пересказавши и нарезавши чернаго хлеба, закричал слуге своему Притыкину, чтоб он принес ему золотой казны мешок. Проворной Притыкин тотчас принес казны золотой мешок, взятой им, или, так сказать, уварованной из Мистафоровой кладовой, а Горя приказал ему собрать сбираще нищих. Слуга побежал и привел тотчас с собой великое множество бедных, а башмачник Горя начал раздавать им хлеб, посыпая на всякой ломоть золотой казны, и разделавши весь хлеб и золотую казну, стал сам обедать. После обеда Мистафор говорил своей дочери: вот ты говорила, что это не князь Дардаван, теперь саамам скажешь, что это он; нет, батюшка, отвечала Догада, это не князь Дардаван, а башмачник наш Горя Кручинин! Ты право ума рехнулась, сказал ей на то Мистафор; я чаю, что уже башмачника Горю

Кручинина давно чорт взял. А вот я докажу, что это точно не он, сказала Догада; ежели вы уймете его у себя ночевать, то прикажите послать ему свою постель, и ежели он на ту постель ляжет, так это не князь Дардаван, а башмачник Горя. Когда пришел вечер и уже было поздно, Мистафор велел для башмачника послать добрую свою постель, и как постель постлали, то Мистафор сказал мнимому царевичу, чтоб он удалился для покоя в наступающую ночь. Горя, вошед в спальню и увида, что это не та постель, про которую ему сказывал слуга его Притычкин, тотчас, как будто с великим сердцем, кликнул Притычкina и ударил его в рожу, весьма плотно, говоря: резвее ты бездельник того не знаешь, что я здесь буду ночевать, для чего ты не приготовил мне своей постели, вить ты ведаешь, что я всегда сплю на своей стопудовой постели, ступай скорее и принеси сюда постель. Притычкин побежал опрометью и принес стопудовую постель, которую украл он у князя Дардавана. Башмачник Горя разделялся и лег на постель, а огада велела нарочно зажечь множество свечей и отнести в его спальню; однако Горя не промах, прогнал их всех и со свечами, сказав им: у меня и без ваших свечей свету довольно, и велел Притычкину подать камень, которой ему того же времени и принесен; ибо он и камень тот светозарной украл вместе с постелью у князя Дардавана. Горя положил тот камень на стол и лег спать и от того камня такой сделался великий свет, что и Боже упаси, пуще зарева воссиял. Среди же самой глухой ночи Догада послала к башмачнику Горе в спальню одну свою служанку и велела ей украсть тот светозарной камень со стола. Лишь только вошла служанка в спальню и хотела взять тот камень, то вдруг слуга Притычкин, который тогда лежал возле дверей, вскочив, сказал ей: не стыдно ли тебе девица красная воровать у будущаго твоего господина? За то должна ты теперь оставить мне заклад, он снял с той служанки юбку, телогрею, да третий платок, и так ее от себя отпустил. Служанка, пришед к своей госпоже Догаде, рассказала все происшествие; однако Догада не унялась, и чрез час времени, думая, что башмачник Горя и его слуга Притычкин спят, послала другую девку украсть камень; когда и та вошла в спальню, то Притычкин и с нею равно же поступил, сняв с нее юбку, телогрею и платок с головы и отпустил. После того еще через час времени Догада, думая что уже конечно они заснули, вздумала сама пойти и украсть камень; но лишь только что вошла в спальню к башмачнику Горе и принялась за камень, то Притычкин тотчас вскочив, схватил ее и сказал: как не стыдно вашей честной милости творить такия пакости, вить это не довлеет честнейшаго отца дочери, чтоб вступать в такое дело, и за то прекраснейшая княжна прошу оставить заклад; по сказанному, как по писанному, Притычкин, сняв с нее юбку, телогрею и с головы платок, отпустил от себя Догаду со стыдом и сожалением. На другой день по утру Притычкин рассказал ему, что ночью происходило и советовал Горе башмачнику, когда пойдет он к Мистафору, и Мистафор начнет ему загадывать загадку, то бы он ему отвечал: я не отгадываю загадок, а сам загадываю, и тгда загадай Мистафору следующую загадку: «гуляя я в ваших зеленых лугах, и поймав три козы, снял с них по три кожи». Когда Мистафор о том усомнится и станет говорить, что нельзя статься, чтобы на козе было три кожи, тогда кликни меня и вели подать те кожи.

Башмачник Горя, выслушав слуги своего Притычкина новое наставление, пошел к Мистафору, а Мистафор начал загадывать ему загадки; Горя на то ему сказал: я не отгадываю загадок, а сам загадываю, и говорил ему: «гуляя я в ваших зеленых лугах, и поймав три козы, снял с них девять кожи». Мистафор весьма усомнился и сказал: этому нельзя статься, чтоб на каждой козе было по три кожи. Конечно это так и точно это правда, сказал башмачник горя, и позвав Притычкина велел ему принесть те кожи, которыя он снял с трех коз: слуга вскоре потом принес к нему оныя. Мистафор, увидев платье дочери своей, очень огорчился и распалился на нее сердцем своим и спрашивал мнимаго царевича, как попалось к нему Догадино платье? Башмачник рассказал ему, как все происходило, и Мистафор, разгневавшись на свою дочь, после ей сказал: вот ты мне говорила, что это не князь Дардаван, а башмачник Горя Кручинин, и так не хочу я теперь больше терпеть, чтоб мешкать твоим замужеством; ты сей же день готовься к венцу. И таким образом в тот же самой день Горя женился на Догаде. По нескользком времени после свадьбы, слуга Притычкин, пришед к башмачнику Горе, сказал ему: ну! Теперь я довольно сделал тебя счастливым, то сделай же и ты для меня то, о чем я тебя попрошу. В саду вашем есть пруд, и в том пруду жил прежде я, и мыла в том пруду девка платье и уронила с себя кольцо и меня из пруда того выжила; вели ты из того пруда воду вычерпать и тот пруд вычистить, и чтобы там кто не нашел, вели к себе приносить, и когда найдется, то вели опять в пруд впустить чистую воду и состроить шлюпку и поезжай на той шлюпке кататься по тому пруду, вместе с твою женою и со мною; а я тогда брошусь в воду, хотя жена твоя и закричит: ах! Слуга Притычкин утонул: но тогда скажи ты ей: чорт его возьми. Башмачник горя, выслушав от слуги Притычкина такия речи, велел в саду пруд выслушить и чистить, и велел также, что кто в том пруде найдет, приносить к себе, и как тот пруд стали чистить, то мальчик нашел там кольцо, которое и принес к башмачнику Горе, а башмачник Горя велел в пруд воду впустить и состроить шлюпку, и как все то готово сделано было, сел он с своею женою и с слугою Притычким в шлюпку и катался по тому пруду; слуга же Притычкин вдруг бросился в воду, а Догада закричала: ах! Слуга Притычкин утонул; тогда башмачник Горя сказал: чорт его возьми, мне он больше не надобен. Князь же Дардаван, настоящий обрученный жених Догадин, послан был на сражение, где был убит, а башмачник Горя Кручинин стал называться его именем, и жил с Догадою множество лет в великой радости и благополучии, забыв свою прежнюю несчастную судьбу.

Загадки

Без лица в личине

Поймал я коровку В темных лесах; Повел я коровку Мимо Лобкова, Мимо Бровкова, Мимо Глазкова, Мимо Носкова, Мимо Щечкова, Мимо Ушкова, Мимо Роткова, Мимо Губкова, Мимо Ускова, Мимо Бородкова, Мимо Шейкова, Мимо Грудкова, Мимо Ручкова, Мимо Плечкова, Мимо Пояскова, Привел я коровку На Ноготково. Тут я коровку И стал принимать.

1.

Барин ездил мимо кузницы, и все видят, что кузнец кует день и ночь; он и спрашивает: что ты кузнец все куешь, куда деньги девать будешь? — А я, барин, первую долю — долг плачу, вторую долю — в долг даю, третью долю — в воду рою, а четверту долю — сам воспитываюсь.

Отгадка

Первая доля — отца и мать кормлю; Вторая доля — сына рощу; Третья доля — дочь кручу (замуж отдаю); Четвертая доля — себя содержу.

2.

Мужик пошел в лес, В лес идет Домой гладит: Из лесу идет - Домой глядит. (Топор).

3.

Кланяется, кланяется: Придет домой — растянется. (Топор)

4.

Сухой Мартын Далеко плюет. (Ружье)

5.

Скоро ест, Мелко жует, Сама не глотает, Другой сыт бывает. (Пила)

6.

На улице горбушка В избе ломоток. (Бревно)

7.

Черный кочет Рявкнуть хочет. (Ружье)

8.

Сама самоделка Сама сделалася Без топора Без клина Без ножичка (Щель в бревне)

9.

Вкруг поля хожу, В одну жердь колочу. (Набивка обручей)

10.

Что в избе самодиется? (Щель в бревне)

11.

Два конца, Два кольца, А в середине гвоздик. (Ножницы)

12.

Дудка — дуга, На дудке дыра; Дуда затрещит, Собака бежит. (Ружье)

13.

Цепь за цепь, Конец за печь (Щель в бревне)

14.

Сидит баба на юру, Ноги свесила в реку. (Мельница)

15.

Заплачу заплатку Без иглы, без ниток. (Замазка щели)

16.

Синенька, маленька, По городу скачет, Всех людей красит. (Иголка)

17.

Летит орел, Во рту огонь, По конец хвоста Человечья смерть. (Ружье)

18.

На окошке пятак, Никому его не взять: Ни попам, Ни дьякам, Ни гороховикам. (Сучок)

19.

Идет свинья из болота, Вся испорота. (Бредни)

20.

Лежит брус Во всю Русь, В том брусе Двенадцать гнезд В каждом гнезде По двенадцати яиц; В каждом яйце По двенадцати цыплят. (Матица)

21.

Летит ворон, Нос окован: Где ткнет, Руда канет. (Ружье)

22.

В лесу вырос, На стене вывис, На руках плачет, Кто слушает — скачет. (Гудок)

23.

Выше леса, А тоньше колоса. (Ветер)

24.

Сорок братан, На одном сголовке спят. (Накат на матице)

25.

Бесмертная черная овечка Вся в огне горит. (Ночь)

26.

В поле, полище Несут голенище В этом голенище: Деготь, леготь И смерть недалече. (Ружье)

27.

Стоит сад, В саду 12 гряд, На грядах по 4 бороздки, На бороздке по семи кочней. (Год)

28.

Сорок братцев На одной подушке лежатю (Накат на матице)

29.

На горе, горище Лежит голенище: В том голенище Деготь, леготь, И смерть не далеко (Ружье на плече)

30.

Стучит, гремит, вертится, Ходит весь век, А не человек (Часы)

31.

Дарья да Марья Часто видятся А не обоймутся. (Пол и потолок)

32.

Летит птица тонка, Перья красны Да желты, На конце ея Человечья смерть. (Ружье, выстрел)

33.

Скатерть бела, Весь свет одела. (Снег)

34.

Без крыл летит. (Ветер)

35.

Без ног бежит. (Туча)

36.

Без огня горит. (Солнце)

37.

Без ран болит. (Сердце)

38.

Летела сова Из красна села, Села сова На четыре столба. (Выстрел)

39.

Много соседей Рядом век живут А никогда не видятся. (Окна)

40.

Вечером на земь слетает, Ночь на земле пребывает, Утром опять улетает. (Роса)

41.

В печурке Три чурки Три гуся, Три утки, Три яблочка. (Ружейный заряд)

42.

Блюдо оловянно, Края деревяны. (Оконные рамы)

43.

Ударю я булатом По белым каменным палатам, Выйдет княжня, И сядет на пуховую перину. (Огниво, кремень,

трут, искра)

44.

Летела тетеря, Вечером не теперя, Упала в лебеду - И теперь не найду. (Пуля)

45.

Вокруг избушки Все поползушки. (Ставни)

46.

Ни в огне не горит, Ни в воде не тонет. (Лед)

47.

Ноги каменны, Голова деревянная, А сам в шабуре. И ходит в воде. (Недотка, мережа)

48.

Есть дерево: Крик унимает, Свет наставляет, Больных исцеляет. (Береза: она дает деготь, лучину и бересту)

49.

Висит, болтается, К ночи в дырочку спускается. (Болт)

50.

Двор дыроват Люди говорят, А выйти не велят. (Морда)

51.

Под ярусом, ярусом, Висит зипун С гарусом. (Рябина)

52.

Двое ходят, Двое бродят. Двое сойдутся, Приобоймутся, Поцалуются. (Двери)

53.

Ехал не конем, Погонял не кнутом, Жег не палку, Угодил не в галку Сварил Не оттеребил. (На лучину рыбачить)

54.

Сидит девица В темной темнице, Коса на улице. (Морковь)

55.

Пришли воры (Рыбаки) Хозяев украли (Рыбу) А дом в окошки ушел. (Вода в ячейки невода)

56.

Ходит без ног, Держит без рук; Кто идет Тот за ворот берет. (Дверь)

57.

Пошел по тух-тухту, Взял с собой тав-тавту; Нашел я на храп тахту. (Пошел за лошадью, взял с собой собаку, а нашел на медведицу).

58.

Сам алый сахарный, Кафтан зеленый, бархатный. (Арбуз)

59.

Узелок Кузьма Развязать нельзя Имячко хорошо: Алексеем зовут.

60.

Семьдесят одежек, А все без застежек. (Качан)

61.

Шел я По тюх-тюхту Нашел я Валюх-тюхту Кабы это Не валюх-тюхта Так бы съела Меня тюх-тюхта. (Мужик, топор и медведь)

62.

Под дубком (Под кустиком, кустом), Свилась клубком, Да и с хвостиком. (Репа)

63.

Тычу, потычу Ночью не вижу, Дай-ка невестка Днем попытаю. (Замок и ключ)

64.

В лесу выросло, Из лесу вынесли, На руках плачет, А на полу скачут. (Балалайка)

65.

Свет-цветочек В сырь землю зашел, Синю шапку нашел. (Лен)

66.

Лежит Химка на полу, У ней дырка на боку. Подошел Тимошка Попробовал немножко. (Замок и ключ)

67.

В лесу-то тяп-тяп, Дома-то ляп-ляп, На колена возьмешь — заплачет. (Балалайка)

68.

На кургане-варгане Стоит курочка С серьгами. (Овес)

69.

Дуб дыроват В дубу ядра говорят. (Жилая изба)

70.

На поле Ногайском На рубеже Татарском Стоят столбы точеныe Головки золоченые. (Рожь)

71.

По сторону белец, По другую белец; По середки чернец. (Печь, чело и очелыш).

72.

Баба-яга, вилами нога: Весь мир кормит, Сама голодна. (Соха)

73.

На море на коробанском, Много скота тараканского Один пастух королецкий. (Звезды и месяц)

74.

Два белеца Ведут чернца. (Печь, чело и очелыш)

75.

Поле маленько, Распахано гладенько Не сохой, не бороной – Чертовой бородой. (Под и помело)

76.

Худая рогожа Все поле покрыла. (Борона)

77.

Широко поле каракайское, На нем много Скота тараканского, Один пастух, Ровно ягодка. (Звезды и месяц)

78.

Сидит баба на печке В белой епанечке. (Печная труба)

79.

День и ночь торчит Одно утро спит. (Заслон)

80.

Раскину я рогожку, Насыплю горошку, Поставлю квасу кадушку, Положу хлеба краюшку. (Звезды, месяц и дождик)

81.

Потату потаты, Такату такаты – А яички ворохом несутся. (Цеп, молотьба и зерно)

82.

Бабушка Софья День и ночь сохнет: Утро придет Она вон уйдет. (Заслон)

83.

Щука ныряет, Весь лес валяет Горы ставит. (Коса)

84.

Сидит баба на пече В белой епанче. (Печная труба)

85.

Поле водочное Огород кожаный, Овцы аржанских, Пастух ухарский. (Небо, земля, лес, леший)

86.

Мать грузна, Дочь красна, Сын легче перушка. (Печь, огонь и дым)

87.

Сколько до неба высоко. По земле широко, До мертвых далеко? (Если б высоко – То там бы гремело, А здесь бы не слыхать было; Если бы широко – То солнышко в семичасовой день Не обошло бы кругом; А умер отец и дед – Так их и нет).

88.

Белая балянка По полю ходила, Домой пришла, Под сарай легла. (Коса)

89.

Рот до ушей, Хоть завязочки пришней. (Мялка)

90.

Мать толста, Дочь красна, Сын синь, Под небеса ушел. (Печь, огонь и дым).

91.

Красная девушка По небу ходит. (Солнце)

92.

Кумово мотовило Под небеса уходило. (Дым)

93.

Поле не меряно, Овцы не считаны, Пастух рогатый. (Звезды и месяц)

94.

Седой стариk Кусковьем набит... (Овин)

95.

Стоит ларчик Средь избы В ларчике есть плат В плате золото. (Изба, печь, чело, жар)

96.

Погляжу в окошко, Стоит репы лукошко. Выгляну в окошко - Полно репы лукошко. (Небо и звезды)

97.

Батюшка — татер, Матушка — ладья, Сынки — хватки, Дочушки — полизушки. (Овин, ладонь, цеп, метла).

98.

Старая Варвара Да сухой Матвей Привязался к ней И теперь у ней. (Печь и голбец)

99.

Вся дорожка Осыпана горошком. (Звезды на небе)

100.

Ниже верху, Выше печи Преет плечи. (Полати)

101.

Разсыпался костер, Никому не собрать: Ни попам, Ни дьякам, Ни серебренникам. (Щепанье лучины).

102.

Криво, лукаво, Куда побежало? Зелено, кудряво, Тебя стерегу. (Городьба и озимь)

103.

Стоит Ермошка На одной ножке, Крошит крошонки Ни себе, ни жене, Ни добрым людям. (Светец)

104.

Весь мир подпоясан, Один староста распоясан. (Снопы и овин)

105.

Шли козлы по мосту, Увидели зорю. Попрятались в воду. (Звезды)

106.

Режут меня, Вяжут меня, Бьют нещадно, Колесуют — пройду Огонь и воду, И конец мой - Нож и зубы. (Хлеб)

107.

Стоит Тимошка На одной ножке, Крошенину крошит. (Светец)

108.

По утру с сажень, В полдень С пядень А к вечеру Через поле хватает. (Тень)

109.

Большой брат Меньшаго не догонит. (Колеса)

110.

Красненький котик По шестику ходит. (Горящая лучина)

111.

Побегушки бегут, Поползушки ползут. (Сани едут)

112.

Мету, мету, Не вымету, Несу, несу, Не вынесу. Пора придет, Сама уйдет. (Тень)

113.

Утром смеется, А вечером слезы текут. (Свеча)

114.

Стоит город, В городу 12 башен, Из каждой башни По 4 окошка, Из каждого окошка По семи выстрелов. (Год)

115.

Родился не крестился, А Христа на себе носил. (Осел)

116.

Яко дуб, Яко плен, Яко платье на нем, Яко писанная, Яко разрисованная. (Икона)

117.

Лежит колода Поперек дороги, В колоде 12 гнезд, В гнезде по 4 яичка, В яичке по семи зародышков, Что выйдет? (Год)

118.

Стоит Никола В полуподгорье, Копьем оперся, Камкой упелся. (Накрытый стол)

119.

Выросло дерево От земли до неба, На этом дереве 12 сучков, На каждом сучке По 4 кошеля, В каждом кошеле По семи яиц, А седьмое красное. (Год)

120.

Встану рано, Пойду к барану, К широкой бороде, К пустой (толстой) голове. (Рукомойка и полотенце)

121.

Стоит столп, На столпе 12 гнезд, В гнезде по 4 чирка, В чирке по 7 яиц. (Год)

122.

По горам, горам, Ходит шуба Да кафтан. (Овца)

123.

Висится, болтается, Всяк за него хватается. (Полотенце)

124.

Стучит, Гремит, Вертится, Страху Божьяго Не боится; Считает наш век, А не человек. (Стенные часы)

125.

Белы хоромы, Красны подпоры. (Гусь)

126.

365 галок, 52 сокола, 12 орлов, Сосенка золотая, Маковка сухая. (Год)

127.

Что всегда ходит? А с места не сходит? (Стенные часы)

128.

На полу гудок, По лавке гудок Погудивши гудок Сел в уголок. (Голик)

129.

Маленький Трофимчик Скочил через овинчик. (Голик)

130.

Черная корова Весь мир поборола. (Ночь)

131.

Не велик мужичок Ножки жидаеньки; Подпоясан коротенько, А по избе пойдет – Так пыль столбом. (Голик)

132.

Днем курица ребрится, К ночи в угол садится. (Голик)

133.

Царица клюковица По полю скакала, Красно золото зобала. Пришел царь Космач И говорит: Бог помочь, Царица клюковица, Красно золото зобать! Она говорит: Молчи, ты царь Космач: И тебе то же будет. (Кочерга и помело)

134.

Сестра к брату В гости идет, А он от сестры Прячется (или пятится). (День и ночь)

135.

Лапочек пучок, Утром в огоньке, Ночью в уголке. (Помело)

136.

Был я на копанце; Был я на хлопанце; Был я на пожаре, Был я на базаре; Молод был Людей кормил, Стар стал Пеленаться стал, Умер — мои кости негодящия Бросили в ямку И собаки гложут. (Горшок)

137.

Поднять можно А через избу Перекинуть нельзя. (Пух)

138.

Был я копан, Был я топтан, Был я на пожаре, Был я на кружале, Сто голов кормил Сделался стар - Пеленаться стал; Выбросили за окно И собакам не надобно. (Горшок)

139.

Живет без тела, Говорит без языка, Плачет без души, Смеется без радости; Никто его не видит, А всяк слышит.
(Отголосок)

140.

Родился — вился; Жил — мучился; Пал — убился; Нет ему ни отпеванья, Ни погребенья. (Горшок)

141.

Два рога, А не бык, Шесть ног Без копыт. (Рак)

142.

Без рук, Без ног, А ворота отворяет. (Ветер)

143.

Млад я был Много душ кормил, Стар я стал Пеленаться стал. Умер без погребенья, Без поминовенья. (Горшок)

144.

Отцова сундука Не подымешь, Матушкина столечника Не скатаешь, Братнина коня Не обуздаешь. (Земля, снег, ветер)

145.

Жил-был Много душ кормил, Умер — ни погребенья, Ни поминовенья. (Горшок)

146.

Дом шумит, Хозяева молчат; Пришли люди, Хозяев забрали, Дом в окошки ушел. (Рыба, невод)

147.

Был ребенок – Не знал пеленок; Стар стал – Пеленаться стал. (Горшок)

148.

Есть крылья – Не летает; Ног нет, А не догонишь. (Рыба)

149.

Умер Дороня; Никто его не хороня; Вынесли на улицу – Ни собаки не едят, Ни вороны не клюют. (Горшок)

150.

Тур ходит По горам, Турица-то По долам, Тур свистнет, Турица-то Мигнет. (Гроза)

151.

Летит птица Крутоносенькая, Несет тафту Крутожелтенькую. Еще та тафта Ко Христу угодна. (Пчела)

152.

Раскатился черкас Никому его не склеить: Ни попу, Ни дьяку, Ни серебренiku. (Горшок)

153.

Взят от земли яко же Адам; Ввержен в пещь огненную, яко три отрока; Взят от пещи и возложен на колесницу, яко Илия; Везен бысть на торжище яко же Иосиф; Ставлен на лобное место И биен по главе яко же Иисус; Возопи велием гласом И на глас его приде некая жена, Яко же Мария Магдалина И, купивши его за медницу, принесе домой, Но расплакася по своей матери, умре И доныне его кости лежат не погребены. (Горшок)

154.

В темной темнице Красны девицы, Без нитки, Без спицы (иглы) Вяжут вязеницы. (Пчелы в улье)

155.

Гроб плывет, Мертвец ревет, Ладан пышет, Свечи горят. (Туча, гром, молния)

156.

Сидит баба на полке, Считает балаболки; Полка хлоп, Бабе в лоб. (Горшок)

157.

Пала мати с печи, Говорила сыну речи: Сходи, сын, в лес Выруби мне жилу, Чтоб я два века жила. (Молостов)

158.

Черный кот Феклу трет; Фекла дурит: Поприбавить велит. (Сковорода и сковородник)

159.

До неба достанет, А от земли не видать. (Дождь)

160.

Точим скатерти браныя, Ставим яства сахарныя, Людям на потребу, Богу в угоду. (Пчелы)

161.

В лесу тяп, тяп, тяп; Дома ляп, ляп, ляп, Около: тпруценька. В середке: тпру! (Решето)

162.

Сидит девица В темной темнице, Вяжет узор, Ни петлей, Ни узлом. (Пчела)

163.

Чудо чудом: Сошлось кругом, Дыр много, А выскочить некуда. (Решето)

164.

Без души родился, Народу пригодился; Дам пить — пьет, Попрошу — отдает. (Бочонок)

165.

Грядка — воронец, Татарский жеребец, По берегу рыщет, Гужища ищет, Задавиться хочет. (Ушат)

166.

Мостится мост Без досок, Без топора, Без клина. (Лед)

167.

Ни зверь, Ни птица, А нос Как спица. (Комар)

168.

Двое купаются, Третий валяется; Двое вышло, Третье повисло. (Ведра и коромысло)

169.

Без рук, Без ног На бабу скок. (Коромысло)

170.

Полно корыто Голубок нарыто; Голубки клевали, Носки замарали, Людей напитали. (Чашка и ложки)

171.

Церковка, Соловейковка, Никто ее не гладит. Сама гладка. (Бутылка)

172.

В брюхе — баня, В носу решето; На голове — пупок, Всего одна рука, И та — на спине. (Чайник)

173.

Ходит Хам по базару, Хвастается дубиною: «Ах! У меня дубина Золотая, маковка увитая». (Безмен)

174.

Ни плеть плетена, Ни везь везена, Ни узлы знать И не развязать. (Цепь)

175.

Тараска спит, А таратайка готорит. (Опара)

176.

С вечера заеркалось, К полуночи задергалось, К утру конец устал И ходить перестал. (Тесто месят)

177.

Сама сёма во кругу, Шевельнуться не могу: На руках кандалы, Ноги распростерты. (Квашня с опарой)

178.

Вымету я вымету Чистое поле, Загоню я загоню Белаго скота. (Хлеба в печи)

179.

Летит — воет, А сидет — землю роет. (Жук)

180.

Комовато, Ноздревато, И губато, И горбато, И тяскло, И кисло, И пресно, И вкусно, И красно, И кругло (и грузно), И легко, И мягко, И твердо, И ломко, И черно, И бело, И всем людям Мило. (Каравай)

181.

Пришли мужички Без топоров, Срубили избу Без углов. (Муравьи)

182.

Разсыпался стакашек По медненьком, По серебренъком, По всем городам, Никто его не соберет. (Крошки хлеба)

183.

Сечка сечет, Деревянка везет, Мартын поворачивает. (Еда)

184.

Деревяшка везет, Сечка сечет, Сам Роман Поворачивает. (Еда)

185.

Черна, мала крошка; Соберут немножко, В воде поварят – Ребята съедят. (Каша)

186.

Возьму пыльно, Сделаю жидко; Брошу в пламень – Будет как камень. (Пирог)

187.

На плешь Капнешь, Ставиши – Попариши; Вынешь – Поправиши. (Блины)

188.

Не брусница, Не клюква, Не репа, Не брюква, Не семенем садилась, А так уродилась – В великий сочельник, В Петров понедельник. Хлебу замена, Грибам перемена. (Волнуха)

189.

Заря зарница, Ключи потеряла, Месяц пошел – Не нашел, Солнце взошло, – Ключи нашло. (Роса)

190.

Разница между каретой и деревней? (Карету заложат да поедут, а деревню поедут да и заложат).

191.

Не сеяно, Не молочено, В воду обмачено, Камнем пригнетено, К зиме приблудено. (Волнуха)

192.

Под ледком, ледком Стоит чашечка с медком. (Яйца)

193.

Стоит море На пяти столбах; Царь-то говорит: «Потеха моя!» А царица говорит: «Погибель моя!» (Стакан с вином)

194.

Черненько, Горяченко, А все любят. (Чай)

195.

Загануть ли те загадку, Перекинуть через грядку, Через тын, Через плетень, Через барский двор? (Гребень и мочка)

196.

Четыре сестренки, Четыре родных Одной опоясочкой Опоясались. (Мотовило)

197.

Грудью то трет, Ногою упрет, А рукой швыряет – Стук, да стук. (Тканье)

198.

Бежит свинка Железная спинка, Льняной хвостик. (Игла с ниткой)

199.

Вокруг носу вьется, А в руки не дается. (Запах)

200.

Я не сам по себе, А сильнее всего И страшнее всего, И все любят меня, И все губят меня. (Огонь)

201.

Зверок С вершок, А хвост – Семь верст. (Игла с ниткой)

202.

Тычу, потычу, Ночью не вижу, Давай-ка, невестка, Днем попытаемся. (Нитку вдевают)

203.

Пятеро держат, Да пятеро пихают; Двое примечают Ладно ли пихают. (Нитку вдевают)

204.

Два конца, Два кольца, В серединке гвоздь, Повертытай небось! (Ножницы)

205.

Собой не однака, А нужна одинако Младенцу и мертвому И доброму молодцу. (Рубашка)

206.

Идет Егор С высоких гор, Ковром покрыт, Скобой прибит. (Подснежная вода)

207.

У одного потолще, У другого потоньше Всегда при себе. (Рубашка)

208.

Суну — встанет, Вытащу — повянет. (Рукав)

209.

Днем, как обруч, Ночью как уж; Кто отгадает – Будет мой муж. (Пояс)

210.

Парень молодой, Праздник годовой – Ходит, вздыхает, Глубоко пихает. (Сапоги)

211.

Гола Матрена Для всех страшна, А лубком покрыта Для всех ходка. (Замерзлая река)

212.

Еду, еду – Следу нету. (Вода)

213.

Праздник годовой, Молодчик молодой Надевает бело, Сует черно; Праздник пройдет – Назад возьмет. (Сапоги)

214.

Распушу хохлушку, Всуну голышка. (Рукавицы)

215.

Режу, режу – Крови нету. (Хлеб)

216.

Шарю я пошарю, Дошарю до правды, На правде дыра, На дыре хохол, Всунул да пошел. (Рукавицы)

217.

Разойму мохнушку Воткну голыша. (Рукавицы)

218.

Шумит, хохочет, На девку хочет. (Сарафан)

219.

Шумит, хлопочет, На девушку хочет. (Сарафан)

220.

Красный бес На девку влез. (Сарафан)

221.

Что под подолом. (Подшивка)

222.

У молоденькой молодки Под хвостом светло. (Кичка)

223.

На бабе вспотела На девушку захотела. (Кичка)

224.

Мал малышка, Золота кубышка, Ни зверь, ни птица, Ни вода, ни масло. (Серьга)

225.

Под лесом, лесом, Колья с весом. (Серьга)

226.

То — сто вито сто, Перевито сто; Кто сто отганет Тому сто рублей, Кто не отганет; Тому сто плетей. (Бусы)

227.

Стоит девка на горе Да дивуется дыре: — свет моя дыра, дыра золотая, куда тебя дети? — На живое мясо вздеть. (Кольцо)

228.

Чем больше ешь, Тем больше остается. (Раки и орехи)

229.

Шли две девицы, Купили по дырице, Вздели на сырое мясо. (Кольцо)

230.

В лес идет – Из лесу глядит; Из лесу идет – В лес глядит. (Котомка)

231.

Стоит Варвара Не ниже амбара, Клонится – Не переломится. (Очеп)

232.

Лежа на боку, С берега в реку Пупом старуха Воду цедит. (Бочка)

233.

Шуба то нова Да на подоле дыра. (Бочка)

234.

Сидит старуха О семи кожухах; Кто ее потронет – Сам заплачет. (Луковица и лук)

235.

Поле поливанское, Много скота ивановского, Один пастырь И два яхонта. (Небо, звезды, Бог, луна с солнцем)

236.

Шароватый, Кудреватый, На макушке Плешь, На здоровье Съешь. (Качан капусты)

237.

По льду, льду Заиграю в пикульду; Стоит на льду Цела церковь людей. (Огурец)

238.

Как шли казаки Из Азова; На встречу казакам Стары бабы; Казаки то им Загадку загадали; Загадали, наши други, Загадали! «А что таково В саду зелено, Собой красно, С конца востро, В землю вросло? Отгадайте, наши други, Отгадайте?» Стары бабы Им загадки Не отгадали, Не отгадали, наши други, Не отгадали! Как шли казаки Из Азова, На встречу казакам Красны девки; Казаки то им Загадку загадали: «А что таково В саду зелено, Собой красно, С конца востро, В землю вросло? Отгадайте, наши други, Отгадайте!» Красны девки Им загадку Отгадали: (— Это свекла)

239.

Не шатай меня, мужик, Не валяй меня, мужик, Лучше стань на меня, Ты напачкайся, Наворачкайся Сколько можешь, Сколько хочешь, Сколько душенька свяжет. (Черемуха)

240.

Маленький, Удаленький В землю ушел, Красну шапочку нашел. (Маков цвет)

241.

Цветет, без цвету (Папоротник). Стоит без ответу (Конь). Без кореня (Камень). Выше лесу (Светел месяц). Чаще рощи (Часть звезды). Без умолку (Река). Без перемены (Воля Божья).

242.

Кто мост мостит, Без ножа, Без топора, Без клиньев, Без подклиников? (Лед)

243.

Маленькая крошка Сквозь землю прошла, Красну шапочку нашла. (Маков цвет)

244.

Стоит сто столбов, У ста столбов сто Кольцов, У ста колец — сто коней, У ста коней — по сту узд, У ста узд — по сту кистей, У ста кистей — сто вестей. (Хмель)

245.

Два братца В воду глядятся, Век не сойдутся. (Река и берега)

246.

Стоит дуб Стародуб На том дубе Стародубе Сидит птица, Веретеница; Никто ее не поймает: Ни царь, Ни царица, Ни красна девица. (Небеса и солнце)

247.

Весной растет, Летом вьется, Осенью цветет, Зимой в дело идет. (Хмель)

248.

Без огня горит, Без крыл летит, Без ног бежит. (Солнце, тучи, реки)

249.

Один говорит: «Побежим, побежим», Другой говорит: «Постоим, постоим»; Третий говорит: «Пошатаемся, пошатаемся». (Вода, берег, трава)

250.

Ноги — на морозе, Кишки — на дереве, Голова — на свадьбе. (Хмель)

251.

Четыре ходаста, Два бодаста, Один хлебестун. (Корова)

252.

Четыре девицы В одну кринку плюют. (Вымя)

253.

Стоит добро; В то добро Зашло добро; Я взял добро, Да добром добро Из добра выгнал вон. (Корова во ржи)

254.

Четыре четырки, Две растопырки, Один вертун, Да два яхонта (яхруса). (Кошка)

255.

Под полом полом Ходит барыня с колом Ищет барыню с хвостом. (Кошка)

256.

Бежит Наташка В семидесяти рубашках, Ветер дунет и тело голо. (Курица)

257.

Стоит Перьян город; В Перьяне — белый град; В Белом граде — воску братъ. (Курица и яйцо)

258.

Плот плывет, Поп поет; Ладан пышет, Свечи горят. (Телега и лошадь)

259.

Кленовые ноги Ходим по дороге; Больши ноги носили, Людей кормили. (Полозья)

260.

Что с ушами и языком, А ничего не слышит и не понимает. (Колокол и звон)

261.

Белый лебедь На яйцах сидит. (Поля, покрытыя снегом)

262.

За уши повесили, За язык подергали. (Колокол и звон)

263.

На поле полище Стоит теремище, В том теремище Сусло и масло, Скорбось и бодрость, и весель И смерть не далеко. (Кабак)

264.

Суну, посуну, Делаю посуду; Высуну — поколочу, И всю вызолочу. (Ковка)

265.

За язык подергают, За уши повесят – Станет говорить. (Колокол и звон)

266.

Летел перхол, Кафтан без пол, Лег — шейку протянул, В щелку заглянул. (Вьюга)

267.

Взойду я на горь-горь-горь, Ударю я в бом-бом-бом, Утешу царя в Москве, Короля в Литве, Старца в кельи, Младенца в зыбке, Красну девицу В высоком терему. (Колокол и звон)

268.

Стучит, гремит По улице весь век, А не человек. (Мельница)

269.

А што, бате бате Старище Елизарище Куплется и похваляется: Есть у меня калина — дубина С двух концов свинцом налита. (Мельничный вал)

270.

Криво да мимо Куда побежало? Зелено — лукаво, Тебя стеречи! (Околица и поле)

271.

По рублю ступает, Рубль подымает. На полтину глядит, Сто рублей говорит. (Знахарь)

272.

Летит птица павица, Села на лавицу, Распустила перья – Всякого зелья. (Разнощик)

273.

Баба яга – Поротая нога. (Соха)

274.

Поле обойдет И в житницу уйдет. (Серп)

275.

Травы поем – Зубы притуплю; Песку хвачу, ь – Опять навострю. (Коса)

276.

Над головой крутится, В руках вертится, Стучит и гремит, Ничего не говорит. (Цеп)

277.

Посередь толсто, С конца востро. (Носило)

278.

Заброшу за грядку, Год пушицу, Годовик сниму. (Сеют)

279.

Щука вертуха Хвостом вернула: Все леса пали, Стали горами. (Косят)

280.

По какой дороге Полгода ездят, Да полгода ходят? (По реке)

281.

Щука — белуга Хвостом мигнула, Леса-то пали, Горы встали. (Косят)

282.

Туты на туты, На тутовой горе Все туты избиты, Головы обриты, Ножи в головах. (Бабка снопов и серпы)

283.

Шел мимо двора поповского, Видал дело таковское: Головы разбиты, А брюха распороты. (Молотят)

284.

Малы малышки Катали катышки, Сквозь землю прошли, По тышне всползли, Синю матку нашли, Синя, синя, да и вишневая! (Горох)

285.

Стоит дом, Без окон, дверей, А полон людей. (Стручок)

286.

Криво — лукаво К лесу бежало; Зелено — кудряво Спрашивало: «Криво — лукаво! Куда побежало? — Зелено — кудряво, Тебя стеречи». (Изгородь в поле)

287.

Лежит брус Во всю Русь; Если бы руки да ноги — То бы встал, Да и до неба достал; А если бы рот да глаза, То все рассказал. (Дорога)

288.

Выходила я на горушку, Убивала телушку, Кожу на земь бросала, Мясом печку топила, Салом лакомилась. (Сосновая мезга)

289.

Не бей меня, Не ломи меня; Лезь на меня; Есть у меня. (Кедр)

290.

Стоит тухо, Висит слабко, Кругом гладко; В сердке — сласть, На эту сласть У всех есть счастье. (Орех)

291.

Сам иду и оне идут; Сам стою и оне стоят, Стану кормить — не едят. (Лыжи)

292.

Летела тетеря Вечером — не теперь, Упала в лебеду, И теперь не найду. (Пуля)

293.

Кругом пуга воет, А вдоль дорога идет. (Улей и пчелы)

294.

Что это за тварь: Всех людей питает И в церкви освещает. (Пчела)

295.

Косо — непрямо! Чего ты стоишь? — Зелено-кудряво! Тебя стерегу! Ах ты стрижено! Что тебе нужно?

(Изгородь в поле)

296.

Ася Разлеглася; Кабы встала – Небо достала; Кабы руки — вора связала; Кабы ноги — коня догнала; Кабы глаза — увидала, Кабы язык — рассказала. (Дорога)

297.

Пан Панович Упал в колодец, Воды не смутил И сам не потонул. (Лист)

298.

Пойду я в Ухту, Найду я валухту; Кабы не кубыхта – Так не быть бы живому. (Лес, зверь и ружье)

299.

Стоит изба безугольна, Живут в ней люди безуемны. (Улей и пчелы)

300.

Не море, не земля: Корабли не плавают Иходить нельзя. (Болото)

301.

Живет не девка, Не баба, не солдатка, Не вдова и не мужняя жена; Мужа у ней нет, Греха не имеет, А детей много. (Пчела)

302.

Стоит град пуст, А около града растет куст, Из града идет старец, Несет в руках ставец, В ставце — взварец, А во взварце-то сладость. (Подрезка меда)

303.

Корова комола, Лоб широк, Глаза узеньки; В стаде не пасется, И в руки не дается. (Медведь)

304.

Бурую корову Дома не любят И на базаре не берут. (Мышь)

305.

Выходила княжня, Из града подполея, Спрашивала княжня Царя Кукурея: — Скажи мне царь Кукурей (Кутарей), Где ваш царь Кесарей? Отвечает ей царь Кукурей: Се ваш царь кесарей На каменных горах опочивает, Силы свои собирает; По утру будет ваш град воевати. — О горе нам горевати! Куда нам милых деточек подевати? Разве живых в землю закопати? (Мышь, петух и кот)

306.

У нас на лыжах В подпольи лежит. (Мышь)

307.

Бела как снег, Зелена как лук, Черна как жук, Поет как бес (бык), Повертка в лес. (Сорока)

308.

Молодой конек, За море ходок; Спинка Соболинка, А брюшко беленькое. (Ласточка)

309.

По земле ползет, А к себе не подпускает. (Змея)

310.

У красной девушки кушали господа; покушавши Богу помолились: «Благодарим тебя красная девица, за хлеб, за соль, просим к нам в гости!» Девица отвечает: «Я по земле не хожу, на небо не гляжу, гнезда не завожу, а детей вывожу».

(Рыба)

311.

Лежит брус Во всю Русь, А станет – До неба достанет. (Дорога)

312.

Под мостом, мостом Сидит барыня с хвостом Есть хочется, А вылезть не хочется. (Мышь)

313.

Летит птица горбата, Наперед покляпа, Поет громогласно, Всему миру ужасно, Кто ее убьет, Кровь свою прольет. (Комар)

314.

Маленький зверок, Никто его не уймет: Ни царь, ни царица, Ни красная девица. (Младенец)

315.

Маленький, Удаленький, Лосиный скок, Звериный взгляд; Пять братьев ловили Да не изловили; Два брата словили Да и убили. (Блошка)

316.

Поймал я коровку В темных лесах: Повел я коровку Мимо Лобкова, Мимо Бровкова, Мимо Глазкова, Мимо Носкова, Мимо Щечкова, Мимо Ушкова, Мимо Роткова, Мимо Губкова, Мимо Бородкова, Мимо Шейкова, Мимо Грудкова, Мимо Ручкова, Мимо Плечкова; Привел я коровку На Ноготково, Тут я коровку И стал принимать. (Вошь)

317.

Стоят вилы; На вилах — бочка, На бочке — махало, На махале — качало, На качале — зевало, На зевале — сморкало, На сморкале — мигало, На мигале — роща, В роще — свинка - Золоты щетинки. (Человек)

318.

Под полом Под полистым Лежит камень дыристый, Не сохнет, Не блекнет, Не выветреет. (Язык)

319.

Кабы встал, Я бы до неба достал; Кабы руки Да ноги, Я бы вора связал; Кабы рот Да глаза Я бы все рассказал. (Дорога)

320.

Ни печено, Ни варено, На блюде не бывано, Ножом не рушеню. (Грудное молоко)

321.

Летом греет, Зимой холодит. (Солнце)

322.

За Бабиной избушкой Висит хлеба краюшка, Собаки лают, А достать не могут. (Месяц)

323.

Заря зарянища, Красная девица Брата запирала, По полю гуляла, Ключи потеряла, Месяц видел, А солнце скрало. (Роса)

324.

Тур ходит по горам, Турица-то по долам, Тур свистнет, Турица-то мигнет. (Гроза)

325.

Лежит брус розо всю Русь; Двенадцать гнездышек в нем; В каждом гнезде по четыре яичка. (Год)

326.

Что всегда ходит, А с места не сходит. (Солнце)

327.

В книге — шесть листов Простых, седьмой золотой. (Неделя)

328.

Пришел милый Да и повалил силой. (Сон)

329.

Без рук, без ног, без языка, Никто его не видит, Ничего не говорит, Но каждого страшит. (Нечистый)

330.

В одном кармане Вошь на аркане, В другом блоха на цепи. (Нищета)

331.

Люблю, полюблю, Середь поля повалю, Хоть грех, хоть два, А смерть хочется. (Сон)

332.

Ни дров, ни свечей, Чем истопить печей, В правом сочельник, В левом чистый понедельник. (Нищета)

333.

Ты еси велик, Ты еси Филипп, Ты еси Петр, Ты еси Господь. (Три поста и оспожинки)

334.

Певчики поют, Ревчики ревут, Сухо дерево несут; В том дереву Не пищит, Не визжит, Не шевельнется. (Похороны)

335.

Из Живаго и Мертваго вынут, Голову ему сымут, Сердце вынут, Дадут пить Станет говорить. (Гусиное перо)

336.

Семя плоско, Поле гладко, Кто умеет – Тот и сеет. Семя не выходит, А плод приносит. (Бумага и письмо)

337.

Без рук, без ног, А везде бывало. (Письмо)

338.

Сидит сова на корыте, Не можно ее накормити Ни попам, ни дьякам, Ни пиром, ни миром, Ни добрыми людьми,

Ни старостами? (Смерть)

339.

Родился — не крестился, Умер — не воскрес, А Бог носил? (Осел)

340.

Кто красен После смерти? (Рак)

341.

Стоит Трошко На одной ножке, Крошит крошенинку Ни себе, ни людям. (Светец)

342.

Умылся не так, Нарядился не так, Поехал не так, Заехал в ухаб, И не выехал никак. (Покойник)

343.

Девица в темнице, А коса на улице. (Морковь)

344.

Сутул, горбат Все поле перешел, Все загоны перечел. (Серп)

345.

Лежит дерево безпрутое, На него летит птица безкрылая, Приходит девица безротая И съедает птицу безкрылую. (Земля, снег и солнце)

346.

В лесе оно, Не видать его, А с лесом равно. (Сердцевина в дереве)

Пословицы

Дай Бог в добрый час сказать, А в худой помолчать. Встал не так, обулся не так, Оболокся не так, вышел не так; Сел не так и поехал не так; Заехал в сугроб и не выехал никак.

«Кажется нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь русского народа, со всеми ея проявлениями, — говорит И. Снегирев, — как в пословицах, в кои облекаются его дух, ум и характер. Летучее слово — продолжает тот же автор, — проникнутое и одухотворенное живущей мыслию, получает самобытность и вековечность. Все минется, — говорит в заключение автор, — одна правда останется».

А

Артель атаманом крепка.

Аптека улечит на полвека.

Адамовы лета с начала света.

Аминем беса не отбудешь.

Александр храбр, а от худова умер.

Аминь, да не ходи один.

Азия Африки честные, Август Марта тепляе.

Аршин дубовой, а нить вязова.

Аминь тому делу.

Алтыном воюют, без алтына горюют.

Адам Евы послушал, да яблоко скушал.

Ад сотворен, и Адам водружен.

Ай, ай, месяц Май; тепл да холоден.

Аптекам предаться, деньгами не жаться.

Аще за друга ругаешь, другу душу свою полагаешь.

Аще бы не Бог, кто бы нам помог.

Ангел в правде помогает, а бес с лжею подстрекает.

Б

Баба бредит, чорт ли ей верит.

Баба скачет задом и передом, а дело идет свои чередом.

Бабушка походит, всему делу пособит.

Барыш с накладом на одних санях ездят.

Бездонной кадки водой не наполнишь.

Безпечальному сон сладок.

Баба ворожила, да головой наложила.

Бог — что захочет, человек — что сможет.

Были веселы, да головушки повесили.

Будет путь — да долго ждать; а к осени беречь — волк бы не съел.

Беда вымучит, беда и выучит. Что вымучит, то и выучит. Что мучит, то и учит.

Был бы друг, найдем и досуг.

Без масла каша не вкусна.

Быть было беде, да случились деньги при бедре.

Без доброго дела и воды моей не пей.

Бери весь деготь, батюшка придет, — вина навезет.

Баба на Новгород три года сердилась, а великой про то не знал — не ведал.

Богоданна матушка — что ладожко бурливое.

Бывало людей выручаю, а теперь сам погибаю.

Беда идет, беду везет, а третья погоняет.

Береза не угроза: где стоит, там и шумит.

Быть бычку на веревочке.

Брови нависли — злоба на мысли.

Бабья вранья и на свинье не объедешь.
Без плачу у бабы дело не спорится.
Баба что мешок: что положишь, то и несет.
Бабы слезы, чем больше унимаешь, тем хуже.
Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки (т. е. некому оберегать).
Был у меня муж Иван, не приведи Бог и вам.

В

Воля спаси и неволя спаси.
Вор ворует, а богат не живет.
Всего, что по воде плывет, не переловишь.
Вор слезлив, а плут богомолен.
Время переходчиво, да злы не объедчиво.
Все купишь: только отца с матерью не купишь.
Врешь, да не в одно слово.
Воровская копейка не в прок.
Ври дурак, что хочешь, с врак пошлин не берут.
Все пройдет, как огнем прожжет.
Встанешь поранее, шагнешь подалее.
Всякая козявка, да хочет быть букашкой.
В долг давать — под гору метать, а в долг брать — с земли поднимать.
Всякой всячины напячено.
Всякую ложь к себе приложь.
Все други, все приятели до черного лишь дня.
Всяк заговеется, да не всяк разговеется.
В Воскресенье орешь, а в Понедельник кобылы ищешь.
В Москве даром ничего не дают.
В людях хорошо, а дома еще лучше.
В господина жить — и прожить.
В чужую душу не влезешь.
В селе не без бабы.
Всякой кулик на своем месте велик.
В Москве рубят, в Питер стружки летят.
Всякой дурак красному рад.

Встал не так, обулся не так, оболокся не так, и поехал не так; заехал в сугроб и не выехать никак.

Всякой за себя, а Бог за всех.

В одной берлоге два медведя не живут.

В одно перо и птица не родится.

В одном кармане сочельник, в другом Иван постник.

В час доброе слово сказать, а худое помолчать.

Вынесет наш, а не вынесет Божий.

Врал до обеда, да и к ужину оставил.

В старину бывало собака с волком живала.

Все на свете корытом покрыто.

Все минется, одна правда останется.

Веру к делу применяй, а дело к вере.

В ком есть страх, в том есть и Бог.

В ком есть стыд, в том и совесть.

Выношенная шуба не греет.

Во всякой избушке свои поскрыпушки.

Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь.

Век изжить — не рукой махнуть.

Взялся за гуж — не говори, что не дюж!

Воеводою быть — без меду не жить.

Воду пей, остатки не лей: остатки сладки — пойдут на добавки.

Верующему умереть — одежду продать.

В болоте тихо, да жить там лихо.

В девках — приторно, замужем — натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде.

Вдову взять — спокойнее спать.

Во хмелю, что хошь намелю, а проснусь отопрусь.

Высоко поднял, да низко опустил.

Г

Где грозно, там и розно.

Где день, где ночь, лишь бы сутки прочь.

Где народ увидит, там и Бог услышит.

Голова без ума — шалюга.

Грех не по лесу ходит, а по людям.

Говори учтиво — выслушают правду.

Где грозно, там и хлебно.

Где куснет, там и зачешется.

Голова — всему начало.

Грех пополам.

Грех с орех, ядро с ведро.

Горе от Бога, а неправда от дьявола.

Глаза золотом запорошат — ничего не увидишь.

Горох в поле, да девка в доме — завидное дело: кто не пройдет — тот щипнет.

Глядит в бок, а говорит в сторону.

Д

Дай в долг, а порукой-то волк.

Девять раз отмерь, а однажды отрежь.

Два дурака дерутся, а третий смотрит.

Дай в окно, а Бог даст в подворотню.

Дела, дела — как сажа бела.

До неба высоко, до царя далеко.

Дика собака — на ветер лает.

Дай Бог в добрый час сказать, а в худой промолчать.

День с иглою, а ночь с удою.

Деньга за живот, так и старуха живет.

Дай Бог с молодости гладить кости, а под старость жевать мягкое.

Дела не делай, а от дела не бегай.

Для друга — нет круга.

Драчливый петух жирен не бывает.

Дураку — дурацкая честь.

Дай Бог роток — даст и кусок.

Деньги — дело нажитое.

Дурак родится — Богу печаль.

Для грешника нет праздника.

Дуракам Бог опекун.

Дурака крести, а он кричит: в воду пусти!

Доброму вору все в пору.

Дешево покупает, да домой не носит.

Девушки по участи, ягоды по станице.

Деревья скоро садятся, да не скоро с них плоды едят.

Добро тому врать, кто за морем бывал.

Дальше в лес — больше дров.

Дальние проводы — лишния слезы.

День долог, а век короток.

Дают — бери, а бьют — беги.

Доброго не бегай, а худого не делай.

Е

Ерема, Ерема! Сиди дома: хоть не бай, да детей качай.

Есть привычка, есть и отвычка.

Если бы знал, где упадешь, подостлал бы соломки.

Если бы не Бог, кто бы нам помог.

Есть в мошне, будет и в квашне.

Есть молоко, да достать далеко.

Если посеять в дождь — то урожай.

Если бы на топоре не пленя, не та бы топору цена.

Если бы не плешь — то не было бы голо.

Егорий с кузовом, а Никола с возом.

Если бы твоими устами да мед пить.

Егорий — с водой, а Никола — с травой.

Если не поп — не суйся в ризы.

Един Бог без греха.

Егорий с ношней, а Никола с возом.

Ерш бы в ухе, да лещ в пироге.

Еловым веником не парятся.

Есть пиво — пьем, а нет его — ждем.

Есть пирожок, есть и дружок.

Есть что слушать, да нечего кушать.

Ежели б на горох не мороз, давно б через тын перерос.

Есть рубль, есть и ум.

Ж

Животное с земли подбирает, а худой человек карманы обчищает.

Жизнь пережить, не поле перейти.

Живот животы дает, а смерть все отберет.

Жизнь дана на добрыя дела.

Жизнь на нитке, а думает о прибытке.

Женился, как на льду обломился.

Живет, не тужит, а никому не служит.

Живот без хлеба не проживет.

Живи не скучися, да с друзьями веселися.

Живи смирнее, так всем будешь милее.

Живи просто, проживешь лет до ста.

Живи тихо, да избывай лихо.

Жил в неге, а ездил в телеге.

Жил бы хорошенько, да денег маленько.

3

Захочет кобылка овса, так вывезет на гору.

Золотой молоток и железные двери отворяет.

Заработанный ломоть лучше краденого каравая.

Злому человеку не прибавит Бог веку.

Зацепил — потащил, а сорвалось — не ко двору пришлось.

За ножку, да об сошку.

Заложил пару сапожного товару.

Замужество — что жребий: кто что вытащит.

Злаго любить — себя избить.

Злато не говорит, да много творит.

Зелен виноград не сладок, а млад человек не крепок.

Злая жена сведет мужа с ума.

Земля любит навоз; лошадь — овес, а воевода принос.

Знает и крестьянин, что поп не боярин.

Знает кошка, чье мясо съела.

И

И крылья есть, да некуда лететь.

И смирен пень, да что в нем?

Идет воевать, а не хочет сабли вынимать.

И бездомник не без домовища.

И в Иерусалиме собаки есть.

Иной любит попа, иной — попадью, а иной — попову дочку.

И не в лад, да ладно.

Из большаго не выпадет.

Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь.

Излишнее обхожденье рождает уничтоженье.

Иду мимо, а не зайду где не мило.

Избалуется овца не хуже козы.

И зубы есть, да нечего есть.

Из грязи да посажен в князи.

Из песни слова не выкинешь.

Или сена клок, или вилы в бок.

К

Красна не жир, а пирушка не пир.

Кто без дела божится — на того нельзя положиться.

Кто хвалится — тот с горы свалится.

Каков уродился — таков и пригодился.

Кумовство да сватовство — ближнее родство.

Кумиться — кумитесть, да не подеритесь.

Кто много спит, тот и денег не копит.

Как не путай, а Божья воля распутает.

Кто от рук отмотался, тот и прав остался.

Которая рука крест кладет, та и нож точит.

Кто не богат, тот и алтыну рад.

Кто на Бога уповаet, тот никогда не уныvaet.

Кто на море бывал, тот и страх видал.

Кто на молодой хочет жenиться, тому с холостыми не надобно водиться.

Кто не желает власти, на того не приходят и напасти.

Л

Людской задор — что вострый топор: не думает — рубит.

Ленивому всегда праздник.

Ловит волк роковую овцу.

Лишь бы пилось да елось, а дело на ум не шло.

Любовь не пожар, а загорится — не потушишь.

Любовь кольцо, а кольца нет конца.

Любви, огня да кашля — от людей не спрячешь.

Любишь ездить — люби и саночки возить.

Лет семи — достатки сам смотри.

Лучше сто раз смолчи, а один не оболги.

Лихо помнится, а добро не забудется.

Лицом хорош, а душою не пригож.

Личиком беленька, да ума маленько.

Лихо избудешь — всю кручину забудешь.

М

Мысли, но не вымышляй: знай разницу!

Муж по дрова, а жена со двора.

Муж пьет, а жена горшки бьет.

Муж клином, баба блином, а доймет.

Матушкин сынок — а батюшкин горбок (т. е. негодный)

Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила — домой принесла.

Молодость не грех, а и старость не смех.

Мужик деревенский, что петух индейский.

Муж в бедах, а жена в гостях.

Муж да жена — одна сатана.

Муж жену бьет, а жена свое поет.

Мужик богатый, что бык рогатый.

Мысль за горами, а смерть за плечами.

Метил в ворону, а попал в корову.

Молчанье лучше пустаго болтанья.

Н

Не чихни ненароком: люди скажут — с пороком.

Не всяк успех себе ладит, кто другим гадит.

Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба.

На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой приспевай.

На чужой роток не накинешь платок.

Не то хорошо — что хорошо, а кому что нравится.

Не любо — не слушай, а врать не мешай.

Не слушал начала, так жди конца.

На беднаго Макара все шишки летят.

На то и щука в море, чтоб карась не дремал.

Нашему козырю все в масть.

Не умел шить золотом, так бей молотом.

На людях и смерть красна.

Не радуйся нашедши, не тужи потерявши.

О

Один в поле не воин.

Одного полюбишь — про других забудешь.

От людей утаишь — от Бога не скроешь.

Отца с матерью кормить — старый долг платить.

Обмануть не хитро, обмануться — того легче.

Одной рукой собирай, другой раздавай.

От солнца свет, от ума просвещенье.

Охота пуще неволи.

Одна слеза катилась, другая воротилась.

От добра — добра не ищут.

От напасти не пропасти.

Обжегся на молочке — будешь дуть и на водицу.

Отрезанный ломоть не приставишь.

Охал дядя, на чужие деньги глядя.

От худого семени не жди доброго племени.

Овчина выделки не стоит.

Один рот — и тот дерет.

Один говорит — красно, двое говорят — пестро.

П

Пошел кум пеше — куме легче.

По бедным свищет соловей, а по богатым служит архиерей.

Пусть бы долюшка сиротская, лишь бы волюшка господская.

Проврался, что прокрался.

Пой песни — хоть тресни, а есть не проси.

Полюбится сатана — лучше ясна сокола.

Птица поет — сама себя продает.

Про всяк час ума не напасешься.

По Сеньке шапка, по барину кафтан.

Пропал Авдей от злых людей.

Повторенье — мать ученья.

Птичка-невеличка — да звонок голосок.

Про одни дрожди не говорят трожди.

Пьяному — море по колено.

Поет хорошо — где-то сядет?

P

Руби дерево по себе.

Рубль копейку бережет.

Редко да метко.

Рука руку моет.

Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Рыбак рыбака видит издалека.

Разсказал — что размазал.

Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела.

Рад бы в рай, да грехи не пускают.

Родила мама, да жаль, что не взяла яма.

Рад Филат, что дело пошло на лад.

Русский час — с днем тридцать.

Рыжий да красный — человек опасный.

Решетом воды не наносишь.

Работать не заставят и есть не поставят.

Рад Афанас, что гости по нас.

Рад бы душой, да хлеб чужой.

C

Суженаго и конем не объедешь.

Свой своему — по неволе брат.

Семеро одного не ждут.

Сердечушко каже: тук-тук — верь!

Смех сдержишь — обидушку упредишь.

Скорая смертушка — меньшая заботушка.

Сорок у нас девок на деревне, да одна хороша — Машутка.

Светит да не греет.

Смелому Бог помогает.

Сперва скончались, потом повенчались.

Счет дружбы не теряет.

Смелость города берет.

Скоро — да не споро.

Соловья баснями не кормят.

Старая погудка на новый лад.

Старость не радость.

Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

Сила солому ломит.

Т

Тяп да ляп — и вышел корабль.

То не грешно, что в моду вошло.

То не беда, что во ржи лебеда, а то две беды — когда ни ржи, ни лебеды.

Товар лицом продается.

Того не берут, чего в руки не дают.

Терпи казак — атаманом будешь.

Там свет — где нас нет.

Твоими бы устами да мед пить.

Только и свету, что в окне, а выйди в поле — того боле.

Тише едешь — дальше будешь.

То и полезно, что в доме полезло.

Тиши да гладь — Божья благодать.

Тише пыли, не твои бобыли.

Только у молодца и золотца, что пуговка оловца.

Торговали — веселились, сосчитали — прослезились.

У семи нянек — дитя без глаза.

У кого что болит, тот про то и говорит.

Участью не гордись — всякому поклонись.

У нашего соседа все девки хороши да одна Машутка лучше всех.

Утро вечера мудренее, а жена мужа хитрее.

Украсть — в беду попасть.

У кольца нет конца.

Умен, как поп Семен: книгу продал, карты купил.

У всякой пташки свои замашки.

Умей у людей погостить и к себе запросить: до ворот проводить и опять воротить.

Ученье свет, а не ученье — тьма.

У каждого мудреца довольно простоты.

Унижение паче гордости.

У нашего Гришки нет отрыжки.

Умею, да не смею.

Ф

Флор Флорихе не думает лиха.

Филипп ко всему привык.

Флор не туда забрел, а Лавор ходит меж двор.

Флориха дошла до лиха.

Филат и каше рад.

Фарисейские корабли, что сельские воробы гинут.

Фик-фок на один бок.

Форму много — толку мало.

Федот да не тот.

Фу-ты, ну-ты — лапти обуты, а стоптал и бос стал.

Фортуна bona, а другая дома.

Флор Флорихе набитой брат.

Философ смерти не боится.

Флор с добром, а Флориха с навозом.

Фортуна велика, да ума мало.

Х

Хороша Маша, да не наша.

Холостаго сватом не посылают.

Хоть на голове-то густо, да в голове пусто.

Ходи кругом — деньги верные!

Хоть час — да наш.

Хоть костлива да счастлива.

Худое дерево в сук растет.

Хоть на заде, да в том же стаде.

Худое дело, коли жена не велела.

Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет.

Хороша молодежь, а к поре никого не найдешь.

Хохол не соврет, да и правды не скажет.

Хлеб да вода — крестьянская еда.

Хлеб за брюхом не ходит.

Хлеб соль ешь, а правду режь.

Ц

Цыгану без обману дня не прожить.

Цыган, что голоднее, то веселее.

Царство разделится, скоро разорится.

Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается.

Царством владеть, а на Бога надежду иметь.

Царь повелевает, а Бог на истинный путь направляет.

Цену забыл, да дорого.

Цена яйцу две деньги, а бежать сто рублей.

Целил, да не попал, лишь заряд потерял.

Цыган ищет того, чтоб обмануть кого.

Целы ль сани, а лошади пропали.

Цыган только обманет, а злой до сердца достанет.

Царь жалует, а псарь не жалует.

Царево сердце в руце Божией.

Царев гнев — посол смертный.

Ч

Что посеешь — то пожнешь.

Чем богат — тем и рад.

Чистая душа, что чистая вода: в ней насквозь видно.

Чин чина почитай.

Чей черед, тот и берет.

Чему быть — тому не миновать.

Человеку под стать и масть не подберешь.

Что с возу упало, то пиши — пропало.

Чужая душа — темный лес.

Что потопаешь, то и полопаешь.

Что гусь без воды, то мужик без жены.

Чернаго кобеля — не домоешь до бела.

Чужая сторона прибавит ума.

Чем ругаться — лучше подраться.

Что с бою взято, то свято.

Чорт чесал, и чесалку потерял.

Ш

Шутя мед пьют, а вправду кандалы трут.

Шутить — не мутить.

Широко растопырил, да вверх не поднял.

Шелудиваго брить — не лучше ль опалить?

Шурин по зяте не наследник.

Шла кума пеша — куму легче.

Шутил Мартын, да спрятался под тын.

Шей да пори: не будет глухой поры.

Шуба нова, да в подоле дыра.

Шелудивый поросенок и в Петровки зябнет.

Шутку шутить — людей насмешить.

Шутить — шути, да смотри не глупи.

Шубу носят не для красоты, а для теплоты.

Шутка до добра не доведет.

Шутку сшутил — мужа с женою смутил.

Щ

Щи — хоть брюхо полощи.

Щеголял с молоду, а под старость умирает с голоду.

Щедровитый оспы не боится.

Щеголок — милой животок.

Щука умерла, а зубы остались.

Щеголь с погосту — и гроб за плечами.

Ять

Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

Еду, еду — не свищу, а наеду не спущу.

Есть — так губа титькой, а работать — так нос окован.

Едет Аниньин внук с Великих Лук.

Еду к обеду, а к ужину домой приеду.

Едет не скоро, да споро.

Едет ни путем, ни дорогою.

Ешь не кроши, и больше не проси.

Ехал бы далече, да болят плечи.

Ехал бы прямо, да жена упряма.

Ехал в Казань, а заехал в Рязань.

Ешь сморчки, да берегись, чтоб не вытолкали в толчки.

Ешь хлеб, коли пирога нет.

Ехал — не доехал; опять поеду — авось доеду.

Ешь кутью, поминай Кузьму.

Ешь мед, да берегись жала.

Ешь пироги, а хлеб вперед береги.

Ешь щи с мясом, а когда нет, так хлеб с квасом.

Ешь меня собака, да неведомая.

Ел бы сметану, да нет в коровах талану.

Ел бы пирог, да в печи скжег.

Ездил ни почто, привез ничего.

Ехал бы воевать, да ленив вставать.

Э

Это не ученье, а просто мученье.

Это твое, это мое, а все Божье.

Этой бы голове да железную шею — не было б износу.

Эх-ма! Пропадай Фома!

Этот нос — через реку мост.

Этим салом, да по твоим мысалам.

Это не бьют, а ума дают.

Эта шутка не в лисьей шубке.

Этот кус не для твоих уст.

Это беда — не беда: только б больше не было.

Эка ворона! Залетела в чужия хорома.

Эти кошки облизали ложки.

Этому не бывать, чтоб безрукому воевать.

Эта каша — мать наша.

Эти щи из Питера пеши шли.

Ю

Юла юлит — спать не велит.

Юность к старости — дело не к радости.

Юноши резвятся — старики веселятся.

Юность скачет, старость плачет.

Юность крепнет, старость меркнет.

Я

Языком болтай, а рукам воли не давай!

Язык без костей: что хочет — то и лопочет.

Язык не лопатка — знает что сладко.

Язык доведет до кабака.

Язык не один, и в будни и в праздник.

Язык кормит и поит, и спину порет.

Язык — враг мой.

Я за кусок, а ты за носок.

Язык болтает — голова не знает.

Я за пирог — а гость на порог.

Ярославль городок, Москвы уголок.

Я тебе рад, да боюсь, что ты вороват.

Я тебя выручил, а ты меня выучил.

Я к тебе всей душой, а ты ко мне всей спиной.

Я с тобой — как рыба с водой: по гроб не расстанусь.

Фалелей не нашел в избе дверей.

Федул — всех одул, а Фетис — на суку повис.

Фома не без ума, а Ерема не без промыслу.

Фома большая корма.

Федул губы надул, глаза вытаращил.

Фома не купит ума, и свой не продаст.

Федюшке дали денежку, а он и алтына просит.

Прибаутки,

Перегудки, припевы, присказки, скороговорки, счет и задачи

* * * Шапку долой, а що: глянь: все бо бояре. * * * Эй, Господи Боже, да э-э! Эй, пособи, да э-э! Эй, нам опружить, да о-о! Эй, нам поутюжить, да о-о! Эй, мой куманек, Эй, миленький дружочек! Эй, ты кума — ста! Эй, вечер ты брали — ста, Эй, не побрела — ста. Оу, оу! О, ох, ох!

(Архангельск. губ.)

Свадьба сыча Все гости сошлись — собрались. Одну совушку насилиу дождались. Пришла же сова — Елизарова кума, Села же сова на печной на столб. Сычушка по полу похаживает, Стакан наливаает да сове подает. — Уж ты выпей-ка, Сова Елизаровна! — Не потчуй, Сыч Афанасьевич! А что же ты, Сычушка, не женишься? — Рад бы я жениться — невесты нет. Взял бы я ворону — да тетушка, Взял бы я галку — да божатушка, Взял бы я сороку — щекотлива сука б...дь. — Возьми-ко ты, Сычушка, меня за себя? — А умеешь ли ты, Совушка, ткать да прясть? — Я не тку, не пряду, да не нага хожу. А умеешь ли ты, Сычушка, пашеньку пахать, Пашеньку пахать, в поле хлеб засевать? В городе не пашут, да калачики едят, А в деревне-то орут, да все мякинушку жрут.

(Замошской вол. Кадниковского у.)

* * * — Сколько тебе лет? — Сколько вчера было — того нет. Под столом ходила — Хвост носила, Стол переросла — Коров доить пошла. Косу отпустила — В работницах служила. Пора настала — С молодцом гуляла, Пора прошла — Замуж пошла; Замужем двадцать лет жила — Тяжко горюшко несла. Овдовела — осиротела. Вот тебе и весь сказ! А когда родилась — Память извелась. * * *

— Брат, здорово! — Брату челом! — Ты, брат, отколе? — Я из Ростова. — А что, говорят, в Ростове-то архиерей женится? — Вчерась я пошел, сегодня пришел, случилось мне мимо ростовского архиерейского дома идти: стоят кареты смазаны, свиньи запряжены, хвосты подвязаны. Засвистали, поехали, не знаю куда. А что, говорят, в Ростове бабы-то пшеницу на печке поселяли? — Вчерась я пошел, сегодня пришел, случилось мне мимо ростовских печей идти — жнут бабы пшеницу. — А что, говорят, в Ростове-то озеро сгорело? — Случилось мне мимо Ростовского озера идти, щука да караси по лугам, язи по елям, а плавает ершишка — голышка, глазоньки покраснели, перышки подгорели.

* * * Отчего казак гладок? От того казак гладок: Поел казак, да и на бок, Заботушки никакой У головушки не ропчет И у сердечушки не топчет. * * *

— Брат, здорово! — Брату поклон. — Ты, брат, отколе? — Я, брат, с базара. — Что на базаре? — Возы-то по возам, а деньги-то по мошнам. — А ты, брат, чего купил? — Решето гороху. — Это, брат, добро. — А добро, да небольно. — А что? — Стал высыпать, да просыпал. — Это, брат, худо. — А худо, да небольно. — А что? — Стал ограбить, да четверик нагреб. — Это, брат, добро. — А добро, да небольно. — А что? — А поселял, да редок. — Это, брат, худо. — А худо, да небольно. — А что? — А редок, да стручист. — Это, брат, добро. — А добро, да небольно. — А что? — А пришла попова тарлыга, да все и съела.

* * * Наша водка вину тетка! Раздерет глотку - И пьет водку. * * *

— Здорово брат Пантиха! — Здорово, брат Сидорка! — Все ли у вас дома-то поздорово? — А все бы, брат, поздорово, да одно, брат, нездорово. — А что же? — Да ведь старшаго брата повесили. — За что его повесили? — да за шею. — Да в чем его повесили-то? — В старом будничном кафтане. — Да за какую винищу-то? — Походил в церковницу, украл книгу стихарницу, махарницу, книгу хлопотурницу. И это-то все бы еще ничего, да леший сносил на колоколицу и спихнул там кыркуна. — Вы Ивана-то Семеновича просили бы. — Мы и то его просили, и ягод и брусницы носили, да не берет.

* * *

Бери себе что помещается в утробушке, остаток отдавай — тягость сбавляй; тягость сбавляешь — грехи отпускаешь.

* * *

Все ли благополучно? — Все слава-Богу, только любимый ворон ваш объелся падали. — Да где же он ее нашел? — Да жеребец вороной пал? — Как так? — А как усадьба горела, так на нем воду возили, да загнали. — Отчего же пожар сделался? — Да как хоронили матушку вашу со Светочками, так невзначай и подожгли.

* * *

Летит пуля, жужжит: я в бок — она за мной, я упал в кусты — она меня хвать в лоб, я цап рукой — ан это жук.

* * *

Пеки блины. — Рада бы пекла — да нет муки. — Так и так пеки.

* * *

Продал на рубль, пропил полтину, пробуянил другую — только и барыша, что болит голова.

* * *

За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать — против нас не сыскать.

* * *

За хлебом-солью всякая шутка хороша.

* * *

Верба красна — бьет напрасно, верба бела — бьет за дело.

* * *

Над другом шути — пока краска в лицо не вступит.

* * * Дождик, дождик перестань! Мы поедем на Иордан Богу молиться. Христу поклониться. (Кричат ребятишки в дождь) * * * Сорока-белобока на порог скакала, Гостей поджидала, Кашу варила, Деток кормила. * * * Паточка с инберем, Вареная с инберем; Варил дядя Симеон, Тетушка Арина Кушала — хвалила; Дядя Елизар — Пальчики облизал. * * * Шельма на шельме сидит, шельмой погоняет. * * * Наносил мужик сенца, Поставил среди польца, — Не сказать ли с конца; (докучная сказка). * * *

Шурин по зяте — не наследник.

* * *

Солнышко, солнышко, выглянь в окошечко! Твои детки плачут, серу (смолу лиственницы) колупают, нам не дают, черному медведю по ложке, нам ни крошки. (Детская прибаутка в Восточной Сибири).

* * *

Не для чего иного прочаго, как для единой единственности и совершенного компанства.

***

Не для чего, иного, как прочаго другаго.

***

Сам на кобыле, жена на корове, ребята на телятах, слуги на собаках, кошки на лукошках.

***

Позвал поп кота середи поста: поди кот, возьми пирога в рот; а кот привел с собой и кошурку, да и сел с нею в печурку.

***

Не для чего иного прочаго другаго, а для единаго единства и дружнаго компанства.

***

Не для компанства, а для приятства.

***

Алеша три гроша, шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога: вот ему вся цена.

***

Сегодня праздник, жена мужа дразнит, на печь лезет, кукиш кажет: на тебе, муженек, сладенький пирожок, с лучком, с мачком, с перичком!

***

Чудак покойник: умер во вторник, в середу хоронить — а он в окошко глядит (а он поехал боронить).

***

Около меня свищет — я туда — свищет, я сюда — свищет; беда, думаю — влез на березу — сижу, свищет; ан это у меня в носу.

***

Был себе человек Яшка (Сашка), на нем серая сермяжка, на затылке пряжка, на шее тряпка, на голове шапка — хороша ли моя сказка? (Докучная сказка).

***

Васька-васенок, худой поросенок, ножки трясутся, кишки волокутся — почем кишки? По три денежки.

***

Кот Естафий, ты постригся? — Постригся. — И посхимился? — И посхимился. — Пройти мимо тебя можно? — Можно. Мышка побежала, а кот ее цап. — Оскоромишился, кот Евстафий! — Кому скромно, а нам на здоровье.

***

Пошел я на лыко гору драть; увидал на утках озеро плавает. Я срубил три палки: одну еловую, другую березовую, третьью рябиновую; бросил еловую — не добросил, бросил березовую, перебросил, бросил рябиновую — угодил; озеро вспорхнуло, полетело, а утки остались.

***

Ах вы Сашки, канашки мои, разменяйте бумажки мои.

* * *

Мужик серый, кафтан рослый, на босу ногу топоры, лапти за поясом, под носом румянец, а во всю щеку — что в носу.

* * *

Чудак покойник: умер во вторник; стали гроб тесать, а он вскочил, да и ну плясать.

* * *

Едки трои не получишь, на тошнее заживотит, и на ворчале забрюшнит. (Сутки трои не поешь, на животе затошнит и на брюхе заворчит).

* * *

Жил-был журавль с журавлихой, поставили они стожок сенца — не сказать ли опять с конца (докучливая сказка).

* * *

Небылица в лицах найдена в старых светлицах оберчена в черных тряпицах.

* * *

Жила-была старица одна в сельце, поставила старица зарод сенца; шло буде не ладно — опять с конца (докучливая сказка).

* * *

Был себе царь Додон, застроил он костяной дом; набрал со всего царства костей, стали мочить — перемочили; стали сушить — кости пересохли, опять намочили, а когда намокнут, тогда доскажу.

* * *

Шел мужик, а ему на встречу три мужика: солнце, ветер и мороз. Мужик поклонился ветру. Солнце сказали: я тебя сожгу; а ветер: я тебя не допущу. Мороз молвил: я тебя заморожу; а ветер: я тебя отдую. (Рязань).

* * *

Нет ли вошки, нет ли блошки — один червячек, да и тот золотой: бить или на волю пускать? (Игра??)

* * *

Сорока-ворона кашку варила, на порог скакала, гостей призывала: этому дала (по пальцам), тому дала, а этому не досталось (шиш на головку).

* * *

Гуси в гусли, утки в дудки, вороны в коробы, тараканы в барабаны, коза в сером сарафане, корова в рогоже, всех дороже.

Скороговорки

* * *

По ремешку, по бревешку боком проведу кобылку.

* * *

Семь-те стрел каленых страшилище.

* * *

Ал лал, бел алмаз, зелен изумруд.

* * *

Сенька везенька, вези бабу на санках: санки скок, Сеньку в лоб.

* * *

Около кола три хвоя вьются.

* * *

Выдерни лычко из-под кодычка. Лычко из под кодычка.

* * *

Около ямы три хвои вялы; на хвой стану, хвой достану.

* * *

На семеры сани по семеры в сани.

* * *

Из-под кислаго молока, из-под простоквashi.

* * *

В один, Клим, клин колоти.

* * *

На улице с лаптем, с девтериком — нам не до лаптей, не до девятериков.

* * *

Сыворотка из-под простоквashi.

* * *

У сыра дуба, у суха сука, белошерста сука.

* * *

Шит колпак, вязен колпак, да не по-колпаковски.

* * *

Круг прорублю, мать проведу, сестру выведу.

* * *

Стоит шапочка на окошечке, не подъявлена, не выявлена: пришел хват подъявить; подъявил и выявил.

* * *

Белогубы огурцы, молодцы белопупы.

* * *

Полчетверти четверика гороху без червоточинки.

* * *

Как-то нам будет перед антихристом-то стоять.

* * *

Худ идет в гору, худ идет под гору; худ худу бает: ты худ, я худ; сядь худ на худ; погоняй худ худом, железным прутом.

* * *

У нас на дворе подворье погода размокропогодилась.

* * *

Нашего пономаря не перепономаривать стать.

* * *

Из-под Костромщины шли четыре мужчины; говорили они про торги да про покупку, про крупу да про подкрупки.

* * *

Шли четыре попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича.

* * *

Съел молодец тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом.

* * *

Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком.

* * *

Два дровосека, два дровокола, два дроворуба говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

* * *

Здорово отец, братец, сестрица, приятель, друг — скажи челобитье поклон: прости отец, мать, дедка, батюшка, братец, сестрица, птича, курича.

* * *

Иван болван — молоко взболтал, да не выболтал.

* * *

Хохлатыя хохотушки хохотом хохотали ха, ха, ха, ха!

* * *

Брат Аркадий зарезал буру корову на горах Ааратских.

* * *

Не диковина полубрату сказать про Поликарпа.

* * *

Петр Петров, по прозванью Петров, поймал птицу пигалицу; понес по рынку, просил полтинку, подали

пятак, он и продал так.

* * *

Бык тупогуб, тупогубенький бычек, у быка бела губа тупа.

* * *

Шли сорок мышей, несли сорок грошей; две мыши поплоше несли по два гроша.

* * *

Бежит кошка по небу, догоною да поиму.

* * *

Бык тупогуб, у быка губа тупа.

* * *

По двору, подворью, в добром здоровье.

* * *

Бежит лиса по шесточку, лизни лиса песочку.

* * *

Рыла, рыла свинья, вырыла полрыла.

* * *

Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полурыла, до норы не дорыла.

* * *

Рыла свинья тупорыла, белорыла, весь двор перерыла, вырыла полрыла.

* * *

Утка моя, селезнюха моя, не летай за реку, не клюй песку, не туши носку.

* * *

От топота копыт конска.

* * *

Летят три пичужки, через три пусты избушки.

* * *

От топота копыт пыль по полю летит.

* * *

Курочка честра-пестра, уточка с носка плеска.

* * *

Кубра на кубру щи варила, пришедши букара, да выхлебала.

* * *

Ползет глиста по шесточку, глони глиста песочку.

Припевы

Эх раз по два раз! Расподмахивать горазд; кабы чарочка винца, два стаканчика пивца, на закуску пирожка, для потешки девушка. *** Шейка копейка, алтын голова, сто рублей борода. *** Шурьян — камрад сам прокурат — трах-тара-ра-ра-ра. *** Ай овсень, ай овсень! Таусень, таусень! *** виноград, красно — зелена моя. Ой дидо, ой ладо! Ой калина моя, ой малина моя. *** Ай, люли, люли! Ай люшеньки люли! Сею, вею, вею, сею. *** Ой дидо калина моя, ой ладо малина моя! *** Шары, бары, растобары, белы снеги выпадали, серы зайцы выбегали, охотнички выезжали и красну девку испугали; ты девица стой, красавица пой! *** Ой дидо ладо (затем следует повторение последняго в стихе слова). *** Ах Дон, ты наш Дон, сын Иванович Дон! *** Ой жги, говори, договаривай! *** Черви, жлуди, вины, бубны. *** Шилды — булды пачики — чикалды, шикалды — валды, бух — булды. *** Ой, жги, ври, говори! *** Ой, жги, говори (затем следует повторение последняго стиха).

Присказки

Растет не по дням, по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет.

***

Облачается небесами, подпоясывается зарями, застилается звездами.

***

Сивка бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой.

***

Тише воды, ниже травы. Слышно как трава растет.

***

Огнем дышет, полымем пышет. Полымя из ноздрей, пар (дым) из ушей.

***

С молодецкаго посвисту пыль столбом.

***

Во лбу светел месяц, в затылке часты звезды.

***

Хвостом след устилает, долы и горы промеж ног пускает.

***

Конь бежит, земля дрожит, из ушей полымя пышет, из ноздрей дым столбом (или полымя из ноздрей, дым из ноздрей).

***

Конь копытом бьет, удила грызет.

***

Под темными лесами, под ходячими облаками, под частыми звездами, под красным солнышком.

***

Попрыски (след) молодецкие, ископыт (комья из-под копыт) багатырская.

* * *

Из милости траву-мураву досягает.

* * *

Утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, вода всколыхалась.

* * *

По локоть в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре.

* * *

Небылица в лицах.

* * *

Не за былью и сказка гоняется.

* * *

Чур мою сказку не перебивать; а кто ее перебьет, тот трех дней не проживет (тому змея в горло заползет).

* * *

Из сказки (из песни) слово не выкидывается.

* * *

Избушка, избушка на курьих ножках: повернись к лесу задом, ко мне передом!

* * *

Стань передо мной как лист перед травой!

* * *

Я сам там был, мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало.

* * *

Стань, белая береза, у меня назади, а красна девица напереди!

* * *

Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка.

* * *

Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни, волчий хвост.

* * *

Жил-был царь овес, он все сказки унес.

* * *

Сказка от начала начинается. До конца читается, в середке не перебивается.

* * *

Ни словами (ни в сказке) сказать, ни пером написать.

***

Не сизый орел, не ясный сокол подымается... Не лебедь белая (серая) выплывала... Не белы снеги в чистом поле забелились... Не черны леса дремучие чернеются... Что не пыль в поле подымается... Не туман сизый с раздолу подымается...

***

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

***

В некотором царстве, в некотором государстве.

***

В тридесятом царстве, за тридевять земель, в тридесятом государстве.

***

Полетела птица синица за тридевять земель, за сине море-окиян, в тридесято царство, в тридевято государство.

***

На море, на окияне, на острове на Буюне, лежит бел-горюч камень Алатырь.

***

Свистнул, гаркнул, молодецким посвистом, богатырским покриком.

***

Берега кисельные, реки сытовыя (молочныя).

***

На море, на окияне, на острове на Буюне, стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого мокай да ешь.

***

На поле — поляне, на высоком кургане.

***

Под светлым месяцем, под белыми облаками, под частыми звездами и пр.

***

Шапка-невидимка. Сапоги-самоходы. Скатерть-хлебосолка. Сума — дай пить и есть. Коврик — самолет и пр.

***

В чистом поле, в широком раздолье, за темными лесами, за зелеными лугами, за быстрыми реками, за крутыми берегами.

***

Гусли самогуды: сами заводятся, сами играют, сами пляшут, сами песни поют.

***

Вправо поедешь (по раздорожью) — коня потеряешь, влево поедешь — самому живу не быть.

* * *

Баба-яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирает, помелом след замetaет.

* * *

Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли.

* * *

Чудо-юдо, мосальская губа.

* * *

Доселе русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух в очью является.

* * *

Мертвой и живой воды добыть.

* * *

Мальчик-с-пальчик. Девочка-снегурочка. Девчурка-снегурка.

* * *

За белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти бранныя, за явства сахарныя, за питья медовыя.

* * *

Семи пядей во лбу. Промежь глаз калена стрела укладывается.

* * *

Мертвой водой окропить — плоть и мясо сростаются; живой водой окропить — мертвый оживает.

* * *

Меч кладенец. Калена стрела. Тугой лук. Копье булатное мерзамецкое.

* * *

Свинка — золотая щетинка. Конек горбунок. Сивка бурка, вещий каурка. Змей-горыныч.

Счет и задачи

1.

У нас скота много было: был один баран. Не хватило у нас соли, послал жену на базар: «Поди продай барана, купи соли, а барана назад привези, барана заколи, да в стадо отгони, кума в гости позови, купи полштоф вина». Кум ел да похваливал.

(Шерсть продали, а барана выложили).

2.

Восемь шли, Грош нашли, По многу ли досталось?

3.

Шли семь старииков, Несли семь подогов; На всяком подоге По семи сучков; На всяком сучке По семи кошелев;
Во всяком кошеле По семи пирогов; Во всяком пироге По семи воробьев; Во всяком воробье По семи пупков.
Сколько всего?

4.

У меня был тесть бородатый; купил тысячу веников, заплатил по три денежки сто.

5.

У полусемых мышей Много ли ног да ушей?

6.

У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всех?

(Одна)

7.

Шли столбцом: Сын с отцом, Да дед с внуком. Сколько их?

(Три)

8.

Ты, да я, да мы с тобой. Много ли их стало?

(Двое)

9.

Один дед, два отца и два сына в трои сапоги обувались все?

(Три)

10.

Сидят три кошки; против каждой кошки — две кошки. Много ль всех?

(Три)

11.

Шел муж с женой, да брат с сестрой, да шурин с зятем. Много ль всех?

(Троє)

12.

Шли межою Муж с женою, Брат с сестрою, Шурин с зятем. Много ли хватит?

(Три)

13.

Жал молодец с девицей, им — на встречу барин на тройке. «Молодец! тебе не довлеет с девицей жать поздно вечером». — А что же нам не жать? Мы, говорит, родные! «Да как вы родные?» — Да моя то, говорит, мать ея матери — родная свекровь.

(Отец и дочь)

14.

Ездил мужик на юг, купил веников на рубль; каждое сто по три деньги шло, а последнее сто за копейку купил. Много ль он веников привез?

15.

Летела стая тетеревов, села на рощу деревов, по двое на дерево сядут — одно дерево лишнее, по одному сядут — один тетерев лишний.

16.

Шло семь старикив; каждый старикик нес по семи костылей, на каждом костыле — по семи рогалей, на каждом рогале — по семи кошелей, в каждом кошеле — по семи пирогов, в каждом пироге по семи воробьев. Сколько было воробьев?

17.

Триста веников, Пятьсот голиков, По три денежки сто. Много ли рублей?

18.

Шли не мало: брат с сестрой, муж с женой, да шурин с зятем. Много ли их стало?

(Три)

19.

Волк съест козу, коза съест сено (капусту), а перевезти через реку можно только по одному. Как их перевезти?

(Два раза козу перевезть)

20.

Купить по сто рублей сто скотин, платить и по десяти и по пяти рублей и по пятидесяти копеек. По сколько скотин придется на каждую цену?

21.

Сидело семь галиц; я стрелил, трех убил. Много ли осталось?

(Четыре)

22.

Старик с мальчиком шел; мальчика спросили: «какая тебе родня старик?» Он отвечал: «Его матушка моей матери свекровь». Какая это родня?

(Дядя)

23.

Мальчик милостыню подавал; спрашивают его. «По ком?» Да она, говорит, мне не мать и не мачиха, а отцу законна жена.

(Сын мачихи и первая жена)

24.

Шли муж с женой, брат с сестрой, да кум с кумой; нашли полтора хлеба — разделили по полуухлебу?

(Три)

25.

Шли гурьбой: Теща с зятем Да муж с женой; Мать с дочерью, Да мать с дочерью, Да бабушка со внучкой, Да дочь с отцем. Много ли всех?

(Четверо)

26.

Вез один мужик волка, козу и капусту и надо было ему переехать через реку в небольшой лодке, а каждую вещь перевезти по одиночке. Если перевезти волка и козу, то волк съест козу, если капусту и козу, то коза капусту съест. Как же он перевез?

(Два раза козу перевез)

27.

Летело стадо птиц на рощу, сели по две на дерево — одно дерево осталось; сели по одной — одного не достало. Много ли птиц и дерев?

28.

Стояло сорок столбов, У каждого столба по сорок Кольцов, У каждого кольца по сорок жеребцов. Много ли было жеребцов?

29.

Купила баба куров на пять рублей; каждый кур — три копейки, а последний — две?

30.

Один молодец подошел к лавке пряничной и говорит продавцу: «Дай мне на десять копеек пряников четырех сортов: двухкопеечных, копеечных, полукопеечных и четверть копеечных, так чтобы и пряников было десять ровно». По сколько пряников каждого сорта дать нужно?

31.

Пили, гуляли в трактире двадцать человек, прогуляли двадцать рублей. Мужик на четыре рубля нагулял, а

баба — на полтину, а девка — на двадцать пять копеек. Почем на человека?

32.

На двадцать рублей купи двадцать людей: бабу по рублю, девку — по полтине, мужика по пяти рублей.

33.

Летело стадо гусей; попадается ему на встречу гусь и говорит: «Здравствуйте сто гусей!» Они ему отвечают: «Нас не сто гусей, а как было бы еще столько, да полстолько, да четверть столько, да ты бы, гусь, с нами, то и было бы нас сто гусей». Сколько их летело?

(Тридцать шесть)

34.

Денег: пять денег, грош, копейка, денежка стара. Много ли стало?

35.

Муж с женой, отец с сыном, да мать с детьми. Сколько всех?

(Три)

36.

Шли: теща с зятем, муж с женой, бабка с внучкой, мать с дочкой, да дочь с отцем.

37.

Шли две матери с дочерью, да бабушка со внучкой; нашли полтора пирога. По много ль досталось?

(По половинке)

38.

Жали у поля два жнеца, приехали два купца. «Коли муж с женой, то Боже поможе, коли брат с сестрой то нас размешши». — Ни муж с женой, ни брат с сестрой, а ея матушка, моей матушке свекровь была.

(Сын)

39.

Его мать моей матери одним одна дочь.

(Дочь)

40.

Что такое: ни мать, ни мачиха, а моему отцу родная жена.

41.

Сын отца моего, а мне не брат.

42.

«Здравствуйте мои братцы, жены моей дети! Скажите своей матери: «Твой муж пришел!» Притом знайте вы, что ваш отец и мне отец, я ваш брат, а жена моя вам мать».

(Дети, прижитыя солдаткой со свекром)

43.

Батька с сыном, да батька с сыном, да дедушка со внуком. Много ли стало?

(Три)

44.

Шуринов племянник, как зятю родня?

(Сын)

45.

Здравствуйте братцы, моей жены детки! Скажите своему отцу, что его жены муж пришел.

(Дети, прижитыя солдаткой со свекром)

46.

Мать с дочерью, да мать с дочерью, бабушка со внучкой. Много ли их всех?

(Три)

47.

Шел я по дорожке и увидел, сидит дитя и говорит: «Есть у меня отец и мать, а я сам не сын».

(Дочь)

48.

Что милее ста рублей?

(Двести)

49.

Сидит тихо, говорит лихо: «Тихо погляди в окно — нейдет ли кто?» — Идет кортя, ведет вортю. Бери чилим, полезай в Адам, в Адаме есть ли душа?

(Сноха, свекровь, свекор, жбан, погреб, пиво)

Мы люди не грамотные, Едим пряники не писаные.

Некоторые из помещенных здесь народных присловий, а именно в числе около 50, были собраны и записаны мною лично. Причем, помещены здесь были только те из записанных мною присловий, которые до сих пор нигде еще не были напечатаны.

Все предшествовавшие бытописатели представляли вниманию читателя то, что каждый находил по своему более целесообразным, я же, не делая никаких исключений в данном случае, поместил здесь все то, что слышал про старину от старых людей и что записал как более или менее любопытное.

Народные присловья

АРЗАМАСЦЫ

Лукоеды — Гусятники.

АРХАНГЕЛЬЦЫ

Морожееды. «Иванович, Иванович! Слезь с крыши, я к тебе приехала!»

Жена какого-то архангельского поселянина, соскучась по муже, решилась искать его в Петербурге. Зная, что ея муж промышляет кровлею крышек, она не спрашивала его в дворах и домах, а высматривала все по крышам. Вдруг ей показалось, что на одной крыше стоит ея муж. Да, это он, точно он, как живой стоит, думает она. «Иванович, Иванович! Слезь с крыши, я к тебе приехала!» Проходящие будто едва могли уверить, что на крыше стоит не муж, а статуя.

БАЛАХОНЦЫ

Балахна стоит рот распахня.

БОЛХОВИТИЯНЕ

Рака с звоном встречали. «Вот воевода к нам ползет, щетинку в зубах несет».

БОРИСОГЛЕБЦЫ

Кислогнездые. — Большая часть жителей Борисоглебска состояла прежде из скорняков и коейщиков. Дома и дворы их, наполненные сими фабричными заведениями, издавали самый неприятный запах. Прохожие, проходя Борисоглебск, с досады говорили: «Кислогнездые!» — Ныне этот попрек совершенно уничтожился, и осталось одно предание.

БОРОВИЧИ

Луковники. «Луку, луку зеленаго!»

Поселяне Боровского уезда искони занимались огородною промышленностью, и осенью, проезжая по селениям с своими товарами, кричали во услышание всех: «Луку, луку зеленаго!»

БРЯНЦЫ

Куралесы. — Брянская коза.

В старину брянские поселяне считались странными людьми наших стариков. Бывало, поедут ли на торг, а приедут или к кружалу или на гумно. В этом виноваты были их лошадки, а поселянин как выезжал из двора, так уж спокойно засыпал. Проезжие, видя их беспечность, прозвали их куралесами.

БЕЖЕЧАНЕ

Колокольню рожком подколотили.

В старину еще, жители города Бежецка очень любили нюхать табак, и держали его в роге. Соберутся к церкви в праздничный день за час, чтобы к началу поспеть, расположиться на паперти, и давай один другого табаком подчивать; разумеется сперва рогом постучат в стену или о паперть. Вот отсюда и пошло присловье.

БЕЛОЗЕРЦЫ

Белозерские снятки.

Известные Белозерские снятки, продаваемые по русским городам, доставили белозерцам это прозвание.

БУЕВЦЫ

Буй да Кадуй чорт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел. Буй городок — отбей кошелек. — Домосады. — Лесники.

Есть народное предание, что когда-то татары хотели разорить город Буй; но, не зная к нему дороги, шатались из леса в лес. Буевцы, смеясь татарским баскакам в Москве, говорили им: «Буй да Кадуй чорт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел».

ВАЛДАЙЦЫ

Колокольники. — «Молодец! купи баранок, а поцелуй в придачу».

ВИЛЬНЯНЕ

Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал. В Вильне семь дорог для жида и три для поляка.

ВИТЕБЦЫ

Волынка и гудок сбереги наш домок; соха и борона разорили наши дома.

ВАРНАВИНЦЫ

Медовики.

ВЕТЛУЖАНЕ

Санники. Санник, тележник, а выехать не на ком.

ВИЧУГОВЦЫ

Салфеточники.

ВЛАДИМИРЦЫ

Постовские каменщики.

Клюковники. — «По клюкву, по клюкву, по красную клюкву».

Многие из владимирских поселян хаживали зимою по городам и селам с клюкою и причитывали разные присказки о своей клюкве. Горожане подметили их слова и обрекли в поперек.

— Собирались кулики на болоте сидючи, они суздальцы да владимирцы, и волынка и гудок.

Это присловие составилось из народной песни, в селении Гуслицы, про Владимирцов.

— Деревянныя печи, золотыя ворота, железныя церкви.

Есть народное предание, что владимирцы приехали когда-то в Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвалибы владимирских, да с досады и говорили: «Ох вы, плотники! У вас и всего де: деревянные печи, золотыя ворота, железныя церкви». Деревянная печь действительно находилась в старом архиерейском доме, близь Успенского собора; золотыя владимирские ворота получили свое название от золотой главы; железная церковь, стоявшая там близ Рождественского монастыря уничтожена была в конце XVIII века.

Кто из владимирских жителей не знает старинной прибаутки о самих себе: наши молодцы не дерутся, ни борются, а кто больше съест, тот и молодец.

ВОЛЫНЦЫ

Будемо ляхив и жидов ризати! — или мамо! Закрый мини очи, нехай не дывлюся на того нешднаго ляха.

ВАРШАВЦЫ (или варшавяне)

Поляк глупой все купит, а москаль сдерет, даром возьмет; француз выдумает, немец сделает, поляк купит.

Московский час — подожди.

ВЕЛЬЦЫ

Судить рядить не умею, а на воеводство сядет.

ВОЛОЖКАНЕ

(или вологодцы)

— Теленка с подковкой съели.

— На словах, как на масле, а на деле, как на Вологде.

— Толокном Волгу замесили.

— Наши не велики да цапки: семеро одного не боятся.

— Сорок на сорок идет, а если сорок один, — то и катомочки отдадим.

Чудь белоглазая.

Старинная сказка о вологодцах — как они толокно месили в Волге, — досель сохраняется в народных преданиях. Говорят, что когда-то они собрались в дорогу и взяли с собой вместо хлеба толокна. Подходят к Волге; время было обеденное. Вот и расположились на берегу обедать. Кашевар вынул мешок с толокном и стал разводить Дежень в Волге. Мешал, мешал ложкой, и стал подчивать земляков. Взяли ложки дружно вологодцы, приналинулись и полезли в Волгу за Деженем. Попробуют: вода, водой. Где Дежень? Никто не знает, не ведает. Пристали к кашевару. Бедный, сколько не уверял, а должен был опуститься в Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и выплынет ни с чем. Земляки не пускают его на берег. Догадался кашевар, что делать, а догадавшись сказал: «Водяной съел».

— На Водяном не будешь отыскивать, — сказали вологодцы и воротились обедать в свою деревню. Ведь не голодным же было идти в путь.

ВЫТЕГОРЦЫ

— Камзольники.

ВЯЗМИЧИ

— Прянишники.

— «Мы люди не грамотные, едим пряники не писаные».

— Коврижки с анисом.

— Глупая Вязьма, безтолковый Дорогобуж.

ВЯТИЧАНЕ

— Вятская баталия.

— Хлыновские бояре.

— Свистоплясцы.

— Слепороды.

— Вятка, всему богатству — матка.

Вятская баталия, говорят, происходила между вятчанами и морским чудовищем. Неизвестно, кто эту баталию перенес на лубочныя картинки.

Слепородами вятчан прозвали после несчастной их битвы с устюжанами. Это было в 1480 году, когда к ним они пришли, как соседи, на помошь против татар. Вятчане открыли сраженье против устюжан ночью под предводительством Михаила Разсохина, а устюжанами управлял новогородский выходец Анфал. С разсветом дня увидали они, что били своих соседей, а не татар.

ГАЛИЧАНЕ

— Що царь галуньки.

— Корову в баню тащили.

— Город Галивон, озеро Мирон, а люди Кривичи.

— Овчинники.

— Толокно веслом в реке мешали, и толокна не достали.

— Галиchan наши деды называли кривичами по их хитрости и оборотливости в торговых делах. Сказка о толокне почти одинаковая с вологодскою.

ГЛУХОВЦЫ

— Попутный табачек.

Греки дают русским прозвище, обратившееся в поговорку: русый, рыжий народ; они имеют также присказку, будто русский в Константинополе, не нашедши квасу, сказал: «Что за город это, что и квасу в нем нет!»

ГРЯЗОВЦЫ

— Сорок кабаков, одна церковь в грязи потонула.

ГУСЛИЦЫ

(село Владимирской губ.)

— Собрались кулики на болоте сидюча, они Сузdalьцы, володимирцы и волынка и гудок.

ДАНИЛОВЦЫ

Барана в зыбке закачали.

Один из даниловцев когда-то украл ягненка: к нему пришли в дом с обыском. Не зная куда девать покражу, вор спеленал ягненка и положил его в колыбель, желая тем ввести в заблуждение сыщиков и избавиться от неминуемого наказания.

Пришедшие с обыском застали вора за качанием колыбели, в которой лежал вместо младенца спеленатый ягненок. Когда обратились к вору с допросом, то вор, не долго думая, ответил следующей клятвой: «Вот вам правая рука, даю через милое дитя, да и ему бы на ноже поторчать!»

Благодаря такой находчивости вор избавился от уличения в краже и не найденный ягненок остался в его полную собственность.

— Любимые ловцы.

— Даниловцы, невыдавцы.

— Кошкодавы: кошку не купили, а на базаре задавили.

ДЕДНОВЦЫ

— Макары.

Есть в народе предание, что Дедновцы Рязанской губернии отправили своего старосту с выборными людьми от всего мира встретить Петра Великаго с хлебом — солью. Государь сказал: «Хорошо!» Потом спросил у других об их именах.

Дедновцы будто вообразили, что имя старосты их нравится царю, все до единаго назывались Макарами. Государь на это сказал смеясь: «Будьте же все вы Макарами!» С тех пор и зовут их Макарами.

ДМИТРОВЦЫ

— Лягушешники.

Болота, окружающие Дмитров, всегда бывают наполнены лягушками. Прохожие и проезжие, проезжая через этот город, бывали оглушены кваканием лягушек, и в негодовании прозвали и самих жителей — лягушками.

ДОНЦЫ

— Ивановичи.

ЕГОРЬЕВЦЫ

— Головотяпы.

ЕЛЬЧАНЕ

— Сычужники.

— Радуга ушат воды выпила.

— У нас в Ельце, на Сосне реце, курица втенка (утенка) вывела.

Одна ельчанка когда-то летом поставила на дворе ушат воды, чтобы солнышко нагрело воду, а сама занялась хозяйством. В это время пришла корова и выпила воду. Приходит сын с базара. Мать высыпает его посмотреть воду. Сын выходит на двор и видит: воды нет, а радуга распространилась над ушатом.

Вот он и кричит своей матери: «Матушка, матушка! Радуга ушат воды выпила».

ЕФРЕМОВЦЫ

— В кашеле — кашу варили.

Ефремовцы зимою ходят с образами в Москву, и всю съестную провизию кладут в личные, плетеные кашели. Когда-то у них вышел весь запас каши, а без каши, известное дело, мужику жить нельзя. В чем же варить? Где горшок взять? — думали мужики собравшись в кружок. Вот и придумала одна умная голова: «Будем же, ребята, варить кашу в кашеле». Сдуманное дело тут же затеялось. Нальют воды в кашель, засыпят круп, посмотрят: крупы целы, воды нет. Снова нальют воды, а вода опять пропадет. Выбились ефремовцы из сил. Вот и придумала одна умная голова: «А що, ребята, неволить себя, будем варить кашу без воды?» Сдуманное дело тут же затеялось. Разложили огонь, повесили над ним кашель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-русски, вспомнили про кашу, да и все пошли к огню. Приходят — нет ни каши, ни кашеля — все сгорело.

ЕГОРЬЕВЦЫ

— Сам нож точит, а говорит: «Не боюсь!»

— Рудометы, коновалы.

ЕНИСЕЙЦЫ

— Гробовозы.

Во время одного из пожаров, бывших в Енисейске, некто из городских богачей, желая скрыть от любопытных взоров свои сокровища, положил их в гроб, который и сплавил на плоту по Енисею.

ЗАДНЕПРОВЦЫ

(или Запорожцы)

— Задрипанцы.

Так киевляне в старину величали запорожцев за их неопрятность.

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ

Омулятники — так как омуль (род сельдя, ловится в озере Байкал) составлял в Забайкалье лет 20 тому назад, главную народную пищу; теперь же он — «в сапожках ходит», — и продается на базарах по 10-15 к. за штуку.

ИВАНОВЦЫ

— Богат да хвастлив, как ивановский мужик.

ИРКУТЯНЕ

Иркутян называют «бакланами»; должно быть они уж очень ловко умеют найти и захватить добычу.

КАДНИКОВЦЫ

— Водохлебники. Баские. Форсуны. Толоконники.

— Теленка с подковкой съели.

КАЗАНЦЫ

— Казань прогребли и орду прошли.

КАДЦЕВЦЫ

— Кадошники.

КАЛУЖАНЕ

— Калужанин поужинает, а туляк так ляжет.

— Щагольники: Щагол щаглует на осиновом дубе, да воскогуркнет: «ткау! ткау!»

Наша Калуга Москвы более не более, а калачами да квасом удалей.

— Козла в соложеном тесте утопили.

КАЛЯЗИНЦЫ

— Свинью за бобра купили.

— У нашего Макара по три деньги Натальи, а грош дай, любую выбирай.

КАПОРЦЫ

— Крошевники.

— Капорское крошево и кисло и дешево.

КАРГОПОЛЬЦЫ

— Чудь белоглазая, сыроеды.

КАШИНЦЫ

— Собаку за волка убили да деньги заплатили. Водохлебы.

Когда-то кашинцы собирались поохотиться. Сборы были долги: да зато собирались всем городом. Вот и спрашивают друг у друга: что бить? Что ловить? Мир придумал, пригадал бить волков. Далеко ходить было некуда; лес рос под ногами. Стали по облавам и ждут зверя. Бежит зверь немудрый. Кашинцы вскрикнули разом, подняли дубины, да и давай мачалить зверя. Лежит зверь убитый, а какой? Тут только мир спознал, что убита воеводина собака. С воеводом даром не сладишь; собрали со всех дворов окуп, да и помирились с ним.

КАШИРЦЫ

— Шапку долой! — А що? — Все бо бояре.

Каширские поселяне, проезжая с барщины по Каширской дороге, посвюду встречали избы с трубами, вороты с растворами, сани с козырями, точь в точь, как на барском дворе. Староста Артема отдал приказ мужикам: «Когда въедут в таку деревню, то снимать всем шапки». Староста был мужик смышеный и догадливый; он прежде слыхал, что в таких деревнях живут только господа, а потому-то велел мужикам снимать шапки. Лишь только въедут в деревню, мужики уж друг другу кричат: «Шапку долой! А що? Глянь, все бо бояре». После открылось дело, что в таких деревнях жили не бояре, а однодворцы.

Про каширских однодворцев в народе известна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились пред чертом. Чорт, собравши виноватых со всех деревень, положил их в решето да и понес на базаре продавать. Известное дело, что он не ходит, не ездит, а только летает. Поднялась буря. Чорт давай разгонять бурю. В это время решето повернулось, а однодворцы посыпались на каширские поля. С тех пор, говорят, они живут там целыми селениями.

КИЖАНЕ

— Золотую грамоту просили.

КИМРЯКИ

Петуха на канате кормили, чтоб на чужую землю чрез межу не перешел.

— Склейенный сапог.

— Свои сапоги на лапоть променяли, лапти мол, нашего товара прочнее.

КИНЕШЕМЦЫ

— Суконщики.

— Кинешма да Решма кутить да мутить, а Вологда — убытки платить.

КЛИНОВЦЫ

— Лапотники.

КОСТРОМИЧИ

— Лучше бы три раза погорела, чем раз овдовела.

— Костромичи в кучу, ярославцы прочь, они на руку не чисты; лапти растеряли, по дворам искали, было шесть, стало семь.

— Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка.

КОЛЯЗИНЦЫ

— Толоконники.

Они свинью за бобра купили, собаку за волка убили.

КИНЕШЕМЦЫ

От Решмы до Кинешмы глазами докинешь ли?

КОРЕГИ (около Буи)

Корегский барин сам орет и пашет.

КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬЦЫ

Каменец-венец, кругом вода, а в середине беда.

КОЛОГРИВЦЫ

— Дегтярники.

КОЛОМЕНЦЫ

— Чернобелые.

КРАПИВЕНЦЫ

— Сено с колокольным звоном встречали, а воеводы не видали.

Как-то раз прослышали крапивенцы, что с Соловы поднялся к ним воевода. Нарядились миряне в праздничные кафтаны, и сели по лавкам. А чтоб знать, когда встречать воеводу, то послали десятского на колокольню с наказом: «Как будет» де «подъезжать воевода, звони».

Заклубилась пыль по дороге, десятский зазвонил, затрезвонил. Вышли миряне с хлебом-солью, глядеть, едет мужик с сеном. Ему-то миряне и били челом.

КРЕМЛЯНЕ

— Живет в Кромах, в разных домах.

ЛИВЕНЦЫ

— Соломатой мост обломили.

В какое-то незапамятное время приехал в Ливны на воеводство воеводич. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли в подарок воеводичу. Поехал обоз с соломатой по мосту, а мост ни крытый, ни шитый, из тычинок собранный, хворостом покрытый, под соломатой-то и подломился.

ЛИХВИНЦЫ

— Лихвинские горы, да Новосильские воры — злее всех.

ЛУЧАНЦЫ

— В Луцке все не по людски, на вколо вода, в средине беда.

Это старинное присловье произошло от униатов и жидов, наполнявших город в начале XVII столетия. Точно такое же присловье говорили и о Каменце. «Каменец — венец, кругом вода, в средине беда».

ЛЮБИМЦЫ

Козу пряником кормили.

Водохлебы.

Не учи козу, сама стянет с воза, а пречиста рука все причистит.

Двенадцатый час, а матушка из миру не бывала.

Сын из Питера приехал с часами, половым там был, а матери ничего не высыпал, так что та по миру начала ходить, подаянием жить.

В старину любимские поселяне не живали дома, а переселялись в поднощики по кржалам и харчевням, где они, как страстные любители чаю, получили прозвание водохлебов и бухвалов.

В незапамятную старину двое любимских поселян собрались покататься на маслянице. Заложили лошадь в сани. У обоих были одни сапоги; вот они надели их, кто с права сидел на правую ногу, а кто с лева — на левую. Тех двух ног, что внутри саней и не видать, что оне в лаптях, а все же питерщиной нужно побахвалить.

Выехал экипаж: дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь три дня некормленая. Едут да остановятся, будто конь их до того заселся и горячится, что лезет из хомута вон; а конь из-за голода ни с места и без хомута. Принялись мужики за кнутья, под гору бьют в четыре кнута, а с горы — в десять, конь стоит все тут же.

ЛАДОЖАНЕ

Щуку с яиц согнали.

ЛУГОВЦЫ

Разнощики.

ЛИФЛЯНДЦЫ

Железные рыцари.

МАЛОРОССЫ

(или мароссияне)

Мозенинцы.

Хохлы.

Чубы.

Хохол глупее вороны, а хитрее чорта.

Москаль продал с хохла пояс на ярмарке за три деньги, а хохол в придачу пошел ни за калач, ни за денежку.

Цап (козел) ведет сто баранов на базаре, а татарин сто хохлов в Крым. — Что это за люди? — Мы бо не люди, а малороссы.

Казак коли не пье, та воши бье, а все-таки не гуляе.

Чубы. Это прозвание происходит от обычая у малороссиян оставлять на маковке головы чуб или клок волос; между тем как у запорожцев отпускался один лишь длинный клок волос на голове — от макушки — и назывался оселедец; этот клок завертывался за правое ухо.

Сказывают, будто бы, когда императрица Елизавета Петровна, увидав малороссиян, пришедших в Питер с волами, спросила их: «Что вы за люди?» — Они гордо отвечали: «Мы бо не люди (т. н. не рабы), а малороссияне».

МОЖАЙЦЫ

Можайский ветер.

Такое название вероятно дано можайцам из-стари по той причине, что они легко переходили от одного властителя к другому, например: от москвичей к Шемяке, потом к полякам против князя Василия Васильевича

Темнаго.

МОСАЛИ

Гуторы гуторили, гуторили да и загуторили воеводу.

Матушка Заугра, не потопи нашего города Масальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то мосальцы отправили своего старосту Гаврюшку проведать в Москву, почем там православные принимают людей на заработки?

Староста выехал в санях прямо по реке Угре, дело было во время ростепели. Река Угра поднималась из берегов. Староста долго не думал, сел в сани, махнул кнутом по лошади, и взъехал прямо на льдину, а масальцы провожали его всем миром. Вдруг вода поднялась из берегов, икры пошли за икрами, старосту затерло во льдинах. Изахались мосали, припали к берегу и стали голосить: «Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!»

МЕЦНЯНЕ

Амчинина быте во двор.

Бабы кружевницы — мужья лежебоки.

Когда-то мецняне, обиженные летом проезжими, вздумали зимой отыскивать виноватых. Летом было не до того им: то сенокос, то жатва. Зимой другое дело: с печи да на палати, с палатей да на печь. Собрались миром и стали толковать: где же искать проезжих? Известное дело, на постоянных дворах. Долго не думали, собирались всем миром на одних санях, да отправились в дорогу. Куда ни приедут, везде находят виноватых. Расправа коротка: в кнуты да в дубины. С тех пор мценские дворники не могут равнодушно слушать, когда им говорят: «Амчинина быте во двор!»

МОСКВИЧИ

Рака со звоном встречали.

Московский час — подожди.

С москалем дружи, а камень за пазухой держи.

Москаль не велик человек, а опасен.

Правда московская.

Москаля верти (обманывай).

Вид москаля, полы срижи, да втекай (беги).

От черта откостишься, а от москаля дубиной не отобьешься.

В Москве толсто звонят, да тонко едят.

Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят.

Вин как на-москалися, що из-под живаго пьяты режит.

Видно велик город, что семь воевод.

В Москве недороду хлеба не бывает.

Живет в Москве, не в милой тоске.

Два брата с Арбата, а оба горбаты.

С Москвы с посада с овощного ряда.

Многия московския присловия принадлежат временам историческим. Так, присловье: «Правда московская» — вышло от псковичей, когда москвичи взяли Псков, когда они на Москве били челом в своей покорности. «Видно велик город, что семь воевод» — указывает прямо на «Семибоярщину». Другия же выдумы малороссиянами. Так присловье: «Московский час — подожди» — произошло от медленности в делах. Поговорка москвичей: сей час! — надоела малороссиянам.

У малороссиян ведутся между чернью поговорки о привязчивости и хитрости москалей, что «От черта отхреститься, а от москаля и не отобъешься; что москаль не велик человек, да ба (т. е. опасен)».

МИНЦЫ

Дай Бог тебе в Вильну ходить, горы копать.

МУКОБРЯНЫ

Так называли их вероятно потому, что они мукою брали.

МУРОМЦЫ

Кадошники.

Вертячия бабы.

Святогоны.

Последнее присловие осталось за Муромцами с того времени, когда они выгоняли из своего города епископа Василия в XIII веке.

НЕРЕХОТЦЫ

Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на ум поставит.

Не бойся по Арменской дороге воров, а бойся в Нерехте каменных домов.

Нерехотские бегуны.

Нерехотские поселяне получили прозвание бегунов от того, что они зимою ходят с беззменом по селам покупать пряжу.

НИЖЕГОРОДЦЫ

Дома каменные, люди железные.

Татинец да Слатинец — ворам кормилец.

Нижегородцы не уродцы.

Нужно заметить, что селения Татинец и Слатинец, находящиеся от Нижняго Новгорода в 60 верстах, были в старь опасными местами для путешественников, так как в этих двух селениях часто имели пребывание волжские разбойники, о которых и сейчас можно слышать от старожилов.

Бородка-Нижегородка — ус Макарьевский.

НОВГОРОДЦЫ

Шильники, долбежники.

Долбежниками называли новгородцев потому, что победители бросали мятежных граждан в Волхов, отбивая их железными долбнями от берегов.

Долбежники.

Гущееды, плотники.

Упрым — как новгородец.

Ты ведь не новгородский дворянин.

Сига в Волхов столкнули.

Долбежниками москвичи называли новгородцев по их дубинкам, с которыми они в старину ходили на бой. — Гущедами прозвали новгородцев за постное кушанье во время поста, приготовляемого из обожженного ячменя, сваренного в простой воде.

В старину хлебосольные москвичи, выговаривая спесивому гостю, что он не приезжал к обеду, говорили: ты ведь не новгородский дворянин.

НОВОТОРЫ

Город Коростень, владение Ольгино, народ Кривичи.

Новоторы — воры.

В Новоторжске есть близ города городище, а жители, желая оставить за собою старшинство, говорят: «Мы люди старые, прежде были посадские города Коростеня, владение Ольгино, народ Кривичи».

«Новоторы — воры» — так с незапамятных времен новоторов величают осташи, а новоторы отвечают им тогда на этот попрек: «И остashi хороши!»

ОЛОНЧАНЕ

Олонцы — добры молодцы.

Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и староста.

У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом.

Один молодец ел хлеба мягка, ножа был востра, а как шапка свалилась на пол, покатилась, до реки пихал ногой, а войдя в реку, почуял, что-то лопнуло. «Не брюхо и лопнуло?» — подумал; глядит: брюхо цело, а ремень лопнул, голову нагнул и шапку надел.

Любезный Олонец — белые берега.

Кайваны в Олонце не бывали.

Все эти старинные присловия остались только в народных преданиях москвичей. Ныне только за олончанами осталось одно присловье — добры молодцы.

ОНЕЖАНЕ

На рогах онучи сушили.

Прохорята.

Прохоровы дети.

Прохор письмо прислал и любодырному велел деньги сбирать.

Во всей Онеге нет телеги.

Летом воеводу возили на санях по городу.

ОРЛОВЦЫ

Проломленные головы.

Орел да Кромы — первые воры, да и Караби на поддачу.

ОДОЕВЦЫ

Молодеч, молодеч! Продай за грош постных яич.

Раз одоевцы привезли товар в Москву, пришло время обеда; вот вощики послали одного из своих купить провизию к обеду. Молодец впервые Москву видит. Подходит парень к лотку с огурцами и спрашивает: «Что это за товар?» Москвич смекнул, что это за птица и отвечает: «Постные яйца». Одоевец призаряясь на огурцы и слыша, что яйца эти постные, а дело было в Петровки, начал торговаться: «Молодеч, молодеч! Продай за грош постные яича».

ОСТАШИ

Волчьи обедки.

Ершееды.

Опозорили, опозорили, а чем же? Уж и не говори.

ПЕНЗЯНЕ.

Сура речка у нас важная, течет потихоньку, донышко у нея серебряное, круты бережки позолоченные.

ПЕТРОЗАВОДЦЫ

Качу лавочку, качу мытный двор, качу свой торжок.

Боску съели.

Боска, боска, на тебе коску.

ПСКОВИЧИ

Капустники.

Небо кольями подпирали.

Хоцу скацу, хоцу не скацу.

Когда-то во Пскове было долго ненастное время, тучи ходили низко, так низко, что православные думали — небо валится на землю. Собрались на мирскую сходку подумать — как бы отбыть беду. Три дня псковичи думали, а на четвертый приладили дело: «Разобрать городьбы, да кольями подпереть небо». Разбрали городьбы и стали с кольями по всем концам города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идет посадский по всему городу, сам городу покручивает, на народ поглядывает, посередь площади становится, а сам говорит: «Здорово-те православные! Отбыла беда, идите по домам».

Будто в старину, когда просматривали невесту, мать делала из пояса круг посередь полу, а невеста становилась на лавку. Отец с матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвечать: «Хоцу вскоцу, не хоцу не вкоцу». Если она соглашалась, то становилась в круг, а если нет, то начинала плакать.

ПТЕРБУРЖЦЫ

Питер бока вытер.

В Петербурге денег много, только даром не дают.

Питер кому мать, кому мачиха.

ПОДОЛЬЦЫ

Пан дере с жида, с пана юриста, и с юриста по триста.

Он хуже Лютера и Кальвина.

ПЕНЕЖАНЕ

Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денег ни копеецки.

Одна пенежанская крестьянка приехала когда-то из деревни в город Пенегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда муж спрашивал у ней, что она делала в городе? Жена ему отвечала вышеприведенными словами.

ПОШЕХОНЦЫ

Слепороды.

В трех соснах заблудились.

За семь верст комара искали, а комар у пошехонца на носу сидел.

На сосну лазили Москву смотреть.

Бывало, когда пошехонец начнет хвалить свою родину, то говорит: «У нас боста не бьютче, не борютче, а тот добрый молодец, кто 33 пирога с пирогом съест». Из такого порядка счисления выводили, что они не знали счету далее 33-х.

О старинных проказах пошехонцев у нас на Руси была издана особенная книга: «Анекдоты древних пошехонцев». Соч. Василия Березайского. СПБ, 1798. Второе издание было напечатано в 1821 году, с прибавлением словаря. Но это собрание пошехонских анекдотов состоит больше. Частию из произвольных вымыслов, а часть даже переведена с польского.

РЖЕВЦЫ

Батьку на кобеля променяли.

РОМАНОВЦЫ

Схорони концы.

Барана в зыбке закачали.

Когда-то в старину один из романовских поселян украл ягненка. Встасковался хозяин по ягненку! Нельзя жить без него — всем он говорил. Наложу руки на себя — кричала его жена. Сжалились православные над бедняками, ударили в набат. Сошлись миряне на сходку. Вот мир и придумал: идти с повальным обыском по домам, а как виноватаго найдут — так без пощады в реке утопить. Приходят к вору с обыском. Романовец, прослыши про мирской приговор, спеленал ягненка, и положил в колыбель. Входят миряне. Романовец качает барана, будто своего дитя. «А где, родимой, ты спрятал-то барана?» — говорили ему старики. — «Вот вам правая рука! Даю через милое дитя и чтобы ему с матерью на поторчать», — отвечал романовец старикам.

РОСТОВЦЫ

Вислоухие.

Лапшееды, огородники.

Озеро соломой зажигали.

У нас-ти в Ростове, чесноку-ти, луку-ти много, а навоз-ти все конский.

Вислоухими — старики прозвали Ростовцев за зимнюю шапку с длинными ушами, лапшеедами — за любимое их кушанье — лапшу.

Когда-то в Москве понадобилось много рыбы. Послали батраков с наказом по городам: свозить рыбу в Москву. Такия прибыльныя вести дошли до Ростова. В то время на дворе стояли крещенские морозы. Озера все замерзли. Думают ростовцы: где же взять рыбы? Не стать из снегу валять. Думали день — не придумали; на другой собрались и порешили: снять с крыши солому, да соломой и растопить озеро. Сняли солому с крыш и привезли на озеро. Ну, ребята, говорит староста, зажигай на счастливую! Запылала солома, что твой Иванов день. Озера не растопили, только деревню спалили.

РЯЗАНЦЫ

Кособрюхие.

Мешком солнышко ловили.

Блинами острог конопатили.

Макары.

Мужик для поговорки шел до Москвы.

Когда на походе Петра I под Полтаву жители известного села Деднова Рязанской губернии отправили от себя старосту с отборными крестьянами, встретить государя хлебом-солью.

Приняв усердное приношение крестьян, государь спросил старосту об его имени, последний отвечал, что его зовут Макаром. Государь промолвил — хорошо, и спросил о том же других дедновцев, те, думая, что имя старосты понравилось царю — все назывались Макарами. Петр I промолвил: «Будьте же вы все Макарами».

Когда-то рязанцы воевали с москвичами. Сошлись стена со стеной, а драться никому не хочется. Вот москвичи и догадались: пустить солнышко на Рязанцев: «Ослепнут де они. Тогда и без бою одолеем их». Засветило солнышко с утра, а москвичи и стали махать шапками на рязанскую сторону. Ровно в полдень солнце повернуло свой лик на Рязанцев. Догадались и рязанцы: выссыпали из мешков толокно, и стали ловить солнышко. Поднимут мешки вверх, наведут на солнышко, да и тотчас завяжут. Поглядят вверх, а солнышко все на небе стоит, как вкопанное. Не сдобровать нам, говорили рязанцы. Попросим миру у москвичей; пускай солнце возьмут назад. Сдумали и сделали.

Когда-то прогневался воевода на Рязанцев и грозил им большой бедой. Проходит год, проходит два, а воевода все не выдумает большой беды. Наступила масленица. Запировали рязанцы. Бьет воевода в набат; собираются православные на базар. Идет воевода, не кланяется, а подошед к людям молвил: «Вы де не забыли, что острог не замшен? Конопатить скорее!» — До того ли рязанцам было; у всех одно на уме — блины.

Вот и придумали мужики: всех блинов непоедим, пост на носу. Законопатим острог блинами. Сдумали и сделали. Идет воевода смотреть острог. Смотрит: везде крепко. Давно бы так-то, говорил воевода рязанцам, слушались меня.

СИБИРЯКИ

Сибирь — золотое дно.

Тепло, жарко да масляно — сибиряк любит.

Чевотники.

СМОЛЬЯНЕ

— Якой губерни? — Смоленской. Якого уезда! Города? — Дарогобужа. — Якой волости? — Демьяновской посады. — Якова барина? — Про то не ведам.

Кружники.

Хоть бейся о Малаховские ворота.

Крепки как Малаховские ворота.

СЕРПУХОВЦЫ

Дядя едет от Серпухова, бороду гладит, а денег нет.

СОЛИГАЛИЧАНЕ

Бревенщики.

Известняки.

СПАСЦЫ

Откуда ты молодец?

Спасский купец. — Чем торгуешь? — Красным товаром: свещами и чистым дегтем.

СТАРОРУССЫ

Лошадь съели да в Новгород писали, чтоб еще прислали.

СУДИСЛАВЦЫ

Грибовики.

Сыроежники.

СОЛЬВЫЧЕГОДЦЫ

Язык на сговоре.

СУЗДАЛЬЦЫ

Мазанщики.

В Суздале да Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться.

СТАРИЧАНЕ

— Возьми сорок алтын? — Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдам.

— Петуха встречали с хлебом-солью.

Прослышали стариане, что в их город Старицу идет грозен посол. Надо умилостивить грозного посла — говорили старики на мирской сходке. «Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь от вас». Придумали старики: напечь пирогов с яйцами и идти за город с поклоном на встречу послу. Показанному, как по писанному, все было сделано. Прибежали ребята с поля, поведали всем: «Пришел грозен посол, стоит у города; шуба на выворот, сам низенек, а поперек его о пяти охват, словечка не молвит, а шипит только». То не грозен посол подходит к Старице, а залетел индеский петух. Вышли стариане встречать грозна посла. Встречали по старому, все без шапок, а старики говорили петуху: «Вот тебе пирог и яйцы, не погуби наш город Старицы».

ТВЕРИТИЯНЕ

Ряпучиники.

— Забегай, забегай! — А что? — Не видишь, что куница бежит? — Это собака с Клементьева двора. — Ну, так пускай бежит.

Новоприведенная девонька.

Цвякалы, цуканы.

ТАМБОВЦЫ

Молоканы.

Хрептуки степные.

ТИХВИНЦЫ

Свято то место, где тихвинца нет.

Козу на колокольню тащили.

ТОРОПЧАНЕ

Рак не рыба, а грек не человек.

Таботеры.

Топчанина обманет цыган, цыгана — жид, жида — грек, а грека — чорт.

Цыгану лошадь на лапти променял.

Говорят старики, что такое новгородское присловье о торопчанах разошлось из Новгорода по всем городам, когда цыган выменял лошадей на лапти во всем Торопце.

ТРОЙЧАНЕ

Поляк с пушками, а мы с клюшками.

ТУЛЯКИ

Живет в Туле, да ест дули.

Бей челом на Туле, ищи на Москве.

Стальная душа.

Блоху на цепь приковали.

Бачика присядь, присядь — чижи летят.

Хорош заяц, да тумак, хорош малый, да Туляк.

Очень, очень давно было, когда тульские оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всем расспросам, никто уже не помнит; тогда, говорят, старожилы, они любили сидеть под мостом и встречали проезжих гостей. В эти-то времена они заслужили себе присловье: «Хорош малой, да туляк».

В старину тульские оружейники бывали большие охотники до чижей и соловьев. С начала весны они отправлялись по местам ловить певчих птиц. Когда-то отец с сыном долго бродил по лесам без всякой удачи. Отец влез на дерево посмотреть, а сын разставлял тенета и сыпал для приманки семячко. Вдруг полетели чижи. Отец этого не видел. Сын кричит ему: «Бачика! Присядь, присядь — чижи летят». Отец все посматривает вдаль. С досады и отчаяния потерять чижей, сын берет дубинку и сталкивает отца с дерева.

УСОЛЬЦЫ

Огуречники.

УГЛИЧАНЕ

— Небось, небось батька! Ведь это не наше.

Было время, — говорят старики, — которого давно никто не помнит, — ненастное и голодное; в это-то время собирались углицкие мужики, отец с сыном, поворовать с горя. Ночь была темная, а отец на беду еще был и подслеповат. Как вышли из двора, то и дорога пропала. Пропели третья петухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. Поди, батько, так говорил сын отцу, ты посмелей меня. Как на беду, отец, куда не придет, везде мерещится ему свой дом. Сын указал отцу чужой дом. Лезет старик на сыниных плечах и за что не дотронется, все как будто свое берет, а сын ему кричит: «Не бось, не бось, батько! Ведь это не наше!»

УСТЮЖАНЕ

Мазы.

Черносеребренники.

Красноязыки.

ФИНЛЯНДЦЫ

Упрям как финн.

В Швеции говорят об упорстве финляндцев: «Упрямые, как чухны», «залили за шкуру сала», «Выборгский треск».

ХОЛМОГОРЦЫ

Заугольники.

Царя из-за угла встречали.

Когда-то Петр Великий проезжал в Архангельск, то холмогорские староверы из страха, боясь приблизиться к государю, смотрели на него из-за угла. С тех пор будто соседи стали их называть — заугольниками.

ЧУХЛОМЦЫ

Рукосуи.

Чухломский рукосуй!

Рукавицы за поясом, а других ищет.

ШЕНКУРЦЫ

Не по одежке протягивает ножки: у него расход, как в Кириллове монастыре, а приход как в репной пустыне.

Вышеприведенное присловие объясняется следующим: сколь богат был Кириллов монастырь (в Новгородской губ.) именовавшийся в древности Городом, столь бедна была Репная пустынь (Вологодской губ.), упраздненная при состоянии штатов.

ШУЯНЕ

Беса в солдаты отдавали.

В Питере бывал, на полу сыпал и тут не упал.

Кабы мне крепкаго мыльца.

ЮРЬЕВЦЫ

Китаешники. Балалаешники.

ЯРОСЛАВЦЫ

Красавцы — белотелы, песенники.

Ярославль городок — Москвы уголок.

Пуд мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли.

Народные поверья, приметы, предсказания, предрассудки и обычай

Русские народные поверья, приметы, предсказания, предрассудки и обычай вмещают в себе подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род русским народом. Наши письменные памятники намекают о них, когда наука заставляла указать народу на какие-либо вредные следствия.

Здесь мы представляем те из наиболее интересных преданий, которые содержат в себе различные сказания о тайнах, доселе признаваемого народом нашим, мнимаго чернокнижия.

А также помещаем здесь и те многие случаи из обыденной жизни народа, которые, на основании многократных опытов, признаны мудростью народной за знаменательные, и потому в понятиях простолюдина сложившиеся в форму чего-то рокового, неизбежного, и на основании такового понятия все подобные случаи, в глазах народной массы, являются уже не как простая случайность или ожидавшееся стечеие обстоятельств, а чем-то в роде фатума, заранее предрешающего то или иное положение человеческой судьбы, а иногда и самой жизни человека, и вследствие такого решающего значения, все подобные случаи начинают играть в обыденной жизни народа одну из важных ролей, которая всегда и везде, в мало культурных населениях, сводится к всему фатальному и таинственному, чего не в состоянии объяснить себе простой человек.

Вместе с тем, здесь же мы помещаем и все то, что так или иначе имеет связь с фатальным или таинственным; так как, подобно случаям, в силу каких-либо обстоятельств, становящимся в глазах народа приметою, — все сказания, поверья и обычай, имеют основанием своим один и тот же корень, то есть — все таинственное и фатальное, — и раз где-либо привившись и войдя в строй народной жизни, — потом уже все эти приметы, поверья, сказания и т. п. как устно, так и письменно переходят из рода в род и делаются вечной и необходимой принадлежностью простого русского человека.

О народных поверьях, приметах и проч

Все суеверные народные поверья, приметы, чудесные секреты, не имея основанием своим никаких уважительных причин, проис текают от младенческого легковерия, от односторонняго на все предметы возврения.

С распространением истинного просвещения, основанного на твердых понятиях религии и чистой нравственности, умы людей укрепляются, делаются самостоятельными, и не покоряя себя легковерию, рассматривают предметы со всех сторон. Почему все страннее кажется, когда и теперь еще встречаем людей, имеющих доверие к старинным повериям и приметам.

Заблуждения сии так многоразличны, что даже невозможно собрать всех бредней, которым верят, особенно в провинциях. Достаточным считаем показать здесь только те немногия, которые в большом доверии были у многих в старину, а также некоторые иностранные для сравнения, что и сии не прочнее наших имеют основание. Так, например:

Древние имели большое доверие к некоторым дням; от них идут предания: что накануне Иванова дня, искать должно кладов.

Накануне Нового Года узнают судьбу свою. Для сего лют олово, воск; лют свежее яйцо в стакан воды, полют снег, слушают прохожих, кидают башмаки, стелют мост под изголовьем и проч.

А.

Аграфенин день. — (Аграфена купальница).

Июня 23 дня церковь празднует память святой мученицы Агриппины, которая в простонародии прозвана Купальницей по следующей причине:

Древние славяне признавали идола Купало богом плодов и праздновали ему 23 и 24 июня. Разложив огонь, они плясали перед ним, производили разные игры и перескакивали через него, часто припевая имя Купалово, за это ожидали они в тот год изобилия плодов и великого урожая. Следы этого языческого обряда остались во многих деревнях и между нынешними христианами, а потому Святая Агриппина всеми простолюдинами и называется Купальницей, по производству этого прозвания от имени идола Купало.

К числу мест, почитавшихся у древних язычников за святыя, принадлежит и находящаяся по Рижской дороге, в десяти верстах от Санктпетербурга, липа, ветки которой, переплетаясь с отраслями ближайших дерев, составляют как бы природную беседку, замечательную еще тем, что император Петр Великий неоднократно отдыхал под ея тенью. На этом месте, накануне Иванова дня, то есть на Аграфенин день, сходятся Ижорки и разложив большие огни, препровождают всю ночь, распевая песни, в которых повторяется

имя Купало; потом сожигают Белого петуха, начинают плясать, скакать и вся эта сцена, совершаемая в ночном мраке, при зареве пылающих огней, заключает в себе что-то фантастическое и необыкновенное в нашем христианском быту.

* * *

Антихрист — то есть противник Христа.

Раскольники утверждают, что Антихрист воцарился уже мысленно, в то самое время, как началось в Москве исправление церковных книг, что Москва есть Вавилон и престол Антихристова царства, и что настало уже время пришествия Христова; по этому некоторые, зажигая свечу, молятся ночью всегда до пения петухов, в ожидании Страшного суда и потом уже ложатся спать.

* * *

Аршина на кровать не класть — покойник будет.

* * *

Аметист имеет симпатическую силу удерживать и исцелять человека, имеющего его при себе, от пьянства и запоя.

* * *

Ассо — азиатский камень, имеющий силу съедать без всякой боли дикое мясо и нарости. Он собою легок, мягок и покрыт мучной пылью.

Б

Брак. — В русском простонародии брак сопровождается следующими обрядами:

Накануне венчания призывается в дом жениха шести или семилетний мальчик; он укладывает в нарочно-купленный для того ларчик разные вещи, которые в этот же вечер жених должен отвезти в подарок к невесте, а именно: башмаки, опахало, серьги, пряжки, белила, румяны, перчатки и т. п. В бытность жениха у невесты, он садится на мохнатой шубе, в знак благополучной, будущей жизни в супружестве. На другой день перед поездом в церковь тот же мальчик, или другой, с невестиной стороны, должен обуть невесту в новые башмаки, и продает ея косу за гривну или за рубль, то есть, что дадут. Невеста, в знак ея покорности, обязана разуть жениха, причем он кладет в правый сапог деньги, а в левый плеть: когда невеста примется сперва за левую ногу, то жених, вынув плеть, ударяет невесту, а когда за правую, то отдает ей деньги. Новобрачных никогда не кладут спать в жилом покое, но в пустом и нетопленном, как бы холодно ни было; и некоторые нарочно для этого строят покой, но земли на потолок не кладут. Под постелью раскладывают ржаные снопы или солому. Если на невесту в церкви, чтобы не испортить головного убора, не надевают венца, а держит его какой-нибудь мужчина, то верят, что этот брак будет не действителен и что жена непременно будет иметь любовников, потому что она венца не надевала, или потому, что венчалось их три вместо двух.

На другой день свадьбы, если невеста, находясь в девичестве, не сохранила своего целомудрия, матери ея подносят стакан с дырою, из которого, когда она возьмет его в руку, потечет напиток, потому что дружка, поднося ей, ототкнет скважину, до того времени зажатую его пальцем.

У Донских казаков жених приезжает за своею невестою верхом на лошади, обвешанной колокольчиками, чтобы невеста могла слышать приезд его. Эти колокольчики хранятся потом или у родителей новобрачных, или у них самих для памяти; невеста не приносит за собою никакого приданого, но жених должен одеть ее с головы до ног. У Яицких казаков к говоренной невесте, до самой свадьбы, собираются каждый вечер ея подруги, поют песни, пляшут и играют с молодцами. В это время, продолжающееся иногда до двадцати недель, жених может обходитьсь с невестою почти также, как муж с женою. В девишнике он должен принести ей в подарок венчальное платье и весь женский убор, невеста же дарит ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. После венчания невеста едет из церкви на телеге, позади сидят мать и сваха, у которой на всех пальцах должны быть надеты кольца; та и другая прикрывают невесту с обеих сторон, чтобы зрители не могли видеть ея лица. Перед телегою едет жених с отцом и дружкою; позади телеги едут провожатые на лошадях верхом; один из них держит, как знамя, на длинном шесте, полосатую плахту, какую черкеския жены обыкновенно надевают вместо юбки; эта плахта тем замечательнее, что здешния женщины не носят ея. Собравшиеся к новобрачным гости проводят день бракосочетания в питье, в плясках, песнях и притом по

большой части на улице. У этих казаков был прежде такой обычай, что если кто не хотел долее жить с своею женою, то выводил ее на площадь и продавал.

Вот какия обыкновения при сочетании браком у жителей Восточной Сибири, и преимущественно у камчадалов. Когда кто намеревается жениться, то, высмотрев себе невесту обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселяется туда жить, и объявя невестину отцу или матери о своем желании, несколько времени работает у них, стараясь выказать удальство свое и проворство, и услуживая всем пуще наемного работника, а наиболее своему будущему тестю, теще и невесте, потом требует позволения хватать невесту. Если поступки его понравятся родителям и сродникам невесты, а также и ей самой, то он получает соизволение на свою просьбу; в противном случае или вовсе пропадают его услуги, или отпускают его с некоторым награждением. Иногда случается, что такия женихи, ничего никому не сказав, приходят жить в чужой острожек и работают там, хотя всякий, по их услугам может догадаться, с каким намерением они это делают, однако их о том не спрашивают и не говорят им ни слова, пока они или сами или через других, не объявили родителям невесты о своем желании.

Получив позволение хватать невесту, жених ищет такого случая, чтобы где-нибудь напасть на нее в малолюдстве, потому что она находится тогда под охранением всего женского пола того острожка, и эти охранительницы ея редко от нее все отлучаются. Сверх того, во время хватанья она бывает опутана рыболовными сетями и обвязана ремнями, так что не может поворотиться, и если жениху удастся улучить свою невесту в малолюдстве, то он со всех ног бросается к ней и дерет на ней платья и сети, чтобы коснуться ея грудей, потому что в этом заключается весь обряд бракосочетания. Между тем, как сама невеста, так и сопровождающие ея девки и бабы производят ужасный крик, и хотя она не желала бы, да и не может противиться, но проводницы ея поступают с женихом без всякой пощады и милосердия, бьют его, таскают за волосы, царапают у него лицо и употребляют все уловки, чтобы не дать ему схватить невесту. Если жениху посчастливится и он достигнет своей цели, то сам отбегает прочь от невесты, а она провозглашает его победу умильным или жалобным голосом. В этом состоит весь брачный обряд; однако эта церемония тянется иногда целый год или больше, и после каждого хватанья жених принужден бывает поправлять свои силы и залечивать раны. Бывали примеры, что некоторые, после семилетнего хватанья, вместо невесты получали увечье, будучи сброшены бабами с балаганов. Кто схватит невесту, тот в следующую ночь приходит к ней безпрепятственно; на другой день он увозит ее в свой острожек, и для празднования брака возвращается к невестинным сродникам, по прошествии некоторого времени.

* * *

Женитьба детей у калмыков зависит единственно от воли родителей, но прежде сватовства они приходят к своему гелюню или главному духовному лицу, и объявляют ему имя жениха или невесты, год и число, когда они родились. Гелунь справляется в своем сударе и объявляет соизволение бурханов. Если, по его мнению, предвещание о свадьбе будет худое, то брак ни под каким видом совершится не может; тогда отцы дарят гелуня столько, что он этими подарками может и бурханско соизволение переменить в хорошее предзнаменование.

Получив от гелуня доброе предзнаменование, родители договариваются о Колыме или выкупе при свидетелях с обеих сторон. Невеста обыкновенно должна принести в приданое жениху новую кибитку, несколько всякого скота и ясырь, т. е. прислужников и прислужниц.

Брак совершает гелунь во время новолуния: он сперва приводит новобрачных к бурханской присяге, во взаимной верности, потом выводит их из кибитки, приказывает им смотреть на солнце и читает свои молитвы, при которых жених с невестою кладут земные поклоны. По совершении молитв гелунь накладывает на них руки, и этим все оканчивается.

После этой церемонии невесту сажают в кибитку за занавес, а жених садится спереди, между тем родня жениха и невесты берет сырью овчину и тянет ее сколько силы есть; если женихова родня втянет в кибитку невестину родню, то невестина родня принуждена бывает исправлять свадебную попойку, и обратно. При начатии пирушки невесту вводят в ея кибитку, где она веселится с женским полом, при звуках музыкальных инструментов, состоящих из волынок и гудков. Молодой воспрещается видеться с свекром и с старшею мужниною роднею, даже отца своего может она посетить не прежде, как по прошествии года; тогда она получает от него назначенную ей долю, как то: верблюдов, разный скот и пр.

Калмыкам, по их вере, воспрещено иметь много жен, но этот закон не так строго соблюдается, чтоб у кого-либо из их знатных людей или начальников не было по две или три жены; впрочем, такие примеры редки. Хотя им не позволено разводиться с женою, однако разводные такого рода у них довольно не редки, особенно

у знатных. Если калмык имеет причину быть недоволен своею женою, или она сама пожелает развестись с ним, то ему предоставляется право раздеть ее до нага и прогнать плетью; если же он хочет разстаться с нею честным образом, то сзывает ея родственников к себе на пир, дает жене оседланную лошадь и столько скота, сколько хочет или может дать, и с этими дарами отпускает ее от себя.

***

Древние Россияне при брачных сочетаниях поступали следующим образом: перед поездом в церковь, жених садился с невестою рядом или на соболи или на какой-нибудь другой мех; сваха чесала им головы, обмакивая гребень в меду или в инее, которое держал нарочный в ковше. Потом осыпали их осыпалом, то есть деньгами или хмелем, тут же зажигали брачные свечи, которые бывали слишком по пуду, смотря по состоянию новобрачных, а для зажигания употребляли особую Богоявленскую свечку. В церковь возили с собою вино в стеклянице, и когда священник давал пить жениху и невесте, то при последнем разе жених разбивал стекляницу с оставшимся вином об пол и топтал бутылку ногою. Брачные свечи скатывали потом вместе, ставили в кадку с пшеницею и оставляли на целый год в сеннике, у изголовья постели. Сенник приготавливали следующим образом: ставили по всем четырем стенам иконы, в головах постели, над дверьми вешали по воздвигательному кресту, по всем четырем углам втыкали по стреле, на них по соболю или по кунице и по калачу, а на лавках по углам ставили по оловянному меду. Постелью стлали на двадцать одном ржаном снопе, и когда подавали на стол последнее кушанье, то есть жаркое, то дружко, обернув блюдо с жарким, калачем и солонкою, относил к постеле в сенник, куда потом отводили и молодых.

В дверях у сенника отец посаженный сдавал с рук на руки новобрачную ея мужу, и говорил увещательную речь о содержании супруги на узаконенных порядках. Когда подходили они к постеле, жена тысяцкаго, надев на себя две шубы — одну как должно, а другую навыворот, опять осыпала молодых осыпалом, т. е. деньгами, хмелем и зернистым хлебом, и кормила их уже в постеле. По утру приходили те же лица, которые и накануне участвовали в свадебном обряде, снимали одеяло с молодой и свидетельствовали ея невинность; потом водили молодых в мыльню, по выходе из которой кормили их кашею, после чего молодая наделяя пришедших гостей разными дарами и овощами. Когда молодой, на другой день после брака, бывал в мыльне, тогда теща присыпала ему все платье, то есть такое, в каком из мыльни или бани можно дойти до покоя.

Во время венчания в церкви подстилали молодым под ноги камку или другую какую-либо материю, а сверх ея расстилали соболи или куницы, или другую мягкую рухляедь. Впрочем, во время брачного торжества, когда молодой брал за руку свою молодую, то должен был вести ее до назначенного места, не опуская ее руки, а иначе, как говорили, между ними было бы вечное несогласие. У малороссиян женихов отец посыпает двух сватов к невестину отцу и дает им хлеб. — Если отец невесты изъявить свое согласие, то сваты оставляют у него хлеб в залог, а на обман от него берут другой, и потом назначают день свадьбы. На все время свадьбы избирается из девушек одна светилка, которая, сидя в продолжении стола в большом углу, держит увитую калинными ветвями с ягодами казацкую саблю; на этой сабле налеплена восковая зажженная свеча — тройчатка. После венчания, вышед из церкви, новобрачные расходятся по своим домам, а пообедав, жених благословляется от отца и матери хлебом и солью и едет к невесте в дом. Посредине невестина дома ставится квашня, накрытая скатертью, а на квашне лежит хлеб и стоит стеклянка. Мать невесты выходит навстречу в вывороченной шубе, сидя на вилах или кочерге, и держа в руках горшок с водою и овсом, она дарит его зятю, а он выливает из него воду на гриву своей лошади, и отдает пустой горшок старшему дружке; тот бросает его в сторону — и если горшок разбьется, то молодая родит сына, а если уцелеет, то дочь. Потом брат или сродник продает невесту, говоря, что она в пятнадцатилетнее пребывание у них съела пять бочек бураков, то есть свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабанов или боровов, десять овец, сто гусей, двести кур, семьдесят пять уток, двадцать кулей хлеба; выпила пять бочек пива, две бочки меду, пять бочек горелки, то есть хлебного вина, за что получает две или три копейки. По выезде из дома невесты, жених стегает ее несколько раз плетью, приговаривая — покидай нравы отца и матери и привыкай к моим.

При въезде в дом жениха, в воротах зажигается пук соломы, через который все должны переехать. После ужина, невеста разувает жениха, который бьет ее голенищем, и она получает лежащия у него в сапоге деньги. Если невеста сохранила свое девство, то все гости идут в дом ея отца, и с радости бьют у него окна, ломают печи, лавки, столы, стулья и все, что ни попадется по руку, — за что отец не только не досадует, но еще дарит их. Потом, взяв невестин красный передник, по ихнему запаску, привязывают его на высокий шест и выставляют у ворот на целый день в знак целомудрия невесты. Отпраздновавши у всех, приходят опять в дом жениха, где свекор, взявшись палку, тычет ею в глаза невестку и спрашивает у нея: не слепа ли она? Потом подчивает горелкою — Это еще не все: дружка, жених и все гости идут опять в дом невесты и приносят с собою курицу, окладенную ветвистою калиною и пирогами без начинки, называемыми стульни. Дружка разрезывает курицу и дает отцу голову и два пирога, теще столько же пирогов и гузку; а потом всем гостям по куску пирога и курицы. В этих обрядах и пирамках проходит целая неделя, и гости веселятся: идет у них

разливанное море, не умолкают песни и музыка. Описав свадебные обряды некоторых наиболее замечательных, обитающих в России племен, нельзя не заметить, что нигде невесту, входящую в дом жениха, не поносят так, как в городе Торопце. — Там жених и все его домашние нарочно призывают для этого девушек, которая при входе невесты от венца в дом ея будущаго мужа, стоят на пороге и поют:

«Нам чильбы Василисчика во трех шубах, ажно она беременна, ты несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянечку. Оглянись-ко ты назад, полюбовники стоят, да по грамотке держат».

Баран каменный. — Камчадалы, когда желают найти неизвестнаго вора, похитившаго вещи, принадлежащия другому, жгут становыя жилы этого барана, при многочисленном собрании посторонних людей и в присутствии Шаманов, потому что по их мнению, как сводит огнем жилы, так точно после того судороги схватывают и корчат похитителя.

Береза. — Некоторые из древних Чудских народов обитали в таких местах, где было очень мало лесу, а березовых дерев и вовсе не находилось. Наконец увидели они не только на степях своих, но и внутри самых жилищ возрастающая березовая деревья. Это не свойственное странам их растение, покрытое белою корою, привело суеверных в несказанный ужас. Они прибегли к гаданию, и волхвы их рассказали им, что это предвещает завоевание их земель белым Царем, потому что это растение переселилось к ним из его владений. Легкомысленный народ, поверив этому предсказанию, оставил свои города и жилища и перебрался в другия места.

Благовещение. — Суеверные утверждают, что когда птица проспит благовещенскую заутреню или в этот день завьет гнездо, то в наказание отнимаются у ней на несколько времени крылья, и она не может летать, но ходит по земле.

Борода. — Раскольники почитают этот пучек волос важнее всех прочих своих членов и дороже самой головы. По их мнению, они с бородою составляют образ и подобие Божие. Глупцы не размышляют о том, что Бог есть Дух, что плоть наша ни малейшаго подобия Его составить не может и что если представляют Его в образе человеческом, то это для того только, чтобы Высочайшее Существо было как бы осязательнее для наших земных чувств. Основываясь на таком ложном и превратном понятии, раскольники готовы скорее лишиться голов, нежели бороды. В это заблуждение ввели они многих легковерных и в истории Петра Великаго, приказавшаго брить бороды, мы видим много забавных, любопытных и даже кровавых сцен, к которым лишение бороды подавало повод.

Большое иней, бугры снега, глубоко-промерзлая земля, — к хлебородию.

Белыя пятна на ногтях пальцев — к обновке.

Брови свербят. — У кого засвербят брови, — тот будет смотреть на потных лошадей, то есть, на приехавшаго к нему издалека гостя, и ему кланяться; или кланяться будет за сделанное ему какое-нибудь боагополучие.

Браниться в Егорьев день не советуют потому поверью, что того убьет громом.

Блохи кусают — перед дождем; вши заходят — тоже; мухи становятся особенно назойливы — тоже.

Бородавки кто будет намазывать по несколько раз в день пивными дрожжами, и не вытирая даст засохнуть — у того в короткое время бородавок не будет.

Булавку давать не должно, чтобы не раздружиться, а уж если нельзя обойтись, то сперва уколоть того в руку, кому давать приходится.

Бросают горсть земли в могилу, чтобы не бояться покойника.

Большак (банник) — живет исключительно в бане. Ходить вечером или ночью в баню не только страшно, но и опасно, так как банник — дух не добрый и может принести человеку смертельный вред.

Большуха начинает считать деньги. Посчитавши лезет на голубец, открывает трубу и кричит там, клича скотину по очереди и каждую по имени. Потом берет косу и делает вид, что косит, потом серп и жнет, потом молотило и молотит (все это в избе, конечно); до прихода народа она еще сходит за вересом (т. е. можжевельником — для паренья кринок) и, наконец, начинает пахтать сметану. Возьмет соли, завернет ее в тряпку, обмакнет в друзги и бросит в печь. Эта «четверговая» соль употребляется от зубной боли.

Водяной дедушка. — Он живет в воде, особенно мутной и возле мельниц, уносит купающихся без креста, а больше всего маленьких ребятишек, в бездонную пучину, где воздвигнуты у него великолепные хрустальные чертоги, окруженные стадами золотых и серебряных рыбок.

Волосы. — Остригая волосы, также и ногти, суеверные люди берегут их в особом месте, и кладут с собою в гроб, веря, что на том свете в каждом их волоске потребуют отчета.

Воробей водяной. — Эта птичка водится в Сибири и в других, прилегающих к ней, местах. Она ныряет в самыя глубокия реки, собирает на дне их мелких водяных червячков и выходит оттуда сухая. Многие уверяют, что если кровью или жиром этой птички, котораго очень немного набрать можно, намазать человеческие члены, то они навсегда будут предохранены от мороза. Суеверы почитают воробьев проклятою птицею, веря сами и уверяя других, что они в то время, когда распинали Христа, опять приносили ко кресту те гвозди, которые ласточки, кравши у римлян, уносили. В наказание за это воробы имают на ногах оковы, которых люди видеть не могут, и потому птички эти никогда не переступают, а все перепрыгивают.

Воск. — Из дома своего не должно выносить воску, потому что, как уверяют, пчеловодство от этого будет не прибыльно. Так как в простонародье утверждают, что разбойники заговаривают ружья, и никакия пуля в таком случае вредить им не может; то, когда пулю обливают воском и стреляют ею, тогда никакой заговор на нее не действует, и разбойник непременно будет убитъ.

Встреча. — Когда покойник, женщина, девица, свинья или лысая лошадь попадаются первые на встречу, в этот день успеха ожидать не должно; если кто встретится с чем-нибудь полным, т. е. с полными ведрами воды или другим чем — это означает успех в предпринятом намерении.

Ворон в кучу собираются — к ненастью.

Вороны каркают, стаей летают — к ненастью; зимой — к морозу.

Ворон когда прилетит и сядет на кровле дома и будет кричать — то знаменует, что непременно в том доме умереть кому-нибудь скоро должно.

Волк никакого зла не сделает овцам и прочей скотине, если пастух носит при себе имя святого Василия, написанное на бумажке и привязанное на верху его посоха.

В дорогу отъезжай — во Вторник, либо в Субботу.

Воспреемники как друг к другу, так и к родителям младенца становятся в родственные отношения, называют друг друга кум, кума, божат, божатка, крестник, крестница. К крещению божатка приготовляет крестнику рубашку, божат — крестик, или дает денег на крестик. Родильница иногда получает от воспреемника ситцевый платок. В Никольском уезде в день крестин пекут особые пирожки с овсяной мукой, намазанные сверху маслом; они зовутся кстинчики. Беременной женщине нельзя воспринимать младенца: или он умрет, или она не доносит, а если и доносит, то ея ребенок не будет жить.

Вступать с гордым в спор — все равно, что в огонь подкладывать дров.

В старину опоясывали детей ниткой, спряденной невинною девочкой — для излечения от глистов.

Волденка (волнушка) раньше рыжика стала рости — не жди грибов. Если пошел крупный прямой дождь — грибы пойдут рости. (Грибовый дождь).

Вытрясать скатерть за окно до Вознесения — Христа ушибешь; плевать за окно — в него попадешь.

Вода воды ждет, т. е. если роса велика, то будет дождь.

В огонь плевать — пузыри на языке вскочут; также если дунуть на свечку (а надо загасить ее пальцами).

Вихти (стельки) из сапог нельзя вытрясать на таком месте, где ходят: кто перешагнет — у того будет насмока; отlimить от себя насмоку можно обманом; придешь к кому и спросишь: «чего с озера возишь?» а иной с-глупа и скажет — «осоку» — «так вот на мою насмоку высморкаешься», и кинь в него сопли или можно потихоньку намазать сопли на скобу (дверную) соседу; кто возьмется за скобу — к тому перейдет вся насмока.

Волосы и ногти хранить — было в обычай у некоторых суеверов, которые думали, что на том свете придется за каждый волосок отдавать отчет. При расчесывании оставить прядь волос не заплетенною — значит дорога из дома.

Воск из дома выносить самому не должно, так как это убыль пчеловодству.

Голубь в окно влетит — быть пожару, или кому-нибудь умереть; иногда быть вестям.

Вода, которой обмывали покойника, считается верным средством от запоя, но опасным. Даже кормят пищей, приготовленной на этой воде. По этому случаю рассказывается следующая легенда. Одна женщина, чтобы отучить своего мужа от запоя, напоила его водой с покойника. Вскоре он попросил есть. Она накормила его пищей, приготовленной на той же воде. Всю поданную пищу мужик съел с необыкновенной жадностью, а насытится не мог и стал просить еще и еще... Съевши все, что было в доме, он принял грызть свою жену и с таким остервенением, что соседи не успели сбежаться на ея крики, и она была уже загрызена.

В Кадниковском уезде (Нодима) рассказывают, что на Новый год черт выгоняет коров пасть к устью какой-нибудь речки, и если обойти это место с иконой, то чорт хотя и выскочит и коровы разбегутся, но двух-трех все-таки можно успеть захватить. Коровы эти какия нибудь «хватанныя» или «проклятая».

В Тройчине Кадниковского уезда есть поверье, что кто желает быть невидимым, тот во время христовской заутрени должен прийти в баню и найти там «банника», который в это время обыкновенно спит, снять с него шапку и бежать с нею, как можно скорее, в церковь. Если успеешь добежать до церкви, прежде чем банник проснется, то будешь обладать шапкой-невидимкой, иначе банник догонит и убьет.

Водяной — всегда злобный дух, и его очень опасаются. Без креста никто не решится купаться днем, а ночью и с крестом на шее опуститься в воду в глубоком месте представляет большой риск.

В среде народа вращается масса рукописных молитв, отрывков из евангелия с толкованиями акафистов и разных сочинений мистического характера. В числе этих рукописных памятников особенным почетом пользуется «Сон Пресвятой Богородицы», который можно найти чуть не в каждом доме. Он списывается обыкновенно в тетрадку величиною в осьмушку, так как этот формат удобнее всего для ношения в кармане или за пазухой. Отправляется ли крестьянин в дальнее путешествие, или идет из деревни по делам в город, он обыкновенно прихватывает тетрадку с собою, если же в суд, то сон пресвятой Богородицы берется обязательно, «чтобы судьи были милосливы». Сон Богородицы кладут в изголовье больным. Думают, что тот, кто спишет «сон Богородицы» девять раз и раздаст девятерым, тот будет «свят».

Всякия страшные и гибельные явления природы, как выпадение града, ливни, бури, грозы и наводнения, считаются — или наказанием, посланным от Бога, или делом дьявола. Во время грозы, например, принимаются разные предосторожности, но обыкновенно суеверные. Есть во время грозы что-либо считается грехом; всякия занятия оставляются. Под крышу втыкают освященные в Троицын день березки для предотвращения удара молнии; снимают иконы и ставят их на окно лицом на улицу; закрывают чем нибудь самовар, чтобы молния его «не увидала»; зажигают перед образами крещенские или христовские свечи; выставляют на крыльце железную клюку, потому что молния ея боится. При пожаре, произшедшем от молнии, не позволяют кричать, пожар заливают пресным молоком, дробинами из квасника или кидают в огонь сырое яйцо.

Во время пожара, просшедшего от других причин, затапливают печь в доме соседнем с горящим, веря, что огонь против огня утишит пожар. Также баба, у которой в это время месячные очищения, обегает три раза вокруг горящего дома, чтобы дьявол не перенес огня на соседние дома. Во время пожара не позволяют ни курить, ни петь, ни свистать. Свистать вообще считается грехом, в особенности в избе, это подражание чертям. «Засвистал, как чорт».

В Тройчине, Кадниковского уезда, в ночь на Новый год все члены семьи берут по ложке воды и выносят в холодное место, а поутру смотрят: у кого вода застыла с углублением, тот умрет, у кого ровно или с бугурком — будет жить.

В день Симеона Столпника хоронят мух. Делают из репы гроб, кладут в него муху и закапывают в землю на улице у передняго угла, приговаривая: «муха к мухе идите мух хоронить».

В крещенский сочельник стелют христовскую скатерку, садятся за стол, ничего не говоря, и наблюдают, чтобы на скатерку не упало крошек. Когда отужинают, снимают скатерку и смотрят под стол; там иногда находят три зерна: ржаное, ячменное и пшеничное. Это признак того, что год будет хлебородный. Если нет,

то наоборот. Вообще, зерна под столом находят только в благочестивых семьях.

В великий четверг, когда большуха проснется, то будит ребят и велит им кусать пальцы рук и ног сквозь ворот своей рубахи, как это не трудно — для того, чтобы не болели пальцы. Потом берет ведро, идет на колодезь и, принеся воду, опускает в нее серебрушку (монету). Этю водой все умываются. Девушки берут воду и бегут на хмельник «до вороны» (т. е. пока она еще не закаркала) и умываются тут, приговаривая: «как хмель любят добрыя люди, так бы и меня любили».

Вся семья в этот день (т. е. в великий четверг) окуривается, т. е. шагает через горящий на сковороде можжевельник для того, чтобы очиститься от грехов и чтобы весь год не знать болезней.

В Вологодском уезде в великий четверг ходят в лес кричать для того, чтобы не было хищных зверей. Кричат: «волки, медведи из слуха вон; зайцы, лисы к нам в огород!» При этом стучат в сковороды, звонят в коровьи колокольчики и т. п. Также гребутся пальцами в золе в печурке для того, чтобы находить утиныя гнезда (для яиц).

Г

Георгиев день, 23 Апреля. — В этот день непременно должно выгонять скотину в поле. Говорят, что кто в этот день заводит шум, то уверяют, что того непременно убьет громом.

Гром. — Простолюдины говорят, что когда гром гремит, то это Илия Пророк по небу ездит на огненной колеснице и пускает стрелы в прогневавшего Бога дьявола, который тогда старается укрыться, и, обращаясь в разные виды, особенно в младенцев, просит у людей прибежища, но ему нигде нет пощады. Громовая стрела, убив дьявола, уходит в землю, выходит оттуда уже по прошествии трех лет. Она состоит из кремня. В случае колотья ее окачивают водою, которою обливают больного. Простолюдины уверяют, что ежели кто часто или всегда ест гнилой хлеб, то будто тот грому бояться не будет. Услышав в первый раз гром, зимою умываются с серебра, чтобы получить белизну и красоту тела, а также и здоровье.

Гусь красный. — калмыки думают, что в этой птице живет злой дух, и потому, когда нечаянно увидят красного гуся, то клянут его и отвращают от него лицо свое, как от нечистой птицы.

Глаза свербят, или зуд под глазами — значит, что в тот день плакать.

Галки и вороны, сидящия с криком перед домом, особенно к утру — к худу.

Гул в трубе — душа покойника пришла.

Гроза — милость Божья в прямом и переносном смысле.

Голубь и ласточка — любимая Богом птица.

Губы зудят — к поцелуям.

Глупый всегда громко хохочет, а человек благоразумный — едва тихо улыбается.

Д

Двойни. — У русских простолюдинов рождающиеся двойни предзначают счастье дому, а у калмыков почитается это за величайшее несчастье, и верят, что одному из родившихся непременно должно будет умереть. Тоже самое предсказывают и о родившемся в дурную погоду; но его иногда примиряют с бесами.

Деньги медныя. — Деньги медныя, виденные во сне, означают слезы.

Дид или дидо. — Бог Славянский, о котором часто упоминается в старинных песнях. Он почитался богом, отвращающим любовь, так как брат его Лель — возбуждающим эту страсть.

Догода. — Славянский зефир. Его почитали богом, производителем тихого и приятного ветра и ясной погоды.

Дождь. — если кто отправляется в дорогу и в то время пойдет дождь, то это означает благополучный путь; и вообще дождь, при всяком предприятии, почитают за счастливое предзнаменование.

Доки. — Так называются в деревнях люди, которые могут отговорить, то есть, отвратить всякое чародейство и порчу, но сами никакого чародейства производить не в силах.

Домовой. — Суеверные люди говорят и даже твердо убеждены в том, что во всяком доме водится чорт, под именем домового: он ходит в дом по ночам, в образе человеческом, а когда полюбит какую скотину, то всячески ее откармливает, а когда не полюбит, то скотина похудеет и переведется, что и называется, что она не ко двору пришла. Говорят, что он любимым лошадям заплетает на гриве косы и подкладывает сено, также и мужикам, которых полюбит, завивает бороды. Но беда лошадям, не имеющим счаствия пользоваться благоволением его; у них он расплетает и почти выдергивает всю гриву, и как будто бы подбивает их под ясли, отчего лошадь поднимает в конюшне великий стук, иногда же находят ее всю в поту или в мыле.

Когда домовой покажется ночью спящим людям, то смельчаки спрашивают его: к добру или к худу? И он отвечает то или другое, что и сбывается будто бы на самом деле.

Ежели домовой кого не полюбит в доме, то делает ему всякого рода беспокойства, бросает в него, что ни встретилось бы ему под руки, однажды не попадает, хлопает дверьми, наваливается на спящих, так, что они ни одним членом подвинуться не в состоянии, хотя и сохраняют память; и ежели придавленный им ощупает его мохнатым, то это значит к добру. Перед бедою он воет, даже щиплет до сини, но боли на том месте не бывает; когда же хозяину умереть, то домовой во всю ночь воет.

Вотяки называют домового Албаст и Кобольт; последнее название дают ему также и немцы. Он живет в пустых домах, в деревнях, и шалит не только там, но даже и в банях; по этому суеверные деревенские жители сожигают свои ветхия избы и другия строения.

Дорога. — Выезжать на дорогу в Понедельник не должно, потому что, как уверяют она благополучна быть не может, также не предвещает добра, когда перебежит через дорогу заяц или другое животное. Если разстаются с кемнибудь и желают опять скорее с ним увидеться, то должно, при последнем с ним прощании, на возвратном пути домой, оглянуться назад.

Детей отнимать (от груди) в такой день, когда нет св. мученика.

Дождю на «радонницу» (вторник, на Фоминой) не обрадуется.

Чтобы дети мужескаго пола не были трусливы — надобно тотчас по рождению их, дать им в руку шпагу.

Дворовая птица ощипывается — к ненастью.

День Благовещения — суеверы уверены, что в этот день птица гнезда не вьет, а если завьет, то у нея отнимутся крылья и она будет в силах только ходить; а между тем, если в этот день вор что либо украдет, то ему будут на весь год — удачи.

Для облегчения родов, бабка разстегивает ворот рубахи — своей и родильницы, расплетает у нея косу, вынимает серьги из ушей, при родовых муках велит зажечь венчальные свечи, окачивает водой обручальные кольца и этой водой поит родильницу; муж же идет к попу и просит отворить царских двери в церкви.

Думают, что если бросить на улицу тряпку, которой перевязался больной, то тот, кто ступит на нее, непременно заразится.

Для облегчения смертной агонии стараются говорить тихо и не шуметь, а больного закрывают чемнибудь белым. — Пока больной не умер, никто не смеет «реветь» (т. е. голосить). Матери плакать об детях грех, потому что «который младенец помер, то это Богу свечка ушла». Ребенок до семилетняго возраста пойдет непременно в рай, а младенец двух или трех лет может даже «поступить в ангелы». — Если умер больной, то и рук не надо, а если маленький, то там с ним водятся. — «Родители не должны плакать по детям, от этого они (дети) уходят глубже, а если не плачут, то возносятся». Но по родителям следует плакать.

Е

Если женщина беременна мальчиком, это признается из того, когда она чувствует, что плод у нее лежит больше в правой стороне; она с удовольствием кушает дичь и даже сировую пищу, и сидя протягивает правую ногу. Но когда девочкой, — то плод у нее лежит в левой стороне живота; она с удовольствием слушает музыку и смотрит на танцы и сидя протягивает левую ногу. (Старинныя женския простонародныя замечания).

Если с утра дождь — то полдня дождь, с полдня дождь — весь день дождь. Если солнце закатывается безоблачно — день будет на завтра ясный. Если в туче дождевой крутая радуга — к ведру, пологая к сильному продолжительному дождю. Пузыри на лужах после дождя — к пущему дождю; или бабочки высказывают — тоже к сильному дождю. Куры, вороны, галки оципываются — к дождю. Куры и воробы купаются в пыли — перед дождем. Кошка свертывается клубком — перед ненастрем. Камни отначивают перед дождем.

Если поперек дороги перебежит заяц — ждет полная неудача, даже лучше воротиться; тоже дурной признак — встретить попа, девку или кошку, а собаку или нищаго — хороший; если у нищаго полная корзина — еще лучше.

Если кто будет съедать каждый день по яйцу или по два, сваренные в смятку и приправленные горчицею и будет продолжать это месяца два, тот никогда не будет иметь ни геммороя, ни геммороидальных припадков.

Если во время метения пола обмести ноги парня, — то его не будут любить девки, или ему не найти невесты: невеста будет объезжать.

Если не мытыми руками брать хлеб — будут изжоги.

Если обтирать руки об скатерть, то на пальцах будут заусеницы, или сойдет с ладони кожа.

Если народится много жеребят — травы будут худы и зимою сено будет дорого.

Если во время святок погода стоит пасмурная, снежная, то и во время сенокоса — будет дождливая, сырая и хлеба худы и — наоборот.

Если летом парит в воздухе, как в бане (особенно после дождя) — перед грозой. Ворона ходит разинув рот и усиленно каркает — тоже. Зарница хлеб зорит т. е. — он выспевает.

Если весна холодная — осень будет теплая, потому и поговорка: «сеешь в шубе, жнешь в рубахе». Весна дождливая и протяжная — осень такая же и — наоборот.

Если ночь на Рождество звездная, такая же на Новый год и на Крещение — то летом будет много ягод и грибов.

Если кто сидя к нему (к месяцу) спиной играет в карты — то непременно проиграет.

Если кто перешагнет через дитя, играющего или ползающего на полу — то дитя худо рости будет.

Если голубь влетит в растворенное окно в комнату, верят, что это предвещает: или конец жизни комунибудь в доме, или пожар.

Если хворый ложится на бок лицом к стене — умрет.

Если к дому, где лежит больной. Бабы проторят дорогу — то ему умереть.

Если при соборовании, свечи упадут камлем к порогу — то больной умрет.

Если крошки изо рта валятся — к смерти.

Если сонный отпыхивает — то умрет.

Если ожидают к умирающему священника с дарами, то кладут на столе нож, для остраски смерти.

Если Белого голубя бросить на пожар — погастнет.

Если пчелы во время суровой погоды в ульях находятся в сильном движении и сильно жужжат, — предвещает хорошую погоду.

Если месяц очень чист и крутые имеет рога, то будет хорошая погода, а если имеет великие и темноватые рога — то надобно ждать дождя.

Если снег идет мелко и редко, то должно ожидать большой и долговременной стужи; когда же идет

густой снег и хлопьями, тогда будет теплая погода.

Если в день именин неудачно испекутся пироги — то именинник умрет в том же году.

Если скатерть накрыта левой стороной к верху — есть не наесться.

Если после метения пола остались от веника листья, это признак того, что будут гости.

Если девушка не чисто вымела пол, — у нея будет «корявый» муж.

Если солнце с красною зарею заходит, то следующий день будет ясный.

Если солнце восходит с светлою зарею, то день, также будет ясный.

Если солнце восходит в тумане, — то бывает дождь.

Если каша в печи выплывает из горшка — то случится что-нибудь неприятное.

Ежели кто, выходя из дому и затворяя за собою дверь, сам, или кто другой, прищемит или прихлопнет оными полу или подол платья, то сие значит, что быть назади, то есть, опять возвратиться в тот дом.

Ежели кто, плюя, попадает к себе ненарочно на платье, то оное значит, что иметь ему неотменно в скором времени обнову, или терпеть напраслину.

Ежели кто за столом, положивши первый кусок в рот или пив первую рюмку, — поперхнется, — то сие значит, что кто-нибудь спешит к нему обедать.

Если кто, неся к печке дрова, выронит полено — быть гостям.

Если горящая головешка вываливается из печки — быть гостям.

Если ворон сядет на крышу дома — то будет покойник.

Ежели кто одевшись застегнет пуговицы не по порядку, то верят, что в тот же день быть ему пьяну или битому.

Ежели нечаянно просыплется на столе соль, то в тот день непременно в этом доме будет ссора.

Если кто за столом принужден будет подать другому соль, тот должен в эту же секунду засмеяться или улыбнуться, или бросить в солонку кусочек хлеба и сказать: «хлеб с солью не бранятся», а иначе последует ссора.

Если гуси и лебеди отлетают рано — быть скорой и прочной зиме.

Если в день 40 мучеников — морозное утро, то весной будет еще 40 утренников.

Если в Благовещенье день ясный, — то все лето будет красное.

Если найти камень с дырой и повесить в курятнике, то куры будут целы.

Если первый гром с полудня (с юга) — то грозное лето будет.

Если повесить убитую и засушенную сороку там, где много водится мышей, от сего в короткое время мыши все выведутся.

Если положить несколько пучков сущеных цветов чернобыльника и тысячелетника в такия места, где много водится тараканов и пруссаков, то в короткое время не будет их.

Если кто каждую субботу будет сжигать в печи веник, которым в продолжении целой недели мели пол там, где много водится клопов, утверждают, что в короткое время не будет там ни одного клопа.

Если кто из охотников до употребления редьки или редиски, будет резать ее с низу, а не с верху, ножиком, начиная с ростка, то хотя и много ее употребить, отрыжки редечной не будет.

Если мыши проедят где-нибудь белье, — тому должно опасаться неприятностей.

Если ребенок не по летам умен или очень резв, то думают, что он недолговечен. Широкое темя у ребенка означает, что он живуч, а острое — признак недолговечности. Больших размеров голова вообще служит признаком большого ума, хотя и замечают, что не всегда большеголовые — умные. «Лоб широк, да в голове-то мозг».

Если в деревне появилась горячка, то обыкновенно из того дома, где есть больные, не позволяют выходить никому и других туда не пускают, так что остающиеся здоровыми люди чуть что должны умирать голодною смертию. Если же в доме слегли все, то положение этих несчастных становится по истине ужасным. Причиною горячки, как и вообще всех острых заразительных болезней, признается: наказание Божие или «злое поветерье».

Есть примета, что если умерший смотрит, то скоро будет в доме еще покойник. Если умерли двое в один год, то не миновать и третьего. Думают, что покойник все слышит, пока ему не бросят на глаза земли. — Если на покойнике был металлический шейный крест, его снимают и надевают кипарисный, потому что Спаситель был распят на кипарисном кресте.

Ж

Жена, заставившая гневливого мужа своего носить при себе кусочек оленьего рога, будет иметь удовольствие видеть его постоянно в добром с собою согласии.

З

Золотая баба. — Богиня некоторых славян. Храм ея стоял при реке Обиго. В руках держала она младенца, называвшагося ея внуком; возле истукана лежало множество музыкальных орудий, от которых в храме повсеместно происходит шум. Она почиталась пророчицею и давала ответы. Никто не смел пройти мимо богини, не принеся ей какой-нибудь жертвы, а ежели ничего не имел, то вырывал у себя волос, подносил его к Золотой Бабе, кланяясь в землю, и этим думал ее умилостивить.

Зубы. — Когда у детей падают зубы, то велят ребенку стать к запечке задом и бросить зуб за печку, с следующею приговоркою: мышка, мышка, на тебе зуб репной, а ты дай мне костяной, веря, что от того зубы растут скорее и без всякой боли.

Закладывая избу, кладут под угол деньги для богатства, шерсть — для тепла, ладон — для святости.

Заговенье. — Суеверные женщины в заговенье не шьют и верят, что от этого непременно делаются заусеницы или ногтоеда неизлечимая.

Забыть гробовую крышку в том доме, откуда вынесли покойника, значит — быть в том доме другому покойнику в скромом времени.

Звук церковного колокола в вечернее время бывает яснее или слышнее перед хорошей погодой. Если в летнее время вечером крикнуть в поле и происходит эхо — то следующий день будет хороший.

И

Изурочить. — Кто кому вдруг подивится, или скажет: слава Богу, здоровенек! И тот похудеет или занеможет, про того говорят, что он изурочил, что у него слово худо, а если кто поглядит только, и от того человек или скотина захворает, про того говорят, что он сглазил, что глаз у него не хороший, дурен, изурочил.

Икать. — Если кто икает легко, то верят, что его в это время кто-нибудь поминает, а если тяжело, то его бранят.

Икнулось — по добру ли вспомянулось?

Икать тяжело — быть обругану, легко — помянул кто-нибудь.

Икона упадет — к покойнику.

К

Каша. — Когда варившаяся в печи каша выйдет на поверхность горшка и эта выпуклость будет иметь наклонение в зад печи, то это предзнаменует счастье и изобилие, а когда будет обращено к устью печи, то предвещает хозяину разорение дома и бедность.

Клад. — Когда в ночное время или днем покажется теплющаяся свечка или какое-нибудь животное, одним словом, что бы ни было, то должно по этому животному или по этой вещи тихонько ударить, сказав: аминь, аминь, разсыпься, и тогда представившееся явление оборотится котлом или кубышкой с деньгами. Это называется кладом. Котлы обыкновенно находят по явлению какого-нибудь животного на поле, в лесу или в саду и такая экспедиция бывает опасна и сопряжена со многими страшными представлениями, ибо в то время, как вынимают котел, выбегают из лесу черти и кричат: режь, бей, губи! При таком случае берут всегда в помощь колдуна.

Клады зарывают в землю такие же суеверья и не объявляют об них даже при самой своей смерти. Они думают, что и на том свете могут пользоваться тем именем, которое при жизни утаили от других.

Кликуши. — По народному суеверию кликушами бывают испорченные женщины, которых, приходя как бы в неистовство, говорят всякий вздор, по временам кричат голосами разных животных и выкликают имя того, кто их испортил.

Колюка трава. — Когда дымом этой травы окурить ружье, то никакой колдун заговорить не может.

Кукушка. — Эта птица почтается суеверными людьми за предсказательницу. Сколько раз она прокричит, столько лет и остается жить тому человеку, которому она кукует!

Кусок хлеба. — Ежели кто, обедая или ужиная, отломит кусок хлеба, недоест его и, забывшись, отломит другой, то это означает, что кто-нибудь из родных его терпит голод.

Когда отправляются куда-нибудь в путь, нехорошо, если печь открыта, если печь в это время топится, то ставят в устье лучинку, как бы закрывая ее.

Кто в дождь выедет — предвестье благополучной дороги, как и во всяком предприятии.

Кто божится напрасно, в шутку или без нужды, или во лжи, а также, кто имеет привычку сквернословиться — того, рано или поздно, постигнут несчаствия.

Кто огорчает отца своего и мать свою, — тог непременно постигнут несчаствия.

Когда встретивший тебя на дороге спросит: — куда ты идешь? — Надобно воротиться домой, иначе случится какая-нибудь неудача.

Кто призирает нищаго, тот никогда не будет богат.

Когда журавли высоко, тихо, без крика и правильно летят, то наверное можно ожидать ясной и сухой погоды.

Кто часто и много смеется, тот не без глупости, и не может ничего смолчать.

Кто очень мало смеется, тот остроумен и трудолюбив.

Кто плонет на платье нечаянно — к обнове.

Курица на одной ноге — к стуже.

Когда каша варится в печи и выйдет на поверхность горшка и сия выпуклость иметь будет наклонение в зад печи, сие знаменует: счастье и изобилие, а когда в устье печи, то предвещает — разорение дома и бедность хозяину.

Кошка моется лапою, — то предвещает хозяину в тот день гостя.

Когда кошка спит подвернувши рыло под брюхо, то предвещает: летом — непогоду, а зимою — мороз.

Кровь кому во сне пригрезится, то значит, что имеет свидание с кровным, то есть — родственником, который приедет издалека.

Кусок хлеба, ежели кто обедая или ужиная, отломив, будет есть и, не доев его, забывшись, оставит и, отломит другой, то сие знаменует, что кто-нибудь из родных его терпит голод.

Когда собака завоет, то уверяют, что быть тому дому худо, а ежели на кого собака потянется, то предвещает ему обнову.

Когда от гор и лесов после тумана выходят пары, — то будет ненастье.

Красные облака, при восхождении и закате солнца бывающие, предвещают дождь.

Когда умершему шьют саван, то должно шить его редко, что называется «на живую нитку» и иглою не к себе, но от себя, ибо верят, что в противном случае, весь тот дом — вымрет.

Когда услышишь в первый раз кукование кукушки, то будешь богат весь год, если в то время была в кармане хоть какая-нибудь монета; если слышишь кукушку вправо от себя — жить благополучно и богато, а влево — то несчастливо, а если в сечь (в лицо) — то много лет здравствовать, а если в зад (позади себя) — то скоро умрешь. Когда кукушка кукует, загадывают: сколько раз она крикнет, столько лет проживешь.

Когда вынимают пироги из печи и пирог перевернется — к прибылому.

Когда человек выходит из избы и его колонут по спине рукой, хотя бы и нечаянно — счастья ему не будет.

Коли береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое; если ольха наперед — мокре лето будет.

Коли грибовно, — так и хлебовно.

Кто носит в кошеле орех двойчатку — богат будет.

Кто при первой ласточке умоется молоком — бел будет.

Коли дети не живут — бери первого встречного в кумовья.

Кто обрезывает ногти во вторник и четверг — тот получает заусеницы на пальцах.

Когда в левом ухе звонит, тогда наши друзья вспоминают нас, а если в правом, то — неприятели.

Кто нечаянно завидит свет в своем доме — жди счастья.

Кирпич выпал из печки — к худу.

Каша из горшка вылезает из печи — к худу, в печи — к добру.

Кукушка кукует на сухом дереве — к морозу.

Коли собака ночью воет, то перевернуть под головами подушку и сказать: «на свою голову», и она замолчит.

Когда собака крох не ест после больного, то он скоро умрет.

Конь воина обнюхивает — убитым быть.

Кто вербу посадит — сам на себя заступ готовит (умрет, когда из вербы можно будет вытесать лопату).

Кто умрет на пасху — яичко в руку.

Ком могильной земли к сердцу — скорбь отляжет.

Кто обмирал и был на том свете, тому под большим страхом запрещено говорить три слова, неизвестно какие.

Кто плесневелый хлеб ест — хорошо плавать будет и не станет бояться грозы.

Как осина задрожит — так и скот в поле сыт.

Крик филина по близости селения — к большой беде, к пожару.

Крик вороны на кровле предвещает в от день — снег или дождь.

Кто вставая утром надевает сапог или башмак на левую ногу, у того никогда не будут болеть зубы.

Курица петухом поет — не к добру; тогда суеверные хозяева свертывают ей голову и бросают через порог, приговаривая: «на свою голову, не пой курица петухом». Отсюда даже возникла пословица: «Ней пой курица петухом, не бранись баба с мужиком».

Кому вынется — тому сбудется, хорошему не минуется.

Кто ворожит, на того головою наложит.

Конь ко двору пришелся, — соседко колтун сколтунил.

Куры дерутся — к гостям.

Кошка моется, — гостей зазывает.

Кто при первом соловке скинет рубаху — того блохи не будут кусать.

Куры кричат на насести — к домашней ссоре.

Кто идучи домой споткнется — у того дома ссора.

Когда один хлеб вынут раньше прочих и разрежут, — то все хлебы испортятся.

Когда хлеб печется, не мети избы — спорынью выметешь.

Кузнец кует: когда он заберется в покой и будет трещать, то это значит по народному поверью — выживает хозяев из дома.

Кто разорит гнездо ласточки — у того веснушки будут.

Когда ты бабушка ворожить стала, то тогда хлеба не стало.

Кто бел горюч камень-Алатырь изгложет, — тот мой заговор переможет.

Кудью да Кудефью волости — не изойдешь.

Коли дедушка не перезыват с собою в новую избу, то станет прокудить.

Коли домовой душит, то спрашивай: «к добру, аль к худу?» — замест ответа станет легко, или тяжело.

Каравай хлеба начинай резать с головы (с края, который несколько повыдался).

Кто сядет есть, не закрыв книгу — заест память.

Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся.

Кто родится в новолунье — живуч, долговечен.

Кум дарит крест, кума — ризки (или на крестик на ризки).

Когда собака перебежит дорогу, то беды нет, но и большого успеха в лесу не будет.

Когда тело зароют, провожавшие покойника садятся на могилу, едят и пьют водку. Затем, уходя, берут собой земли с могилы, чтобы не боятся покойника. Вернувшись, открывают заслонку и смотрят в печь, а землю кладут в рукомойник и водою с этой земли умываются.

В Кадникове, чтобы не бояться покойника, когда гроб опущен в могилу, на него кидают платок.

Кому случается проходить мимо кладбища, где лежат его родные, тот останавливается и кланяется

трижды. После каждой церковной службы считают долгом «привернуть» к покойнику на могилу и поклониться ему.

Кикимора — дух, имеющий вид девушки в белой рубахе или в другой какой одежде; она живет в гумнах до святок, а после святок куда-то уходит. Видеть ее случается очень редко.

Крещенье в Кадниковском уезде зовется «водокрещение». В этот день крестят рукой или ножем по воздуху окна и двери в избе, а также ставят кресты мелом, краской или углем. Это делается во избежание того, чтобы не вошли кикиморы и нечистые духи, так как те и другие во время освящения воды кидаются всюду.

Л

Лошадь. — Когда лошадь в дороге распрягается, то думают, что в доме кто-нибудь сделался нездоров, а по большой части предполагают, что жена изменила мужу.

Лучина. — По народному суеверному верованию, ежели кто имеет привычку бить домашних своих лучиною, то весь его дом будет нездоров и все изсохнут, как лучина.

Леший. — Суеверные люди уверяют, что лешие бывают мужского и женского пола и представляются то в малом виде, то в огромной величине. Ходя между травою, становятся наравне с нею, а бегая по лесам, принимают рост выше столетних деревьев; кричат ужасным голосом, хлопают в ладоши и откликаются, когда аукают; обходят кругом ходящих по лесу людей, — чрез что затмевают их память, принуждают блуждать до ночи, а потом уносят в свои жилища.

Лешие вешаются в лесах по деревьям, у поселян, работающих в лесу, выпрашивают кусок пирога или хлеба, и взявши отходят и кричат: шел да нашел; крик этот сопровождается громким хохотом. Лешие уносят также маленьких детей в свои подземные жилища и там содержат их. Через несколько лет эти похищенные дети освобождаются посредством пения за них молебнов, если только они, бывши у леших в гостях, ничего не ели.

Лешие все косматые и большие охотники до женского пола. Уносимые ими дети бывают по возвращении дики и насилиu привыкают говорить и с людьми обращаться. Лешие сами выносят их на то место, откуда взяли.

Ежели леший в лесу обойдет человека, и тот потеряет дорогу, то должен все, находящееся на нем платье выворотить и надеть наизнанку. Тогда пройдет сила обойдения, и человек, нашедши дорогу, по которой надобно выйти ему из лесу, может избавиться от лешаго.

Эти страшилища, наводящие ужас на людей своим неистовым хохотом, раздающимся во мраке дрмучих лесов, почитались у славян лесными богами.

Вотяки называют лешаго Алида и уверяют, что он имеет обыкновенное свое пребывание в лесах. У него одна только нога, да и та наизворот, один большой глаз и пребольшая титька, которую втискивает он людям в рот и тем их задушает.

Лягушка. — Яицкие казаки верят действительно, что ежели во время багрения на Урале рыбы попадается кому лягушка на багор, то тот во всю зиму ни одной рыбы изловить не может, хотя будет переменять багры и места.

Локоть когда свербит или чешется у кого, то значит — что спать ему на новом месте.

Лучина. — Ежели кто имеет привычку бить своих домашних лучиною, то весь его дом будет нездоров и изсохнут все так, как лучина.

Ложка, забытая на столе — к гостю.

Лоб свербит — челом бить: с правой стороны — мужчина, с левой — женщина.

Лист осыпаясь осенью с дерева лежит лицом к верху — к недороду на другой год, а изнанкой — к урожаю.

Лед весенний тонет — на тяжелый (безхлебный) год.

Лошади фыркают в дороге — к радостной встрече.

Левый глаз свербит — к слезам, правый, на любаго глядеть.

Ладонь чешется — по мнению суеверов: в тот день деньги считать, если правая — получать, левая — отдавать.

Ладонка. — В предохранение от колдовства и «сглаза» подвязывают на том же шнурке вместе с крестом также и сумочку с ладонном. А тот, кто «родился в сорочке», носит ее до смерти.

Лучина. — Есть у некоторых из простого народа примета, что кто бьет домашних или детей лучиною — тому будет грех, потому что от этого может высушить всех семейных в доме.

М

Масляница. — Вместо приготовления себя воздерживанием к великому посту, простолюдины почти всю эту неделю имеют без снимания наполненный стол особым на этой неделе приготовляемым кушаньем, разного рода блинами, оладьями, прженцами и прочим, которое все вообще называется масляницею, и от утра до вечера, оставляя прочия упражнения, пьют и едят. Ходят ко всем для прощанья; а к кумовьям и к кумам носят пряники, и также большие косяки мыла, катаются на горках в различном и смешном одеянии, также в харях и масках. В последний вечер сырной недели не должно ни огня разводить, ни свеч зажигать.

Мертвец. — Пригрезившийся во сне мертвец значит, что будет снег.

Муравейник. — Должно найти пару лягушек, пожить их в бурак, наделав в нем дырок, бросить в муравейник и бежать не оглядываясь, потому что произойдет великий крик от демонов, которые будут просить, чтобы бегущий оглянулся; но когда он оглянется, тогда сделается их добычею. Пришед через три дня, должно вынуть бурак и в нем окажутся одне косточки, между которыми найдутся вилочка и крючек. Эти вещи имеют особенную силу в чародействе. Кто хочет, чтобы какая-нибудь женщина его полюбила, тот должен потянуть неприметно крючечком за ея платье; если же хотят, чтобы женщина разлюбила, то стоит только отпихнуть ее вилочкой, и она в ту же минуту забудет того человека, который был любим ею.

Мухомор. — Камчадалы почитают этот гриб богом пьянства и обладателем злых зелий. Употребляющие мухомор бредят как в горячке; им представляются разные видения веселые или страшные, смотря по различию темперамента. Одни пляшут, другие плачут, или находятся в великом ужасе, им скважины кажутся большими дверьми, а ложка воды — морем. Некоторым мухомор приказывает удавиться для того, что люди будут им дивиться, а другим утопиться или заколоться. Употребляющие этот гриб умеренно чувствуют веселье, ловкость, и отважность так как турки, которые наедаются опиума.

Мыши. — Торговые крестьяне и даже некоторые купцы верят, что ежели из купленного товара мышь в скором времени что-нибудь попортит, то товар скоро и с барышем сойдет с рук.

Младенцам не давать целоваться долго — немы будут.

Много комаров — готовь коробов (корзин на ягоды).

Много мошек — готовь лукошек (по грибы).

Младенец, родившийся в первое число, бывает долговечен.

Марион — темнокрасный, прозрачный и блестящи камень, привозится из Индии. Утверждают, что он, носимый на шее, имеет силу — прогонять падучую болезнь и меланхолию.

Мураши в доме — к счастию, кони ржут к добру.

Мыши изгрызут одежду — к смерти.

Мухи зимою в избе — к покойнику.

Мерку с покойника кладут с ним в могилу.

Много лет (жить) кукушка бабе накуковала, — да обманула.

Много раков — к хорошему улову рыбы.

Мышь укусит кого в дом, — тому неприятность или несчастье.

Мышь, если попортит какой-нибудь товар, — к скорой продаже или прибыли.

Мать старается кормить ребенка грудью как можно дольше по примете, что пока кормит одного, нового не понесет. «На сырое молоко живо пристанет». Иногда не отнимают ребенка от груди до трех лет.

Н

Ногти. — Суеверы и по большей части так называемые старообрядцы и раскольники, остигая ногти, кладут их в особый мешочек; приказывают по смерти своей класть их с собою в гроб, веря несомненно, что на том свете спросят у них отчет во всяком остиженном или отрезанном куске их ногтя, а для того аввакумовцы заделывают ногти в перстни.

Бухарки красят у себя ногти на руках измятою гвоздикою в желтый цвет.

Не играй ножем — ссора будет.

Надобно всегда на случай иметь дома у себя осколок того дерева, которое разбито молнией. Маленький кусочек этого дерева, положенный на больной зуб — мгновенно исцеляет сего от боли.

На ночь избу попахать, чтобы ангелам было чисто прохаживаться.

Не клади пряслицы на стол, — 40 грехов наживешь.

Нос чешется — в рюмку глядеть; нос чешется — к старосте.

Нос чешется — к покойнику.

Нитку первоученку — пряжа должна сжечь и съесть.

Не покидать ниток на веретене к воскресному и праздничному дню — чтобы не рвались.

Наседку сажать — нужно класть под нея яйца из шапки, или из шубы, вообще из меховой вещи, — чтобы было приплода больше.

Наседка сажает под себя цыплят — к ненастью.

Накануне Нового года узнают судьбу следующим образом: ложась спать, крестят подушку и говорят: «что во сне увидится, то и содиется». Это вызывает вещие сны.

Не усмиренный конь бывает свиреп, — избалованный сын становится дерзким.

Найденную иглу, булавку или другое острое орудие, не должно поднимать, если оно лежит острием к нашедшему его.

Ножик туп — хозяин глуп, скатерка черна — хозяюшка глупа.

Не пей нападкой — подтолкнет чорт лопatkой (нападкой — ставши на колени, или легши на животе).

На себе платье зашивать, пуговку пришивать — пришьешь память.

Не плуй на право — там ангел хранитель, плуй налево — там Диавол.

На правду чихается, на сон позевается.

Ногти цветут — к обнове, гостинцу, к перемене жизни.

На молодом месяце — рыба клюет.

На очеп (колыбельный) ничего не вешай — ребенок спать не будет.

Надетая в пятницу рубашка приманивает блох.

На сожествие Св. Духа развиваются березки, бросают венки в воду: если тонет — к несчастию, плавает — к добру.

На Вознесение завивают березку: если она не завянет до дня Пятидесятницы, то тот, на кого она завита — проживет этот год; девка — выйдет замуж.

На Удоре, в Яренском уезде, младенца для крещения никогда не носят в церковь, а по старинному обычаю, всегда крестят дома. В кумовья, тоже по обычаю, берется первый попавшийся на улице. Если родился мальчик, при крещении бывает один крестный отец, а девочка, — то — одна крестная мать.

На могилу самоубийцысыплют несколько пшеничных зерен и наблюдают издали: если птица не клюет, то не надо и поминать покойника, исключая Дмитриевы субботы да Всех Святых, когда покупают крендели и пряники и раздают людям, а богатые раздают яйца. (Одно яйцо стоит 40 поклонов). Если же видят, что птица клюет зерна, то кидают их и потом на могилу в продолжении года и даже двух, «сколько не напостынет». Рассказывают, что один самоубийца являлся во сне и просил не поминать его, потому что он от этого опускается глубже, говорил, что их шестеро носят сатану на голове, а подошвы их сосут.

На перекрестках черти собираются и играют в бабки или бьются на кулаках, любят тоже собираться на колокольнях, а в жаркую пору дня забираются под густыя нависшие ветви больших елей, где темно и прохладно; в городах собираются на чердаках и часто поднимают беготню и драку, и если войдут с огнем, то они обращаются в кошек и разбегаются. Чтобы разогнать чертей, надо их «изматюкать» (обругать по матерному); черти вообще не любят и боятся такого рода ругательств.

Навечерие Богоявления зовется в Кадниковском уезде «сочевником». В этот день варят в особом горшке кутью, состоящую из гороха с пшеницею с примесью сока из конопляного семени или меду. Молодые девки берут кутью и, ходя по деревне, кидают кутью с ложки в лицо встречному. В сочельник все старые и пожилые не едят до вечерней зари, а когда звезды взойдут, напьются освященной воды и закусывают сочнем из ржаной муки.

На святках наряжаются всячески, кому как вздумается и надевают маски из бумаги или из бересты. Местами один из наряженных запасается большой корзинкой и стоит на улице, а ребятишки (тоже в личинах) в то время воруют в той избе, куда они зашли, хлеб или пироги и передают стоящему на улице. Кроме того, ребята нахватывают всевозможных вещей с повети: сани, пошевни, сохи, бороны, утаскивают куда-нибудь под гору и сваливают в кучу. Так как считается, что на святках всем «вольно», т. е. можно делать, что угодно, то и взыскивать за такия шалости и ругаться хозяину нельзя, а лучше караулить свое добро, чтобы его не растищили и не изломали. Большие парни лазят на крыши и затыкают трубы соломой, перевертывают возы вверх полозьями и т. п.

О

Оборотни. — Ведьмы обираются в разных животных и обираются в них на время других людей по злобе на них и в наказание.

Отламывать лишний кусок хлеба, когда есть недоеденный, означает по приметам старожилов, что кто-нибудь из родных того человека — голоден.

Обнова. — Ежели кто нечаянно плюнет себе на платье, то верят без сомнения, что иметь ему на себе в скором времени обнову, то есть: новое платье, шляпу, шапку, сапоги или проч.

О душах самоубийц думают, что оне идут к диаволу. «Душу диаволу отдал». Есть поговорка о самоубийце: «корту баран».

Овинник обитает в овинах; это дух добрый. Когда засушивают овин в первый раз, то просят овинника, чтобы он все сохранил в целости от невзгод и напастей, а когда кончат работу, то кланяются и говорят: «спасибо тебе, батюшка овинник, послужил верой и правдой».

П

Плевать. — Ежели кто плюнет нечаянно на свое платье, то это значит, что иметь в скором времени обнову или терпеть напраслину.

Приметы. — Простолюдины утверждают, что если кто родится злым человеком, то на того природа кладет

особый знак: он бывает или кос, или рыж, или картав; напротив того, кто хорош лицом, тот злым быть не может.

Пуговицы. — Если кто одевшись, застегнет пуговицы не по порядку, то верят, что в тот день быть ему пьяным или битым.

Пятница. — То есть, пятый день недельный, Пяток. Ежели кто в сей день и в Понедельник что-нибудь предпринимает, то успеха будто бы из того ожидать не должно; в этот день прядь и шить почтят бабы за грех, и ожидают в наказание или ногтоеды злой или заусеницы неизлечимой.

Переносье чешется — о покойнике слышать.

Прощаться или здороваться через порог — поссориться.

По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут.

Правая ладонь чешется — к прибыли, левая — к убытку.

Плевать на воду, все равно — что матери в глаза.

Подаренный нож или другое острое орудие — пресекает дружбу, почему многие, при подобных подарках, имеют обыкновение платить небольшую монету тому, кто будет дарить.

После утрени в первый день Пасхи ходят христосоваться с усопшими: зарывают яйцо в могилу.

Порожнюю зыбку не позволяют качать, чтобы ребенок спал хорошо, покойно; если же качать порожнюю, это вредно для ребенка и у матери от этого скоро родится другой ребенок; также не дают качать двоим разом. На качулю не весят пеленок, иначе дитя будет спать неспокойно. Если ребенок смеется во сне, это значит, что его «тешат ангелы».

Покойника обмывают непременно вдовы, в Кадникове мужчину обмывают мужчины же. Солому, на которой обмывали покойника, уносят за хлебные магазины или сжигают. Образ, стоявший перед покойником, опускается на воду. Местами щепки и стружки от гроба сжигают, местами же кладут в гроб, а что останется, зарывают в землю или бросают в реку. Если стружки от гроба принести в дом, то будет новый покойник. Если гроб сделают велик не в меру, или если, кладя покойника в гроб, заметят, что он еще не совсем окостенел, это есть признаки близости другого покойника.

При последнем прощании с покойником, один из родственников обходит три раза гроб с топором в руках, держа лезвие вперед; при последнем разе ударяет обухом по гробу и тогда уже гроб подымают и несут в церковь.

Покойника обмывают и одевают, как должно, но вместо верхняго платья надевают холщевую рубаху, разрезанную спереди и подпоясанную, а на голову шапку. В гроб кладут листья от веника, и в головы вместо подушки куделью. Гроб делают на улице под окном и все орудия кладут в гроб. Когда гроб внесут в избу и покойника опускают в гроб, то орудия вынимают. Щепки от гроба сгребают и сжигают, а все обмывавшие и одевавшие покойника греют у этого огня руки для того, чтобы руки потом не боялись холода. Когда покойника везут в церковь, то хозяин дома должен, наклонившись к земле, взглянуть из под саней на ноги лошади для того, чтобы лошадь потом не спотыкалась, или же в хомут втыкают иглу без ушей. Во время похорон на могиле раздают милостыню нищим, при чем бабы голосят. Есть поверье, что ангел покойника живет в доме 40 дней, и потому в это время никто не садится под божницу. Тут же на гвозде висит полотенце, до которого никто не смеет дотрогиваться. В 40-й день одна или две бабы провожают ангела с хлебом, солью, пивом и голосят.

Производителем грозы считается повсеместно пророк Илия. Гром — это шум от его колесницы. Илия начинает преследовать чертей и те прячутся, куда попало. Если человек не оградился крестом, Диавол залезет и в него, и тогда человек легко может быть убит молнией. В Васьновской волости Кадниковского уезда, Ильинская неделя зовется грозною. В Тройчине того же уезда Ильин день празднуют по очереди — один год в одной деревне, на следующий год в другой и т. д.; в той деревне, где приходится праздновать, варят пиво, а в самый день праздника приносят образ Илии и служат молебны, почему это празднество и носит название «мольбы». Местами варится не пиво, а сусло.

После христовской заутрени (и обедни) бегут домой со всех ног (хотя бы несколько верст), потому что кто

первый прибежит домой, «у того работа пойдет в году всех круче».

Р

Русалки — дьяволы женского рода, живущи в горах, реках и болотах. Оне имеют весьма долгие волосы; простаки уверяют, что часто их видят бегающими по горам и сидящими на берегах реки, где оне чешут длинные свои волосы, и когда только увидят оне человека, то тотчас бросаются в воду. Древние славяне почитали их богинями вод и лесов, поклонялись им и приносили жертвы. по мнению их, оне имеют весьма долгие зеленые волосы.

Руки дрожат — вор.

Ребенку до году из новаго холста рубахи не шить.

Ребенку не показывать зеркала, — чтобы не был пуглив.

Ранняя кукушка (прежде листа на дереве) — ворам неудача.

Руки, ноги, голову ломят, пальцы горят, мозоли болят — к ненастью.

Разбирать встречи да приметы — с печи не слезать.

Родится Пахом с большим костылем (Предсказание юродиваго о рождении Петра Перваго).

Родинка на таком месте, что самому видно — к худу, а не видно — к добру.

Рождественский сочельник местами зовется кутейником. Невесты гадают на кутье, возьмут ложку кутьи и плеснут на двери; кто после этого первый отворит двери и начнет что-нибудь говорить, то замечают предмет его разговора: соответственно этому будет и жених у гадавшей невесты. Местами за два дня до Рождества девицы сообща пекут пироги и каждая участница приносит с собою соль и рыбу. Пироги едят сами и угождают парней.

С

Собака воет. — Когда в котором доме собака завоет, то уверяют, что быть там несчастию; а ежели на кого собака потянется, то предвещает ему обнову.

Семик. — Этот день и следующие за ним еще три, древние славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при этом роскошь и веселье. Девки и бабы, собираясь хороводами, плясали и, свивая из ветвей венки, целовались сквозь оные с мужчинами, а потом бросали в воду, загадавши: ежели венок поплынет, то быть тот год замужем, а когда потонет, то остаться еще дома, а притом вмешивались тут и всякия любовныя действия в честь и жертву идолу Туру.

Сочевник. — Сии дни преданием церковным установлены для пощечения, что и название значит, и набожные люди в эти дни воздерживаются от пищи, до звезды, то есть, до заходления солнечнаго; но наши простаки переменяют то в иное, и вставая рано, смотрят на звезды, которые восхождением солнечным помрачиться еще не успели, и тут принимаются за пищу, не поставляя себе преступлением сего предания и говоря, что они ели при звезде.

Стол. — Когда сядут за стол тринадцать человек, то должно одному непременно выйти вон, или четырнадцатого добавить, а тринадцати обедать никак нельзя, по уверению суеверов, которые желают выводить из того великия беды. Также ежели кто просыпает за столом столь, то предвещают из того неограниченную домашнюю ссору.

Стены трещат. — Ежели в каком доме, хотя бы то и в новом было, — трещат стены, то значит, что из сего дома живущим в скором времени перебираться должно.

Соли за столом подавать другому не должно, ибо верят без сомнения, что то бывает причиною ссоры, и когда необходимо случится то сделать, то, принимая, велят размеяться, отчего будто вся сила предвещания ссоры — разрушиться.

Суеверные люди во Франции и в Англии пятницу считают пагубным днем. Там никто из них не начнет дела в пятницу, так точно, как у нас в понедельник.

Строевой лес руби в новолунье, вырубленный на ущерб — сгнивает.

Сухой Март, а Май мокрый — делают хлеб добрее.

Сын от последних родов, слегка кусая больное место, избавляет от лажу в костях.

Скотину выгоняй в поле в первый раз (на Юрия) веткой от вербного воскресенья.

Самою заразительною болезнью считается «худая болезнь» — сифилис. Действительно, если в семье заболел один человек, то от него неизбежно заражаются все, так как и едят, и пьют, и спят вместе, и парятся в одной печке. Пораженный сифилисом крестьянин живет дома и работает, пока не свалится, и не обращается за помощью к врачу или фельдшеру, и тем более не ложится в больницу, зная, что лечение сифилиса продолжительное. Домашнее же лечение этой болезни ограничивается обыкновенно питьем настоя «дорогой травы», т. е. сассапарели.

Столб пыли, вихрь, подымающийся на дороге, производится дьяволом, который начинает вертеться и подымает пыль. Если в такой столб, бегущий по дороге или по полю, бросить нож, то нож окажется в крови. Опыт этот, однако, очень опасен, так как раненый дьявол непременно отмстит. Если наклониться и взглянуть на такой столб между ног, то можно увидеть дьявола. В иных местах думают, что в каждом вихре заключены мужчина и женщина, которые «запрокляты». Если крикнуть «вызы, вызы!» вихрь становится злее, но если закричать: «натолку чесноку да в с...ку забью», то вихрь совершенно взбеленится и может наделать бед, например, кинуться на дом и сорвать крышу, сломить дерево или оборвать с него все листья, повалить всю рожь в поле и т. п.

Среда 4-й недели великого поста зовется «средокресье», потому что исполняется половина поста. Вечером этого дня молодые парни стараются обмануть какого-нибудь подростка, говоря ему: «сядь под кузов, услышишь, как говенье переломится». Если тот поверит и сядет, то его обливают водой и потом смеются: «слышал, как говенье переломилось?»

Старая помела выбрасывают в окно для того, чтобы хищные птицы не хватали куриц. Если в избе развелось много тараканов, то баба берет помело и клюку между ног и в одной рубахе облезжает три раза свой дом, приговаривая: «гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством».

Т

Табак. — Раскольники траву сию почитают проклятою и ставят в тяжкий и непростительный грех ее употребление. Когда случится кому в их избе курить табак, то они после его курят трое суток безпрестанно ладонном; а где упало несколько крошек оного, то те же трои сутки скоблят и моют оное место, дабы не токмо его, но и дух или запах оной вывесть совершенно.

Тараканы. — Эту гадину почитают предчувствующую, и когда в котором доме быть пожару, то уверяют, что все тараканы дня за два из того дома станицами выходят.

Так как в течение светлой недели двери в рай бывают отворены, также, как и царских двери в церкви, то кто умрет на этой неделе, пойдет прямо в рай. Во время христовской заутрени, когда в первый раз запоют «Христос воскресе!» все, что пожелаешь, — исполнится. Этим пользуются нередко и с дурными целями. Так, на возглас священника «Христос воскресе!» любитель играть в карты отвечает: три туза да козырная! И от этого ему весь год должно везти в игре. Про удачных охотников говорят: «верно он в христовскую заутреню просвир разстрелил», что охотники и делают.

У

Уши горят. — У кого горят уши, того где-нибудь в то время переговаривают, то есть пересмеивают; когда же в ушах звенит, то, загадав что-нибудь, спрашивают: в котором уже звенит? И когда отгадывают, в котором ухе звенит, то непременно загаданное сбудется.

У кого вошка, у того и денежка. Что вошь, — то грош, что гнида — то гривна.

У счастливого волос, у несчастного — ноготь, т. е. у кого быстро растут волосы — человек счастливый, у кого ногти — несчастный.

У младенцев до году ногтей и волос не стригут.

«Уроди Бог повальный хлеб!» (приговаривают, когда валяют «попа», для урожая, по ниве).

Уши свербят — по новорожденному у знакомых людей.

Уши разгорелись — кто-нибудь ругает.

Уши горят у кого-нибудь — про того судят.

Уголья скачут из печи — перед гостями, и угасает перед гостем.

У кого нет ресниц, тот считается чертом, или во всяком случае, весьма подозрительным человеком, так как «у нехорошего нет ресниц». Подозрительными считаются и люди прихрамывающие, потому что дьявол, как известно, прихрамывает.

Узнать достоверно, был ли человек колдун, можно перед его смертью. В смертный час колдун или колдунья начинает бегать по избе, бросаться на что попало, кричать, петь, смеяться и т. п. Всякая колдунья должна перед смертью всех «своих» чертей передать другой колдунье или колдуну и наоборот. «Так черти от одного к другому и переходят». Если желают убить колдуна, то обычвенными средствами этого сделать нельзя, а лишь вооружившись тележною осью. Для того же, чтобы колдун не мог вредить после своей смерти, ему надо подрезать жилы под коленками. Колдун нередко уносит спорынью (приполон) с хлеба. Для этого он обходит поле с серпом и сжинает по несколько колосьев в разных местах.

У покойника отрубают украдкой палец и с этим пальцем ходят воровать. Если обойти с пальцем дом, где есть мертвец, то все в доме уснут так крепко, что можно войти и делать что угодно, никто ничего не услышит.

Ф

Филин. — Птица сия почитается предвестницею пагубы, и когда, прилетев на кровлю чьего-либо дома, станет кричать, то кому-нибудь из того дома умереть вскоре, или чувствовать беду. Суеверы носят при себе когти, дабы привести себя в безопасность от чародейства.

Филин-птица в народе считается пагубною, потому что предвещает несчастье.

Филин когда прилетит и сядет на дом и начнет кричать — к несчастию; суеверные люди носят при себе его когти, чтобы охранить себя от несчастий.

Ч

Черные книги. — Так называются мнимые волшебные книги, которые содержат в себе дьявольские наваждения; они написаны волшебными знаками, а большею частию нолями или кружками; находятся всегда у волшебников, по которым призывают они дьяволов; когда же попадут они нечаянно не колдуну, то как скоро откроет он их, то приступит множество чертей, и начнут просить работы. Когда не может он им дать работы, если и даст, то легкую, которую они тотчас сделают, то утащат его в ад; а чернокнижники, зная по их науке, каких черти работ окончить не в состоянии, таким им и дают, например: приказывают вить канаты из песку, воды или из солнечных лучей, и таскать оными китов из моря, или другия какия тяжести, то черти более к ним и не пристают, понеже и за то наказаны бывают, что делать не умели.

Чистый Понедельник. — Так называется Понедельник на первой неделе великаго поста. Во многих городах по утру собираются кучами ребята и, держа в руках ухваты, кочерги, помелы и сковороды, обернутыя тряпицами, кричат, подходя к каждому дому: мы масляницу прокатали, святые вечера проиграли, мы рождествен пост пропряли. Свет наша Масляница дорогая, где ночес ночевала, под кустом на дорожке, ехали скоморошки, вырезали по пруточки, сделали по гудочку, и вы гудочки не гудите, и вы Масляницу не будите.

Чихать. — Когда придет кому какая-нибудь в голову мысль, а случится, что в то время нечаянным образом другой чихнет, то это значит, что задуманное действительно сбудется.

Через порог не здороваться — не беседовать.

Чихнешь в понедельник натощак — к подарку; во вторник — к приезжим; в среду — к вестям; в четверг — к похвале; в пятницу — к свиданию; в субботу — к исполнению желания; в воскресенье — к гостям.

Что-то позевывается, знать наши спать ложатся или ужинать садятся.

Чтобы иметь счастливый успех во всех своих предприятиях и избавиться бедствий, говорят, что нужно только списать и всегда носить при себе «сон Пресвятой Богородицы». Сей талисман находят у многих набожных старушек.

Чтобы приворожить жениха, надо прокормить его с заслонки, также и петуха, и при этом говорят: — «как бы эта заслонка держалась своего устя, так бы и петух держался своего дому».

Чтобы дитя раньше ходило — провести его по полу во время утрени Св. Пасхи.

Ш

Шапка-невидимка добывается следующим образом: надо найти цветок «адамову головку», который разцветает около Иванова дня, и положить его в церкви под престол, чтобы он пролежал там сорок дней. Затем, когда его вынут, он получает такую чудодейственную силу, что, если держать его в руке, то будешь видеть дьявола, чертей, леших, словом — всю «отпадшую» силу. Тогда можно сорвать с лешаго шапку, надеть на себя и станешь так же невидим, как и леший. В этой шапке можно делать что угодно, никто не увидит и не узнает. Перед смертью надо бросить шапку в реку, чтобы черти взяли ее обратно.

Ять

Есть в потемках — дети воры будут.

Э

Эхо. — Когда кто кричит в лесу или на берегу реки, то эхо обыкновенно повторяет слова его. Суеверные уверяют, что это отзывается леший, имея намерение заманить в жилище свое того человека, который кричит или играет на каком-нибудь музикальном инструменте.

Ю

Юбка. — У замужней женщины при надевании юбка завернется, то это по суеверию баб считается, что в тот год та женщина родит.

Я

Яга-баба. — Под сим именем почитали славяне адскую Богиню, изображая ее страшилищем, сидящим в железной ступе, и имеющую в руках железный пест; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внучек, коих ей присвоили, и услаждается при том и сама пролитием крови.

Яйца. — Когда занимает кто яиц у кого для наседки, то через воду, то есть реку или канал переносить их не должно, уверяют, что плода от них ожидать уже будет невозможно; а когда кладут яйца под наседку, то полагают прежде в шапку, и из ней уже под курицу, веря, что от того все цыплята будут мохнатые и с хохлами. Делают еще и другое, но здесь сказать о том не прилично.

Ярко восходящее солнце и потом скоро темнеющее — предвещает дождь.

Яйца, под наседку назначенные, не должно переносить через реку или канал, потому что от этого не будет цыплят, а нужно непременно в шапке переносить с места на место, чтобы куры были с мохнатыми ногами и с хохлами.

Ячмень на глазе. — Чирышек если сядет на глазу, то, чтобы он уничтожился, стоит только не в примету тому, кто его имеет, слегка плюнуть в больной глаз или поднести к больному глазу кукиш, говоря: «ячмень, ячмень! Вот тебе кукиш, что хочешь, то и купишь; купи себе топорок, секи себя поперек», — и уверяют, что от этого болезнь скоро проходит.

Народные хозяйствственные приметы

Ай, ай, месяц Май,

Тепл, да холден.

Уроди Боже всякого жита по закрому, на весь крещеный мир.

Народные хозяйствственные приметы Январь

5-е

Яркия звезды под Крещение породят белых ярок.

6-е

На Крещение день теплый — будет хлеб темный.

Если на воду идут (на Иордан) в тумане — хлеба будет много.

На Крещение мятель — на Святой мятель.

Метет снег (в этот день) хлопьями — к урожаю.

Звездная ночь — урожай на горох и ягоды.

8-е

Коли на Омельяна (Емельяна) подует от Киева — лето грозно.

10-е

На Григория Нисского иней на стогах — к мокрому году.

12-е

Солнце входит в знак Водолея.

18-е

На Афонасия ломоносова — береги нос (морозы).

Помело метлой на Маслину — придет государыня мятельная.

В полдень солнце — весна ранняя.

22-е

Тимофеевские морозы — ползмы.

24-е

На Аксинью полузыницу дорогу переметет — корм подметет.

Ведро — весна красная.

Какова Аксинья, такова и весна.

Февраль Февраль бокогрей воду подпустит, а Март подберет.

2-е

На Трифона звездно — весна поздняя.

Сретенские морозы и оттепели.

Какова погода на Сретенье, такова и весна.

На Сретенье снежок — весной дожек.

Капель — урожай на пшеницу.

От 3-го до 11-го — семь крутых утренников: три до Власия, четыре после Власия.

11-е

Св. Власия — сшиби рог с зимы.

Власьевские морозы.

15-е

Онисима Овчарника окликают звезды для плодородия овец.

28-е

Василия капельника.

Март И Март на нос садится (мороз).

Ни в Марте воды, ни в Апреле — травы.

Коли в Марте снежок за долинами — урожай на огородину и ярицу.

Сухой Март обещает великое плодородие, а когда дождлив, то редко хороший урожай бывает.

Частые туманы в Марте предвещают дождливый год.

1-е

пролетье, Авдотья Плющиха, подмочи порог.

Пришли Евдокеи — мужику затеи.

Евдокия весну сряжает.

Красный день на Евдокии — урожай на огурцы и грузди.

Новичек на Евдокию с дождем — быть лету мокрому.

На Евдокею снег — урожай; теплый ветер — лето мокре; северно — холодное лето.

С Евдокеи погоже — все лето пригоже.

С Евдокеи ветры и вихри.

Отколь ветер в Евдокеи, оттоль и во все лето.

2-е

На Федота нанос — все сено снесет (долго травы не будет).

4-е

Герасима гречевника.

Коли грачи прямо на гнездо летят — дружная весна.

9-е

Сорок мучеников — сорок утренников (впереди будет).

17-е

Алексея — с гор вода.

Каковы на Алексея теплые ручьи — такова и пойма.

25-е

Если до восхождения солнечного погода будет ясная во весь день, тогда можно надеяться плодородного года и изобильного сенокоса.

Весна на Благовещение — много морозов впереди.

На Благовещение дождь — родится рожь, мороз — урожай на грузди, гроза — к теплому лету и орехам, мокро — к грибам.

Зимний путь кончается или за неделю — до Благовещения или спустя неделю — после Благовещения.

Апрель В Апреле земля преет.

Апрель с водою — Май с травою.

Апрель сипит да дует — тепло бабам сулит, а мужик глядит, что-то будет.

Мокрый Апрель предвещает хорошую пашню и изобилие в сенокосе.

Сухой Апрель предвещает для пашни и сенокоса не доброе.

1-е.

Марья зажги снега, заиграй овражки.

Коли розлив — травы много.

5-е.

Пришел Федул — тепляк раздул.

9-е.

Солнце входит знак Тельца.

12-е.

Василья Парийского — весна землю парит.

15-е.

На св. Пуда — доставай пчел из под спуда.

16-е.

Ирина — сей капусту на разсадниках.

18-е.

На Козьму — сей морковку и свеклу.

23-е.

Егорий с росой, Никола с травой, Егорий с теплом, Никола с кормом.

Егорий с ношей, Никола с возом.

Юрий запасает коров, Никола коней.

Коли на Ярия березовый лист в полушку, к Успению клади хлеб в кадушку.

Юрий (Георгий) весну начинает, а Илия лето кончает.

На Юрья дождь — скоту легкий голод, а гречи не род.

На Юрья роса не надо овса; снег (крупа) — урожай на гречу.

Мороз — будет просо, овес и гречи хороши.

Ясно утро — ранний свет, ясный вечер — поздний сев.

30-е.

Теплый вечер и звездная ночь — к урожаю и ведрому (сухому) лету.

Май Месяц Май — коню сена дай, а сам на печь полезай.

Коли в Мае дождь — будет и рожь.

Май холодный — год хлебородный.

Май холодный предвещает много сена.

Сухой и теплый Май — предвещает плодородие.

Если накануне Тройцына дня вечером прольется дождь, тогда можно надеяться на плодородие земли.

Если после Тройцына дня начнется прекрасная погода через три недели сряду, тогда можно ожидать изобилие древесных плодов.

1-е.

Коли на Еремея погоже — уборка хлеба пригоже.

2-е.

Борис — соловьиный день.

На Бориса — сам боронися.

Борис и Глеб — сеют хлеб.

5-е.

Ирины разсадницы.

6-е.

Иова горошника, россенника, большая роса — к урожаю огурцов.

8-е.

Ивана пшенишника.

9-е.

Николай вешний — праздник конюхов.

Лягушка квачет — овес скачет.

Сади картофель.

11-е.

на Мокия мокро или туманно — все лето мокро.

Всход солнца багряный — все лето грозное.

12-е.

Солнце входит в знак Близнецов.

13-е.

Лукерки комарницы.

14-е.

Прошли Сидоры — прошли сиверы.

15-е.

На Пахомия бокогрея поздний овес и пшеницы.

Пришел Пахом — понесло теплом.

18-е.

Семь дев сеют лен.

Пришел Федот — берется земля за свой род.

Коли на Федота на дубу макушка с опушкой — будешь мерить овес кадушкой.

19-е.

На Ивана долгаго — сажай огурцы.

21-е.

На Олену — сей лен, ярицу, гречу, ячмень, сей огурцы.

Леонтия огуречника.

26-е.

С Иванова дня пошли медвяные косы.

29-е.

Феодосии колесницы.

Июнь Конец полетья — начало лета.

Если в этом месяце ночи будут теплые, тогда наверное можно ожидать изобилия плодов.

1-е.

Красно утро на Устина — красный налив ржи.

Дождливый и пасмурный день — урожай на лен и коноплю.

3-е.

На Луку полуденный ветер — к урожаю яровых; северозападный — к сырому лету; восточный — к поветриям.

На Троицкой неделе дождь — много грибов.

8-е.

Гроза на Федора летняго — плохая уборка сена.

12-е.

Солнце входит в знак Рака.

Петра солнцеворота, капустника.

Солнце на зиму, — лето на жары.

13-е.

Акулины гречишницы (гречиху сеют за неделю до Акулины, либо через неделю — после).

23-е.

Акулины купальницы.

24-е.

Ивана купала — 1-й покос.

До Иванова дня просите детки дождя у Бога, а после Ивана я сам упрошу.

Сильная роса на Ивана — к огурцам.

27-е.

На Сампсона сеногноя дождь — 7 недель дождь.

29-е.

С Петрова дня красное лето — зеленый покос.

Зарница хлеб зорит, коли дождь на Петров день — сенокос мокрый.

На Св. Петра день дождь — урожай не дурной, два дождя — хороший, три — богатый.

Июль Сенозарник, страдник.

В этом месяце жары с умеренными дождями и ночных испарениями обыкновенно умножают плодородие хлеба и все скоро созревает.

В июле месяце следовало бы всем и каждому воздерживаться от употребления горячих напитков и забав, разгорячающих кровь.

1-е.

Начало покоса.

Кузьма и Демьяны пришли — на покос пошли.

8-е.

Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспела — поспела и рожь.

Зажин ржи.

12-е.

Солнце входит в знак льва.

Св. Прокла — от росы поле промокло (великия росы).

19-е.

Коли на Марину мокро — страда (полевая работа) ненастная.

20-е.

Илья жниво зачинает, лето кончает.

Начинаются утренники.

На Ильин день до обеда — лето, после обеда — осень.

До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня пуд навозу (значит, хорошо сено скосить до Ильина дня, поспешить надо, а то гнить будет).

22-е.

На Марью — сильные росы — льны будут серы и косы.

25-е.

Коли утренник холодный, и зима холодна.

29-е.

Пронеси Господи Калинику мароком (туманом), а не морозом.

Август.

В этом месяце солнечное сияние обыкновенно спопшествует созрению всех произрастаний.

Овсы да льны в Августе смотри.

1-е.

Во что Маккавеи, в то и разговоры.

С первого Спаса хорошая роса.

3-е

На Исакия вихри — к крутой зиме.

6-е.

Со второго Спаса начало засева озими.

Пришел второй Спас, бери рукавицы про запас. (Значит могут и руки озябнуть).

Осенины.

10-е.

Коли на Лаврентия вода тиха, — осень будет тиха, и зима без выюги.

15-е

Солнце входит в знак Девы.

Оспожинки, обжинки.

На Успенье огурцы солить, на Сергия капусту солить.

16-е.

Третий спас хлебный.

Молодое бабье лето (с 15-29).

Сей озими до Фрола.

18-е.

Фрола и Лавра — лошадиный праздник.

Начало утренников.

21-е.

Если будет день ясный, то надобно ожидать, что еще четыре недели будет хорошая погода.

23-е.

На Св. Лупа осень морозом лупит.

Первые заморозки (лупенские).

Коли брусника поспела и — овес дошел.

Сентябрь Сентябрь зарешник. (Зарень)

Если в этом месяце много будет на дубах желудей, то много будет и снегу перед Рождеством.

Частые и большие туманы бывающие в сем месяце, особенно без ветру, причиняют различные болезни людям, слабого здоровья.

Много желудей — к теплой зиме и плодородному лету.

1-е

В Семен день — севалка с плеч.

Осенины, первая встреча осени.

Бабье лето по Спасов день (8 число).

Бабий праздник и бабьи работы.

Не постно оно, осень сухая.

Много тенетника — осень ясная, зима холодная.

8-е.

Малая пречастая Пассиков и Луков день.

Осенины. Вторая встреча осени.

11-е.

Всякому лету — аминь.

13-е.

Солнце входит в знак весов.

14-е.

Воздвижение — кафтан с плеч сдвигает, тулуп надвигает.

Начало капустных вечеров, или капустников.

15-е.

Никиты гусепролета, репореза.

Стрижка овец.

18-е.

Коли журавли полетят, то будет на Покров мороз, а нет, то позже.

24-е.

Феклы заревницы — замолотки.

27-е.

Савватия — пчельника.

Октябрь. Этот месяц почти одинаковое имеет свойство с Сентябрем.

Октябрь — грязник, ни колеса ни полоза не любит.

Поздний листопад — на тяжелый год.

Коли лист дуба и березы упал чисто — легкий год, нечисто — к строгой зиме.

Лист ложится наземь вверх изнанкой (мохнатой стороной) — к урожаю.

Добрая отава — к озими.

Первый снег за сорок дней до зимы.

Ива рано инеем покрылась — к долгой весне.

1-е.

Покров — первое позимье.

Ветер с востока — зима холодная.

Не покрыт Покров снегом — не покроет и Рождество.

С Сергия зима начинается.

С Матрены (1 ноября) через четыре седмицы становится.

9-е.

Иаков брат Господень, крупицу пошлет.

13-е.

Солнце входит в знак Скорпиона.

14-е.

На Грязниху порошиху — грязь 4 седмицы до зимы.

Прасковьи Льняницы.

29-е.

Авраамия печерника, Настасьи стригольницы.

Ноябрь.

Если выпадет снег на мерзлую землю, тогда наверное можно ожидать в будущем году хорошего урожая хлеба.

Снегу надует — хлеб придуется, вода разольется — сена наберется.

Мокрый снег на озимь, — тот же назем.

Без воды зима не станет.

Первый прочный снег в ночи и на мокрую землю.

Коли лед на реке становится грудами — будут хлеба груды.

1-е.

Козьма, Демьян с мостом — Никола — с гвоздем.

Козьма, Демьян — закует, Михайла раскует.

8-е.

Михайла с полумостом.

Коли на Михайла закует — на Николу раскует.

9-е.

С Матрены зима встает на ноги.

11-е.

Федор Студит, землю студит.

12-е.

Солнце входит в знак Стрельца.

Коли дождь — то оттепели до Введенья.

15-е.

Гурий на пегой кобыле (грязь и снег).

16-е.

На Матвея земля прее.

21-е.

Введенье ломает леденье.

Введенские оттепели.

Введенские морозы зиму не ставят.

26-е.

Юрий с мостом, а Никола с гвоздем.

Декабрь.

Большой иней, бугры снега, глубоко промерзлая земля — к урожаю.

Коли снег привалит вплоть к заборам — плохое лето; коли есть промежуток — урожайное.

4-е.

Трещит Варюха — береги нос да ухо! (Мороз)

Варвара мостит, Савва вострит (или салит), а Никола гвоздит.

Коли в Николин день след заметает — дороге не стоять.

9-е.

Опока на деревьях — к урожаю.

12-е.

Спиридона Солнцеворота.

Солнце на лето — зима на мороз.

13-е.

Солнце входит в знак Козерога.

16-е и 17-е.

Иней — теплые святки.

Коли на Агея сильный мороз, то он простоят до Крещения.

24-е.

Какова опока на деревьях, таков будет цвет на хлеб.

25-е.

Если от дня Рождества Христова до Богоявления будет прекрасная погода, то на будущее лето ожидайте всего в изобилии.

Ясный день — к урожаю.

Небо звездисто — к большому приплоду скота, к ягодам и гороху.

Тропинки черны — к урожаю гречи.

Народные приметы по солнцу и облакам

Солнце с красною зарею заходит, а с светлою восходит — к ведру и ясному дню.

Красная вечерняя заря — к ветру.

В тучу, темное облако садится — к дождю.

В тумане — тоже.

Солнце при закате сияет — к большому ветру.

Тупые и редкие лучи солнца при закате или восходе — к дождю.

Светлое облако перед восходом солнца — хороший день.

Темноватое — пасмурный или дождливый.

Меняющее цвета облако — к дождю.

Красные облака — к дождю.

При полудневном ветре — к порывистому ветру и непогоде. Если же при этом лучи солнца темнеют — то ожидай грозы.

Кучею облака при восходящем солнце — к переменной погоде.

Из темного облака солнце появляется с большим жаром — к грозе.

Солнце парит и тишина в воздухе — к большой грозе и дождю.

Красного цвета солнце на восходе — к большому ветру.

Солнце в тумане — к дождю.

Различного цвета лучи восходящего солнца — к пасмурной или дождливой погоде.

Тоже предвещает желтый, белый или зеленый восход солнца.

Круг около солнца, не разделяющийся при исчезновении — к добре и сухой погоде.

Если круг разорвется, то со стороны разрыва кольца будет ветер.

Если круг темноватый зимою — предвещает стужу, летом — дождь и ветер.

Круг зеленоватый или красноватый перед восходом или заходом солнца — дождь или ветер на несколько дней.

Ярко восходящее солнце, и потом скоро темнеющее, предвещает дождь.

Если солнце из темного облака восходит с большим блеском, то должно того дня ожидать грома.

Светлое сияние, во время дождей бывающее, означает перемену пасмурной погоды на хорошую.

Если солнце заходит в туче, из которой перед заходением солнца, или после заходения блистало молния, то на другой день бывает гроза с дождем.

Если после пасмурных или дождливых дней солнце без всяких облаков заходит, и при том повеет легкий восточный ветерок, тогда наверное можно ожидать продолжительной ясной погоды.

Если при заходении солнца покажется радуга слабого цвета, тогда надо ожидать продолжительного дождя.

Когда солнце при заходении бывает красное, и этот цвет сообщает облакам, то последует бурная погода с дождем и это тем вернее бывает, чем чаще облака изменяются в цвете.

Приметы по луне

Если ветер в три дня обглядится, то весь месяц будет ведрянnyй.

Когда месяц рождается вниз рогами (с юга), то зимою будет теплый, а летом жаркий месяц; когда рогами вверх, то зимою холодный, а летом ветряный.

Рога к ветру, но нижний крутой, верхний отлогий, то первая половина месяца зимой холодная, летом ветреная; если же верхний рог круче, а нижний отложе, то та же примета на вторую половину месяца.

Рога луны остры и ярки — к ведру. Круты — к морозу. Отлоги рога — к ненастью.

Тусклый месяц — к мокроте. Ясный — к суху. В синеве — к дождю, в Красне — к ветру, с ушами — к морозу.

Ясная, кругловатая луна — зимой к стуже. Летом — к ведру.

Кольцо вокруг луны — к ветру.

По звездам

Когда млечный путь светит, то будет хорошая погода. Когда же кажется, что звезды в нем словно бегут, то будет ветер.

Черные круги около звезд — к дождю. Белые и красные — к ведру. Темные, зеленые и бледные круги — к дождю.

Сильно блестят звезды летом — к жаре. Зимой — к морозу. Темнеют — к переменной погоде, ветру и грозе.

Мало звезд видно — к пасмурной погоде и дождю, а откуда лучи звезд будут длиннее, — оттуда будет ветер.

Приметы по воздушным явлениям и другим физическим признакам

Гром зимой — к сильным ветрам.

Пушистые инеи — к ведру.

Вечерняя роса — к ведру.

Туман падает (не поднимается) — к ведру, поднимается — к ненастью.

Большие дождевые пузыри — к ненастью и пущему дождю.

Ранняя роса летом, а осенью иней — к ведру.

Дым столбом — к морозу или к ведру.

Когда дым без ветру бьет к земле, летом — к дождю, зимой к снегу.

Когда от гор и лесов после тумана выходят пары, то будет ненастье.

Если на равнинах и низких местах по заходлении солнца густо разстилается туман, то ожидайте хорошей и ясной погоды.

Густой туман, ввечеру бывающий, предвещает на заре другого дня дождь.

Если при заходлении солнца покажется радуга слабаго цвета, тогда надобно ожидать продолжительного дождя.

Если после дождя земля скоро сохнет, и сырость с камней скоро исчезает, то наверное можно ожидать продолжительного дождя.

Когда вовсе нет утренней росы, или когда столь много бывает, что как будто бы шел сильный дождь, то должно ожидать скораго дождя.

Шум волн с запада предвещает пасмурную и дождливую погоду.

Когда в тихую погоду вдруг сделается вихрь, который древесныя листья, солому и другия легкия тела поднимает на воздух, то последует дождь и бурная погода.

Если во время грозы молния часто блистаает, а гром гремит очень редко, то должно ожидать повсеместного дождя.

Когда покажутся две или три радуги ярких цветов, то бывает продолжительный дождь.

Когда при восточном ветре густо стоят и большими отделениями поднимаются к верху, тогда должно

ожидать тихой хорошей погоды.

Гром с быстрым дождем не опасен, но чем чернее туча, тем больше дождя бывает.

Если больше грому, а меньше молнии, то со сторон большой бури ожидать должно.

Красная молния самая опасная, потому что она зажигает и убивает.

Если снег мелко и редко идет, то большой и долговременной стужи ожидать не должно. Когда же идет густой снег и хлопками, тогда будет теплая погода.

Когда нет морозов в последней половине Февраля и в первой половине Марта, то в Апреле и в первой половине Мая бывает стужа.

Приметы по чувствам животных

Скот ложится под кровлю — к ненастью, а на дворе — к ведру.

Свинья чешется — к теплу. Визжит — к ненастью; солому таскает — к буре.

Лошадь хранит — к ненастью, фыркает — к дождю, трясет головой и закидывает к верху — к ненастью.

Собака валяется — к ненастью.

Траву ест — к дождю.

Кошка лижется — к ненастью.

Кошка моется, лижет лапу — к ведру.

Кошка морду хоронит — к морозу, либо к ненастью; в печурку садится — к морозу, непогоде; скребет пол — к ветру и мятели; стену дерет — к непогоде; крепко спит — к теплу; лежит брюхом или рыльцем к верху — к теплу.

Когда журавли высоко, тихо, без крика и правильно летят, то наверное можно ожидать ясной и сухой погоды.

Когда комары при заходении солнца собираются на воздухе в виде кружящегося столба, тогда ожидайте хорошей погоды.

Когда пчелы далеко отлетают от своих ульев и даже по заходении солнца возвращаются — предвещает хорошую погоду.

Когда дождевые черви по заходении солнца во множестве выползают из земли, то верно будет худая погода и дождь.

Когда куры вечером раньше обычного собираются в курятник, то верно на другой день последует дождь.

Когда свиньи беспрестанно визжат и таскают в хлев разный сор, должно ожидать дождя.

Когда овцы вечером не охотно и принужденно с пастбища идут домой, то должно ожидать дождя.

Когда вороны и лесные птицы купаются в реках и озерах, то последует бурная погода и дождь.